

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 1(43)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА
КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

**PRESSING TOPICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIRS
ECONOMICS
CULTURE & EDUCATION
DEBUT
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS**

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-Транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета –

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора –

Юрий Поройков, *к. филос. н.*

Редакционный совет:

Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*

Владимир Егоров, *д. филос. н., профессор*

Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*

Андрей Кокошин, *академик РАН, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям*

Николай Михайлов, *д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»*

Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*

Алексей Пушков, *к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»*

Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*

Владимир Рыжков, *к.и.н., председатель общественного движения «Выбор России», профессор ГУ ВШЭ. Автор и ведущий программы «Дым Отечества» на радиостанции «Эхо Москвы»*

Леонид Слуцкий, *д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам*

Андрей Федоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*

Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, *к. соц. н.*
Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

Журналу «Вестник аналитики» — 10 лет!	
Члены редсовета о журнале и ситуации в стране	5
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
Василий Колташов. Политические риски жесткой экономики	15
ГЕОПОЛИТИКА	
Владимир Дергачев (Украина). Геополитика мировой кибервойны	23
Евгений Вертлиб (Франция). Россия сквозь геополитику Франции	33
Тиберио Грациани (Италия). США, Турция и кризис Западной системы ..	37
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Вагиф Гусейнов. Договор СНВ-3: открывающееся окно возможностей или очередной ящик Пандоры?	41
Николай Савкин. «Великая арабская демократическая революция» Раздует ли она «мировой пожар»?	51
Эльдар Касаев. Арабский вектор российской политики последних лет ...	54
Инна Шумилина. Имидж США и Барака Обамы на Ближнем Востоке: между словом и делом	59
ЭКОНОМИКА	
Николай Захаров. Модернизация и новое качество государственного управления (политико-экономический аспект)	67
КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ	
О конкурентности высшего образования в России	74
Евгений Миннибаев. Заключительное слово ведущего заочный «круглый стол»	78
ДЕБЮТ	
Павел Комаров. Проблема вымогательства, сопряжённого со специфическими инвестициями («hold-up»), в политике	85
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»	
Что такое стабильное общество?	95
ПУБЛИКАЦИИ	
Уроки истории	
Борис Чернышев. Мимо уроков опыта истории по модернизации российского общества	123
Елена Комлева. Феномен ядерной энергии: духовно-гуманитарно-прагматичный взгляд	140
Увидеть своими глазами	
Мария Картунова. Как «дают стране угля». Новые реалии	146
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ	
Эльвира Спинова. «И бездны мрачной на краю...» О книге Эдгара Морена «К пропасти?»	154
Тезисы статей на английском	158
Об авторах	168

CONTENTS

The 10-th anniversary of release of first number of <i>Vestnik Analitiki</i> bulletin Members of editorial board about bulletin and a situation in Russia	5
PRESSING TOPICS	
Vasily Koltashov. The rigid economy's political risks	15
GEOPOLITICS	
Vladimir Dergachev (Ukraine). The geopolitics of the world cyberwar	23
Evgenie Vertlib (France). Russia, as seen through France's geopolitics	33
Tyberio Graciani (Italy). The USA, Turkey and crisis of the western system ..	37
FOREIGN AFFAIRS	
Vagif Guseynov. The START-3: an opening window of possibilities, or another Pandora's Box?	41
Nickolay Savkin. «The Great Arabian democratic revolution». Whether it will inflate the «world fire»?	51
Eldar Kasayev. The Russian politics' Arabian vector in the recent years	54
Inna Shumilina. The US and Obama's images in the Near East: between a word and a deed	59
ECONOMICS	
Nickolay Zakharov. Modernisation and the new quality of the governance (political and economic aspect)	67
CULTURE & EDUCATION	
About competition of higher education in Russia. Correspondence «round table» (<i>conc</i>)	74
Euvgeny Minnibaev. The closing speech of the discussion's anchorman	78
DEBUT	
Pavel Komarov. The hold-up problem in politics	85
«ROUND TABLE»	
What is the stable society?	95
PUBLICATIONS	
History lessons	
Boris Chernyshev. Passing-by the history's experience lessons on modernizing the Russian society	123
Yelena Komleva. Nuclear energy phenomenon: spiritual-and-humanitarian- and-pragmatic view	140
Eye witness	
Maria Kortunova. The way the country has its coal brought to grass. New realities	146
NOTES ON A BOOK'S MARGINS	
Эльвира Спинова. «And on a gloomy abyss' very brink...» <i>On Edgar Morin «Vers Labime?»</i>	154
SUMMARY	158
OUR AUTHORS	171

ЖУРНАЛУ «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» — 10 ЛЕТ!

В контексте юбилея редакция предложила членам редакционного совета ответить на вопросы, связанные, прежде всего, с деятельностью журнала в преддверии выборных кампаний 2011–2012 годов.

1. Как Вы оцениваете десятилетний опыт работы редакции и что бы Вы могли предложить для её совершенствования в контексте предстоящих событий?
2. Как Вы оцениваете сегодняшнюю общественно-политическую ситуацию в стране?
3. Угрожает ли стране дестабилизация и какие именно тенденции, по Вашему мнению, могут в наибольшей степени способствовать этому процессу?
4. Что, на Ваш взгляд, можно было бы сделать для улучшения общественной атмосферы в стране?
5. Должен ли стать 2011 год годом выработки новой повестки дня, как считает, например, М.Горбачев?

Михаил ДЕЛЯГИН:

1. Работа редакции мне очень нравится — я люблю «Вестник аналитики». Что касается совершенствования, то, с учетом имеющихся материальных ограничений, «неиспользуемых резервов» не вижу. Может быть, «глаз замылен».

Может быть, стоит попытаться выйти на страны постсоветского пространства — при помощи целевой рассылки по органам власти и Академиям наук, ключевым корпорациям и научным институтам.

Может быть, делать тематические вклады, превращая часть каждого номера в заочную дискуссию по наиболее фундаментальным проблемам современного развития.

2. Завершающий этап застоя. Дай Бог, чтобы в преддверии решения проблемы 2012 года мы не увидели «гонки на лафетах» — хотя, конечно, и по иной причине, чем в начале 1980-х.

Власть слишком наглядно и цинично не исполняет своих прямых служебных обязанностей. Она не то что не справляется — она даже не пытается справляться!

И, при всей легендарной апатии и терпеливости российского общества, оно потихоньку начинает звереть.

Стабильность будет сохранена до определения президента в 2012 году; на пути решения этой проблемы правящая тусовка не будет обращать внимания на стратегические проблемы и фундаментальные диспропорции до такой степени, что через некоторое время после 2012 года страна рухнет в системный кризис.

Главный сегодняшний вопрос: сможем ли мы оттуда выбраться?

3. Конечно, угрожает. Главная тенденция — нарастание коррупции, которая производит впечатление основы современного государственного строя. Коррупция ведет к оглуплению управляющей системы, но главное — делает ее мотивации, не связанные с благополучием страны (так как клептократия выводит свои активы за ее пределы).

4. Ограничение коррупции, но главное — демонстрация искренности и честности намерений руководства страны по нормализации положения. Грубо говоря, наши руководители должны хотя бы попытаться привести свои действия в соответствие со своими заявлениями.

Однако я не уверен, что они могут это сделать.

Общество же должно заниматься просвещением, а главное — законными методами стараться принуждать правящую бюрократию к исполнению своих прямых обязанностей.

5. Безусловно. В настоящее время повестка дня полностью сформирована правящей бюрократией и сводится к легализации в развитых странах украденных в России богатств. Российское общество не имеет своей собственной повестки дня как таковой. Выработка этой повестки, объединяющей страну и выковывывающей народ из населения, — главная задача текущего года.

Не успеем сейчас — завтра будет уже поздно.

Владимир ЕГОРОВ:

1. Опыт работы редакции журнала, то, что сделано его авторами, на мой взгляд, свидетельствует: журнал нашел свою нишу в российской научно-политической периодике. А это непросто. Возможно, в будущем следовало бы подумать о регулярных публикациях под условным названием, если угодно, под рубрикой: «Что прогнозировали — что получилось?» Думается, не будет откровением, если подчеркнуть: проблема в России не в глубине анализа происходящего, а в востребованности рекомендаций, прогнозов, в отсутствии ответственности за то, что не отреагировали вовремя, эффективно, адекватно на те или иные научные предупреждения, предостережения.

2. Общественно-политическая ситуация в стране достаточно стабильная и прогнозируемая. Она более предсказуемая, нежели может показаться, если опираться на то, что и как подается в СМИ. Другое дело, смогут ли власть, бизнес, гражданское общество в дальнейшем отвечать на социально-экономические, политические, иные вызовы в соответствии с их глубиной, реальным, а не придумываемым содержанием. Несмотря на все отличия 1990-х годов и «нулевых» годов в России, это делать удавалось. В этом кардинальное отличие двух десятилетий новой России от того, что происходило в СССР в перестроечные годы. Хотя вполне понятно, что объективных и субъективных

сложностей на путях формирования и реализации адекватной политики — предостаточно.

3. Дестабилизация возможна только в том случае, если не будет вырабатываться и осуществляться такая политика, о качестве которой только что говорилось в ответе на предыдущий вопрос. А угрозы и тенденции «угрожающего» порядка хорошо известны. Об этом более чем определенно говорится и политическим руководством России, и оппозицией — и справа, и слева.

4. Коротко на этот вопрос ответить сложно. Может быть так: надо, чтобы власть, бизнес и народ жили в одной стране и во имя одной страны.

5. Наверное, да. Только с одним условием: не надо шараханий, крайностей, смены парадигмы и в этом смысле — «повесток дня». Очередного радикального пере-устройства Россия просто не выдержит. Историческая ответственность — это обеспечение эволюционного развития.

Николай МИХАЙЛОВ:

1. Уже сам тот факт, что в условиях двух системных кризисов, в которые погрузилась наша страна за последние 10 лет, редакция журнала и её главный редактор и издатель В.А.Гусейнов оказались способными строго следовать концепции журнала и на деле стать эффективным вестником для всех, кого интересует будущее нашей страны, даёт все основания оценить этот опыт как безусловно позитивный.

Мои рекомендации: было бы полезно для журнала установить долговременные партнерские отношения с единственным российским журналом мирового уровня «Россия в глобальной политике» (председатель редакционного совета — С.А.Караганов) и с журналом «Стратегия России». Их проблематика созвучна с проблематикой журнала «Вестник аналитики», а авторы, публикующие свои материалы в них, были бы интересны и для нашего журнала.

2. Иначе, как глубочайший системный кризис, сопровождающийся кризисом власти, кризисом экономики, кризисом всей общественно-политической системы, сегодняшнюю ситуацию определить нельзя. Очевидно, что власть не знает, что делать... Есть все признаки растерянности. Как следствие, нет ответов на простые вопросы. Например, почему кризис российской экономики оказался столь глубоким и разрушительным, хотя Россия не находилась в эпицентре фундаментальных причин этого кризиса? Почему коррупция не только проникла в эшелоны власти, но и в большой мере генерируется и самовоспроизводится именно там? Почему «сватовство и кумовство», а не компетентность и деловые качества, являются условием назначения на руководящие государственные должности (чего стоят лишь некоторые одиозные министры!)? Почему вместо ответов на эти и множество аналогичных проблемных вопросов, вместо признания ряда очевидных провалов власть сконцентрировалась на PR-деятельности «первых лиц» и имитации успехов? Думаю, что при сохранении нынешнего положения дел и тенденций «градус напряженности» между властью и обществом может оказаться чрезмерным.

3. Любая дестабилизация несет в себе угрозу. Самые опасные из них — утрата общих ценностных ориентиров в обществе, нарастание социального

неравенства, ощущение личной незащищенности граждан, межнациональные, межконфессиональные конфликты, а также протестный потенциал, особенно среди молодежи.

4. Прежде всего, власти нужно перестать имитировать мнимые успехи, а начинать говорить правду. Если власть не будет бояться говорить правду, то тогда сама по себе отпадёт, например, проблема предоставления телеэфира любым её оппонентам. Власть должна прилагать усилия не на дискредитацию оппозиции (как «системной», так и «несистемной»), а на диалог с ней. Выборы должны стать выборами, а не следствием административного ресурса. Нужно активно поддерживать диалог между различными социальными группами, межнациональный и межконфессиональный диалог. Сейчас становится все более очевидным, что без политического реформирования в стране не будет ни модернизации, ни серьезных социально-экономических улучшений.

5. Думаю, что да. Текущая «повестка дня» в обществе воспринимается не иначе как дань словоблудию, а не как руководство к действию. Нужны и новые имена, и новые ценностные ориентиры, в которые поверило бы общество. Только в этом случае общество может оказаться готовым принять их как руководство к действию на долговременную перспективу. Но грядущая система выборов, в том числе президента, может помешать это сделать. Власть будет вынуждена концентрироваться на достижении лояльности избирателей по принципу «любой ценой» и по этой причине на согласование стратегически важных целей не останется ни воли, ни ресурсов.

Сергей КАРАГАНОВ:

1. Я не смогу быть беспристрастным, ведь я уже многие годы — член редсовета журнала. Но и его внимательный читатель. Журнал хорош и, безусловно, входит в пятерку лучших журналов международного профиля нашей страны. На его страницах часто появляются малоизвестные авторы и свежие темы. Ему чужд официоз. Он — доброжелательно-отстраненный аналитик.

Мое предложение — по возможности, никак не участвовать в политической кампании 2011–2012 годов. Внешняя политика не должна быть предметом партийных разборок. Тем более — даже не партий, а того, что у нас ими называют. Переориентация журнала на внутреннюю проблематику ничего не даст. Но я не только отстраненный советчик, но и друг, и член редколлегии, знающий, по собственному тяжкому опыту, как трудно финансировать независимые журналы. Поэтому, если кто-нибудь даст хорошие деньги — возьмите. Но заказные материалы печатайте в рамочке (не хочется сказать в «траурной»).

2. Нормальная русская жизнь, описанная Гоголем и Салтыковым-Щедриным, но с современными технологиями и в гораздо более жестко-конкурентном мире. Больше всего беспокоит нарастающая моральная и культурная деградация общества, с которой ни богатые, ни властные бороться не хотят, а даже и содействуют.

Хотя вроде бы начала поднимать голос новая интеллигенция. Наиболее очевидный случай — творчество русского гения Д.Быкова. Это внушает некоторые надежды.

3. Страна управляется, как говорил один из наших двух руководителей, «полностью коррумпированной бюрократией». «Вертикаль власти» работает только, если она проплачивается. Восстановление государства бюрократией, когда ей сказали «воруйте, но восстанавливайте», закончилось к 2007–2008 годам. Теперь только воруют, и система становится снова очень хрупкой. Пока нам везет во внешнем мире: конкуренты ослабли или не хотят до поры до времени давить. Но любой сильный толчок или, вернее, их серия может вызвать быструю череду негативных явлений. Доверие к системе низко. Но низка и активность масс. Она наслаждается впервые почти за сто лет потреблением. Так что при ловком маневрировании нынешняя система может продержаться долго. А потом, Бог даст, и начнет эволюционировать к приличиям и модерну.

4. Перестать воровать и врать. Но это при нынешнем состоянии общества, видимо, пока невозможно. Поэтому, чтобы не терять время, необходимо заниматься самовоспитанием народа, возвращением духа элиты, ответственности за свою страну и общество в нынешнем правящем классе. Да и в молодежи. Мы прошли еще только двадцать из положенных сорока лет, в течение которых Моисей водил народ по пустыне. Надо с толком потратить следующие двадцать, а то можно в пустыне и остаться.

Я думаю, для улучшения общественной атмосферы в стране нужно, продолжая болтать о модернизации — хотя бы для порождения раздражения из-за ее отсутствия, — начать серию проектов по духовному и культурному возрождению народа.

Ключевым, с моей точки зрения, должен стать проект по преодолению наследия тоталитаризма в обществе и сознании. А для этого — массовое строительство памятников миллионам жертв геноцида народа и его культуры, которым был отмечен в целом катастрофический для России, бывшего СССР, XX век. Раскрытие архивов. Пока мы не сделали этого и многого другого — мы остаемся боящимися правды наследниками творцов геноцида, убийц и палачей, разрушителей церквей и традиционной культуры и морали.

Когда признаем все это, проклянем из Кремля и с амвонов церковью режим, сможем начать уходить от греха тоталитаризма, смело смотреть в будущее, заслуженно требовать уважения у других народов. И главное — уважать себя.

5. Рад был бы согласиться с М.С.Горбачевым. Искать новую повестку дня надо, но найти ее в следующем году, увы, еще не удастся. Может быть, нащупаем что-то (см. выше).

Леонид СЛУЦКИЙ:

1. Я неоднократно говорил, что при явном дефиците аналитических изданий в безбрежном океане наших СМИ «Вестник аналитики» отчасти восполняет этот пробел, и ценность журнала для мыслящего слоя России несомненна. При этом очевидно, что с годами журнал становится более маститым, интересным. Что касается контекста предстоящих событий, то они, вполне понятно, связаны с федеральными выборами. Цикл 2011–2012 годов станет в известной

степени судьбоносным для России, выходящей из мирового кризиса. Мне хотелось бы пожелать «Вестнику аналитики» с максимальной открытостью анализировать ситуацию, складывающуюся в стране перед выборами.

2. Вопреки серьезным событиям последнего времени я не стал бы драматизировать ситуацию. Мне кажется, сейчас настал такой момент, когда следовало бы усилить анализ экономического развития, где немало позитивных моментов. В конечном итоге, именно подъем экономики, модернизация индустрии помогут спокойнее преодолеть общественно-политические трения. Таковы, на мой взгляд, особенности данного предвыборного цикла.

3. По сути, я уже ответил на этот вопрос. Крен общественного мнения к радикально-критическим настроениям, на мой взгляд, может стать главной опасностью текущего момента. В этой связи мне представляется, что журналу «Вестник аналитики» следовало бы давать больше аналитических статей о глубинных процессах возрождения нашей экономики на новых принципах модернизации.

4. Буду последователен: в последнее время на состояние общественной атмосферы заметно влияет общая экономическая ситуация в стране, к которой особое внимание привлек кризис. Но в этой связи небезынтересно привести слова директора ВЦИОМ В.Федорова: «В общественном мнении экономическая ситуация в стране выглядит хуже, чем она реально на деле складывается у большинства россиян». Мне кажется, журнал «Вестник аналитики» должен был бы всерьез исследовать причины такого расхождения.

5. В целом повестка дня для России сформирована достаточно четко: модернизация экономики, рост общественного благосостояния, стабильность развития, борьба с коррупцией, укрепление оборонной мощи и международных позиций, интеграция в мировую экономическую систему и т.д. Не хватает, пожалуй, более ясной идейной составляющей. Предстоит ответить на вопрос, звучащий в разных слоях общества: какое общество мы строим? Поэтому, на мой взгляд, нет необходимости в выработке какой-то принципиально новой стратегии.

Александр ЦИПКО:

1. Журнал «Вестник аналитики» — одно из немногих подлинно независимых изданий в России. Авторы его ни перед кем не заискивают, ни перед левыми, ни перед правыми, они пытаются докопаться до истины. Необходимо в будущем больше публиковать статей, посвященных анализу природы, причин тех противоречий, иногда просто неразрешимых, с которыми столкнулась посткоммунистическая Россия. Необходимо этими аналитическими материалами постепенно преодолевать легковесность оценок и суждений нынешней ситуации, характерных для нынешней политизированной публицистики. Надо считаться и с особенностями нашей национальной психологии, отличающейся дефицитом интереса к анализу причин социального негатива, дефицитом чувства реальности, чувства возможного.

Наши либералы сегодня в борьбе с путинской стабильностью навешивают на нулевые годы и негативные морально-психологические последствия

социалистического обобществления производства. Речь идет об утрате личной инициативы, самостоятельности мышления, патернализме, утрате чувства личной ответственности за свое благосостояние и просто о пассивности как образе жизни и, самое главное, навешивают на нулевые все откровенные уродства нашей приватизации, создавшей практически непреодолимые психологические препятствия на пути преодоления коррупции.

Мы до сих пор не осмыслили все негативные морально-психологические последствия разделения за несколько месяцев бывшей советской нации на ту сотню людей, которые ни за что ни про что получили в свои руки большую часть национального достояния и немислимые блага жизни, и на те миллионы, которые превратились в нищих.

Необходимо больше уделять внимания качественным особенностям психологии, настроению нового, посткоммунистического человека. У нынешнего российского человека появились страхи и заботы, которых не было ни у наших предков в дореволюционной России, ни у советских людей. Следов нынешнего массового неверия в будущее России, в возможность ее сохранения как самостоятельного государства на карте мира, вы не найдете ни в дореволюционной российской общественной мысли, ни в русской классической литературе, ни, тем более, в самосознании советского человека. Всегда было понимание, что мы, русские, живем хуже, чем другие, но всегда была вера, что благодаря переменам в общественном устройстве мы преодолеем свое отставание, заживем наконец-то по-человечески.

Еще двадцать лет назад люди в массе, в том числе и рабочие, верили, что рыночные начала, «хозрасчет» оживят нашу экономику и жизнь станет разумнее и богаче. Но сегодня, повторяю, никто (разве что идеологи либеральной оппозиции и сотрудники ИНСОРа) не верит в исцелительную силу «политической модернизации», радикальной ломки, революционных перемен. Отсюда, от неверия в исцелительную силу очередных перемен и очередных революций, и неготовность, нежелание идти на какие-то личные жертвы, недоверие к мобилизационной риторике и к мобилизационным проектам.

Провал всей идеологической кампании вокруг проекта «модернизации России» как раз и связан с недооценкой качественных особенностей нынешней моральной и идейной ситуации в России. Старшему и среднему поколению россиян вся эта кампания напомнила советскую болтовню по поводу строительства коммунизма, развитого социализма. Новое поколение эта кампания отпугнула своей мобилизационной направленностью. Отсюда и обывательские рассуждения о том, что «все эти разговоры о модернизации идут от нежелания власти делать что-то конкретное для улучшения жизни простых людей». Десятки раз слышал эту фразу даже от людей с высшим образованием. Короче, наша новая Россия с ее бесконечными проблемами даст уйму интересных тем для анализа. И самое главное. Необходимо более серьезно изучать угрозы и риски, угрожающие не просто с таким трудом достигнутой стабильности, но и вообще существованию России.

2. Никогда прежде не было в новой России так много недовольных жизнью, как сейчас, никогда не было так много пессимизма. И в этом парадокс, глубинное противоречие сложившейся ситуации. Несомненно, в целом эпоха Путина ознаменовалась значительным ростом благосостояния людей,

качеством пенсионного обеспечения, благоустройством жизни и быта миллионов людей. В нулевые годы построено больше миллиона новых домов, в том числе и в деревнях, малых городах. За руль автомобиля сели миллионы мужчин, которые в советское время и не мечтали о собственном авто. Но вся проблема, серьезнейшая проблема, состоит в том, что люди в массе оценивают свое благосостояние не в сравнении с тем, что у них было пять — десять лет назад, а в сравнении с благосостоянием верхов, тех, у которых все есть. И в результате происходит то, чего, как ни странно, не было в 1990-е, происходит осознание чудовищного разрыва между доходами верхов и доходами низов, зарождение классового самосознания у тех, кто внизу.

Больше всего стимулируют нынешний российский пессимизм поведение, образ мыслей, образ жизни нашей элиты. Никогда в тысячелетней истории России верхи не были так отделены от низов, как сейчас. Эгоизм, алчность тех, кто присвоил себе в 1990-е национальное достояние и кому «наплевать на будущее страны», — это реальный враг России. Если наша элита, бизнесмены, чиновники не верят в будущее своей страны, а доверяют самое главное, что у них есть — детей, деньги — за границе, строят свои главные дома там, то как может поверить в будущее своей страны человек, у которого к тому же нет ни гарантии благосостояния, ни гарантии безопасности.

Самое страшное, что все больше и больше людей воспринимают современную Россию как ненормальную, нездоровую страну, в которой все шиворот наыворот, где ничего не делается по-человечески. И действительно, трудно поверить в разумность страны, где «сотня человек ни за что, ни про что получила громадные богатства, а ты, простой смертный, сколько ни корячишься, не заработаешь за всю жизнь на квартиру».

Лидер независимых профсоюзов на заседании Совета модернизации в конце 2010 года имел полное основание напомнить президенту об угрозе повторения событий 1905 года. У новых русских капиталистов, как и у их предреволюционных предшественников, нет инстинкта самосохранения. Они не понимают, что их стремление к сверхприбылям, к сверхдоходам в нищей стране может обернуться новым взрывом. Теперь стабильности россиянам мало, они хотят больше справедливости, более справедливого распределения доходов от эксплуатации общего национального достояния.

3–4. Стабильность в стране можно сохранить только при активной, внятной социальной политике государства, при постепенном, но неуклонном удовлетворении растущего изо дня в день запроса на справедливость. Левая политика неизбежна, иначе нам не сохранить новую Россию. Необходимы факты, решения, опровергающие ширящееся внизу мнение, что «Путин и Медведев — это ставленники олигархического капитала», что они заодно с миллиардерами. Постепенное введение пропорционального подоходного налога, налога на роскошь стоит на повестке дня. Необходимо ежедневно показывать, что власть озабочена правами людей наемного труда. Сложившаяся «вертикаль власти» оправдывает свое назначение, если она заставит крупный капитал делиться своими сверхдоходами с населением.

Лучше проводить левую политику сверху, наступать на права олигархического капитала, чем плодить социальную базу для очередной, последней, русской революции.

Вагиф ГУСЕЙНОВ:

В феврале исполнилось 10 лет со дня выхода первого номера журнала «Вестник аналитики», издаваемого нашим Институтом стратегических оценок и анализа при поддержке ГК «Н-Транс» и Бюро социально-экономической информации.

Не дело главного редактора хвалить свой журнал, но справедливости ради все-таки стоит отметить, что нам удалось занять свою нишу в ряду заметных общественно-политических изданий страны и найти своего постоянного читателя. Журнал читают и рядовые люди, и депутаты, и сотрудники властных структур различных уровней, в центре и регионах его выписывают библиотеки, найти его можно и в фондах ряда зарубежных научно-исследовательских центров.

Издание журнала — это коллективный труд, и прежде всего — сотрудников нашего Института, особенно в первые годы его становления. Хотел бы подчеркнуть и значительную роль в дальнейшем развитии Вестника первого заместителя главного редактора Юрия Поройкова.

И, конечно, самые добрые и теплые слова следует сказать в адрес членов редакционного совета журнала, в состав которого входят известные учёные, политологи, политики и общественные деятели. Лучшей демонстрацией их внимания и требовательности к журналу, заботы о его всемерном совершенствовании являются их выступления в сегодняшнем юбилейном номере.

Вокруг журнала сложился замечательный авторский актив, назову лишь несколько известных имён — Рой Медведев, Георгий Мирский, Любовь Ярошенко, Павел Гуревич, Эрнест Султанов, Александр Свечников, Сергей Ознобичев. Во втором номере журнала за 2007 год у нас публиковался будущий президент России Д.Медведев — была напечатана его статья «Национальные проекты: от стабилизации к развитию».

Постоянно сотрудничают с журналом и такие известные иностранные специалисты, как немецкие политологи Эберхард Шнайдер, Петер Шульце, Ганс-Иоахим Шпангер, Карл Рольф Экеус (Швеция), Валерий Паульман (Эстония), Тиберио Грациани (Италия), Владимир Дергачев (Украина), Изабель Факон (Франция), Расим Агаев (Азербайджан).

Все наши авторы — люди со своими взглядами, принципами, позициями и опытом жизни в совершенно разных условиях. И это именно то, к чему мы стремились все эти годы, — представлять разные точки зрения по самым актуальным вопросам политики, экономики, культуры и образования, давать нашему читателю возможность сформировать свое мнение по основным вопросам внутренней жизни государства и проблемам внешней политики.

В этих же целях по предложению члена редсовета Сергея Кортунова, недавно ушедшего из жизни, мы открыли в журнале рубрику «Дебют» для делающих первые шаги на научном поприще студентов и аспирантов ВУЗов. Эта идея оказалась плодотворной — свежий взгляд молодых людей позволяет им рассмотреть детали и подробности, на которые «маститые» уже не всегда обращают внимание. С другой стороны, это прекрасная возможность для наших читателей познакомиться с новым поколением будущих российских ученых, понять, какой видит жизнь молодая поросль, чем «дышит», к чему стремится.

Мы же все эти десять лет «дышали», как мне представляется, важными для судеб мира проблемами, такими, как отношения России с Европой, Соединенными Штатами, различными международными организациями, ситуации в «горячих точках» планеты, сокращение ядерного оружия и ряд других, не менее важных. Материалы наших авторов по этим темам, по моим впечатлениям, с интересом принимались читательской аудиторией.

Десятилетний юбилей — это, конечно, повод подвести некоторые итоги, с удовлетворением посмотреть на достигнутые успехи и немножко «попочивать на лаврах». Но в значительно большей степени этот рубеж заставляет нас задуматься о будущем, о том, каким мы хотим видеть наш журнал в ближайшей перспективе. Что еще нужно сделать, чтобы он привлекал внимание большего круга читателей, будил мысль, стимулировал стремление высказать свое мнение, внести свой вклад в решение коренных вопросов российской и международной жизни, хотя бы для начала на теоретическом уровне — на страницах нашего Вестника.

Многие в редсовете нашего журнала считают, что сегодня в России глубокий системный кризис — кризис экономики, кризис всей общественно-политической системы. Немало всех нас беспокоит и нарастающая моральная и культурная деградация широких масс, справиться с которой пока не могут ни власть, ни общество. Ответа на вопрос: «Куда ж ты мчишься, Тройка-Русь?» так и нет до сих пор.

Из такой констатации естественно вытекают и задачи, которые ставит перед собой редакция в ближайшей перспективе. Нам действительно необходимо основательнее изучать природу и причины возникающих противоречий и конфликтов в политике и общественной жизни, проследить возникновение и развитие позитивных и негативных тенденций в различных социальных сферах, в психологии масс, настроениях людей, в их ценностных установках, больше внимания уделять вопросам духовного и культурного возрождения. И помнить при этом, что «мысли лучших умов всегда становятся, в конечном счете, мнением общества». Мудрое суждение, несомненно, вынесенное из опыта весьма прозорливым исследователем.

Мы, безусловно, продолжим продуктивную, на мой взгляд, практику дискуссионных «круглых столов», нацеленных именно на эту проблематику. Привлечение к участию в них известных философов, психологов и других специалистов-гуманитариев позволяет значительно расширить и углубить аналитику общественно-политических процессов в стране.

И вот еще что хотелось бы заметить в заключение.

Замыслив издание аналитического журнала общественно-политического профиля и начав его выпуск в достаточно сложный период жизни страны, мы понимали ответственность, которую возложили на себя, — в первую очередь «чувства добрые лирой пробуждать». Получается пока по-разному. Но мы от ответственности не отказываемся и заверяем читателя, что будем и впредь делать все от нас зависящее для популяризации и развития научной мысли, имея в виду одну-единственную цель — процветание нашей страны.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Василий КОЛТАШОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЖЕСТКОЙ ЭКОНОМИИ

Убежденность в скором и самопроизвольном окончании экономического спада оставалась компасом политики российских властей с 2008 года. Общество охотно верило в справедливость подобного расчета. Еще недавно мало кто подозревал, что кризис может превратиться в эпоху. Но произошло именно это. Позади три года нездоровья экономики. В новом, 2011 году ее символами грозят стать всеобщая экономия, социальная напряженность и разбухшая политика.

Если верить официальной статистике, итоги 2010 года надо признать положительными. Приблизительно на 3,8% увеличился ВВП, пониженной оказалась инфляция (Росстат насчитал ее на 8,7%), банковская сфера сохранила стабильность, а промышленное производство выросло. На 2,2% возросла добыча нефти. «Газпром» и другие корпорации пережили год с выгодой и сохранили оптимизм. Власти договорились о принятии России в ВТО в 2011 году и создали, к огорчению западных «друзей», Таможенный союз вместе с Беларусью и Казахстаном. Улучшилась ситуация с экспортом металлов и остального сырья. Фондовый рынок вырос, а спекуляции продовольствием принесли огромную прибыль. Государство смогло в конце 2010 года привлечь 15 млрд. рублей за счет новой приватизации, продажи 120 пакетов акций.

Критики «хорошего года» справедливо подчеркивают оборотную сторону успехов: высокую потребительскую инфляцию (особенно взлет цен на продовольствие), пожары, неурожай и социальный кризис. Минимальная потребительская корзина в России подорожала, по данным Росстата, на 22,7%. Значение имеет и неурожай на огородах горожан. Данные статистики указывают на сохранение значительной безработицы. Особенно велика она среди молодежи, что сближает РФ и ЕС. По сведениям Росстата, безработными являются 8,5% экономически активных россиян. С учетом неполной занятости безработица, вероятно, составляет 12–13%. Декларируемое властями повышение реальных доходов населения на 4% не выглядит убедительным. На деле этот показатель за год снизился как минимум на 10%. Решающей оказалась роль продовольственных цен.

Наряду с «важнейшими» фактами, существует еще множество неявных негативных признаков. Среди них: разорение сотен малых и средних пред-

приятый по всей стране и тяжелейшее состояние местных бюджетов. Федеральный бюджет не обошелся без дефицита, несмотря на отсутствие серьезных макроэкономических потрясений и высокие мировые цены на сырье. Перевес расходов над доходами казны, по предварительным расчетам, составил 3,2 трлн. рублей и оказался едва ли не в половину больше дефицита 2009 года. По отношению к ВВП бюджетный дефицит составил 3,5–3,8%. Увеличение дефицита вынудило власти признать необходимость повышения налогов на частный сектор. Но еще большее значение имеет резкое повышение финансовой нагрузки на население.

Первое, что встретили россияне после нового года, это более высокие тарифы. Поднялась плата за проезд. Подорожали газ, электричество и бензин. Увеличилась стоимость алкоголя и табака. Все эти меры должны принести казне дополнительные средства. Планы повышения платы за газ предусматривают ее ежегодный рост на 15% и более. В ближайшие годы должно подорожать очень многое. Это становится серьезнейшей проблемой для общества, катализатором социальной напряженности в стране и предпосылкой политического кризиса. Правительство готовится много тратить на поддержание хозяйственной стабильности и сокращение социальных расходов. Намечена коммерциализация всей общественной сферы, от школ и больниц до музеев и библиотек.

Чиновники готовятся к долгому экономическому кризису. Не случайно глава правительства заявил о том, что ранее 2012 года не стоит ожидать окончания проблемного времени. Кризис, действительно, растягивается на целую эпоху в жизни страны и планеты. Связанная с этим проблема для властей состоит в том, что в наступившем году россияне могут начать воспринимать свои затруднения, включая увеличение цен и тарифов, как бесконечный процесс наполовину управляемых ухудшений. Сценарий «дальше будет хуже» естественно вытекает из долгого бесплодного ожидания конца мирового кризиса и возврата экономики к положительной динамике 2002–2008 годов. Ожидание это длится почти три года.

Официальная версия гласит: идут медленные улучшения; основные трудности для национального хозяйства в прошлом. Однако покупка «положительных признаков» обходится все дороже. Граждане ощущают не их, а произошедший переход от быстрого спада в 2008–2009 годах к медленным ухудшениям 2009–2010 годов. Наступивший 2011 год несет продолжение этой истории. При прежних доходах населению предстоит намного больше тратить. По итогам 2011 года снижение реальных доходов вряд ли окажется меньше, чем в неурожайном 2010 году. Как минимум, граждане в большинстве потеряют 10–12%.

Без серьезных обвалов на мировых рынках правительство сможет и далее информировать общество о маленьких победах антикризисной политики. Принципиально новым здесь является только восприятие пропаганды. Она начинает радикально разниться с действительностью.

Главным эмоциональным итогом 2010 года можно назвать возросшее недовольство общества. Более всего недовольны не самые бедные его представители, а средние слои — те, кто получал немалые выгоды от экономического подъема 2000-х годов. Для них существует проблема платежей по бан-

ковским долгам. Сократились возможности для отдыха за рубежом и на отечественных курортах. 2011–2012 годы готовят еще немало плохих финансовых сюрпризов: придется больше тратить на обучение детей и брать на себя оплату «гарантированных» медицинских услуг. Сужение внутреннего рынка России ведет к ускоренному росту потребительской инфляции. Она сохранится на высоком уровне и в 2011 году. Особенно быстрый рост цен может иметь место до осени.

Раздражение в российском обществе нарастало все последние годы. Но это было скрытое, во многом неосознанное и безадресное раздражение. В 2010 году ситуация изменилась. Потеряв относительное благополучие, общество начало замечать в этом вину власти и ее публичных лидеров.

В 2008 году россиян убеждали в том, что они, как и вся экономика страны, только выиграют от кризиса. Затем вся вина за уязвимость национального хозяйства была возложена на США, «устроившие нам кризис». Следом за стремительным спадом второй половины 2008 — начала 2009 годов пришло время оживления фондовых и сырьевых рынков. Возобновившийся рост цен на нефть объяснялся не началом выздоровления мировой экономики, а всплеском спекулятивной активности корпораций в результате субсидирования их властями США.

После кризиса 1998–1999 годов в России сложился общественный договор между большинством граждан и правительством. Оно могло делать все, что считало нужным, не встречая никакого сопротивления низов, пока не стремилось явно ухудшить их положение. Попытка властей в начале 2005 года в ходе резкой неравноценной монетизации льгот нарушить это правило привела к вспышке протеста пенсионеров. Правительству пришлось маневрировать и пойти на уступки. Встретившие россиян в первые же дни 2011 года новые тарифы и цены, включая транспорт, по сути, являются новым нарушением старого общественного договора. Но они также указывают на то, что власти не имеют ресурсов соблюдать его, следуя при этом прежним экономическим курсом. Противоречие это не может быть разрешено иначе, как политическим путем.

Еще одним важным событием нового года является вступление в силу 1 января закона о реформе бюджетных учреждений. Согласно ему, государство сохранит финансирование ограниченного числа казенных учреждений, а остальные должны будут самостоятельно изыскивать средства. Они смогут получать лишь заказы от государства. В частности, школы будут получать заказы от казны на обучение определенного числа учеников минимуму обязательных дисциплин. Все текущие расходы школы и оплату «дополнительных» предметов придется взять на себя родителям. Подобным образом должны будут перестроить функционирование больницы и другие учреждения.

Власти сознают радикальность принятого «экономного» закона и предусматривают инкубационный период для его вступления до 1 июля 2012 года. Однако это вряд ли спасет чиновников от массового недовольства. Закон может сыграть огромную роль в смене политической обстановки в стране и всего общественного поведения, поскольку он демонтирует социальную сферу. Его реакционный характер выражается в направленности против государственной школы, научной, высшей и средней образовательных

систем. Эти сферы изначально формировались государством как необходимые для развития; без этих нерыночных элементов рыночная экономика не могла обходиться — не могла расти.

Особую остроту закону о коммерциализации общественной сферы придадут непростые российские социально-экономические условия. Если политики, близкие к правительству, оценивают 2010 год как время стабильности, то настроенные критически эксперты подчеркивают, что минувший год оставил после себя углубляющийся социальный кризис. Сосредоточенность чиновников на политике «экономии», аналогичной проводимой в странах ЕС, играет на создание в стране взрывоопасной ситуации. Уже немалая часть пострадавшего от кризиса населения не сможет оплатить всех предъявляемых счетов. Повышение нагрузки на рядовых потребителей не оставляет шансов ориентированным на них производителям. Сужение экономики в 2011 году способно ускориться.

Противоречия накапливаются, и страна движется к взрывообразному их разрешению. Отсутствие влиятельной оппозиции не должно обманывать. История показывает, что новые политические силы могут возникнуть уже в процессе стихийно стартовавших перемен. На обострение социально-экономической, а следом и политической ситуации, может сыграть даже частичный обвал рынков. Крайне высока вероятность повторения падения на рынках, аналогичного отмечавшемуся в апреле-июне 2010 года.

Удаление механизмов общественного влияния на власть в ходе 2000–2008 годов не вызывало никакого сопротивления. Оппозиционные либералы сетовали, что россияне променяли политические свободы на экономическое благополучие. В реальности подобной сделки не могло быть — никто ничего не менял. Высокие цены на нефть, газ и другое сырье содействовали росту российской экономики. Доходы работников повышались, а компании процветали. Конъюнктура облегчала властям перестройку политической системы России под задачи сырьевой корпоративной империи, удачно вписанной в глобальный рынок. Все мешавшее сырьевым гигантам постепенно устранялось.

Выстроенная в итоге политическая модель соответствовала сложившейся экономической системе. Авторитарный характер должен был обезопасить ее от возможного сопротивления. Он также облегчал осуществление непопулярных в обществе мероприятий, таких, например, как введение единого государственного экзамена, обязательного страхования или платы за ранее предоставлявшиеся бесплатно услуги. Российский парламентаризм стал полностью декоративным, а выборы утратили смысл. Допуск к ним партий и само их разрешение (разрешительная регистрация) определялись чиновниками. Исполнительная ветвь власти целиком взяла под контроль законодательную и судебную системы.

Все, что расширяло возможности власти в годы хозяйственного подъема, с приходом кризиса стало сужать пространства для ее маневра.

Линия правительства была последовательной, но осторожной. Население легко поддавалось убеждению в том, что экономический бум создан руководством страны, а не состоянием рынка планеты. Оно ожидало дальнейшего улучшения жизни и связывало его с успехами властей. В этих условиях отказ

от выбора губернаторов, ужесточение требований к разрешенным партиям или закон о борьбе с экстремизмом мало кого интересовали. Пробы политических репрессий также оставались без отклика широких слоев российского социума. Слабым было и профсоюзное движение. Страна увлеченно переживала потребительский бум. Его конец наступил в 2008 году, когда экономика мира вошла в новое — неожиданное — состояние. Наступил большой кризис.

Без понимания логики глобального кризиса невозможно понять, каковы перспективы российской экономической и политической жизни. Спад начался с фондового рынка и банковской сферы. Но его источником было товарное перепроизводство в условиях исчерпания важнейших рынков планеты — США и Западной Европы. Дальнейшее сокращение себестоимости товаров за счет дешевой рабочей силы стран периферии сделалось невозможным. Дорогие энергоресурсы еще более осложнили положение. От обычной рецессии кризис 2008 года отличала его безвыходность в рамках неолиберальной модели мирового хозяйства. Не случайно три года ожесточенной борьбы правительств со спадом породили лишь стагнацию, маскируемую официальными отчетами под слабое оживление.

Депрессия основательно вошла в жизнь к 2011 году. Но она носит промежуточный характер (предваряющий второй спад — «вторую волну»), а не подготовляющий новый подъем. Отсутствие механизмов радикального удешевления товаров и дефицит спроса остро ставят во всем мире вопрос о радикальных изменениях. Неолиберальная — ультрарыночная модель потеряла экономическую эффективность. Она поддерживается политически. Для формирования условий преодоления многолетнего кризиса нужны принципиально новые экономические и общественные условия, а это ставит вопрос о политических переменах. Настает время столкновения платформ и взглядов, а не безраздельного господства одной «естественной» — неолиберальной политики и идеологии.

В России, как и во многих других странах, политика на время ушла в сторону по вине экономики. Но по ее воле она готовится вернуться.

Реальный сектор по всему миру продолжает испытывать трудности, а наступившее в 2009 году облегчение для финансовой сферы создано колоссальными государственными субсидиями. Цены на нефть, столь важные для экономики России, восстановились именно в результате возобновления спекулятивных игр. Естественный для любого серьезного кризиса крах спекуляций был искусственно устранен усилиями властей США и других государств. Это еще более привязало Россию к старой неолиберальной хозяйственной модели мира и определило риторический характер экономической модернизации.

Кризис не был побежден. Регуляторам удалось лишь снять некоторые симптомы и сдержать развитие спада. Большинству стран это стоило перегрузки бюджетов. Отсюда взялся огромный бюджетный дефицит России в 2010 году, выросший с 2009 года вместе с ценами на нефть и вопреки их высокому уровню. Продолжение бюджетных трудностей неминуемо последует в 2011–2012 годах. Во второй половине 2010 года власти уже сменили стратегию в отношении проблемных банков. Вместо дорогостоящей поддержки или спасения государство перешло к устранению с рынка слабых

кредитных институтов. Это вызвало шок у определенной части деловой элиты страны. Отзыв лицензий у банков, вероятно, станет в 2011 году намного более привычным явлением.

Другим примером перехода правительства к тотальной экономии стала отставка «пожизненного» мэра Москвы. Финансовые ресурсы столицы вышли из-под контроля Лужкова и близкой ему группы компаний. Они перешли в распоряжение центральных властей. То, что произошло это лишь на третьем году экономического кризиса, указывает на вынужденный характер принятого в Кремле решения.

В 2008–2010 годах столичные власти свободно использовали огромные средства на поддержание своего неэффективного строительного бизнеса. Это позволило сохранить высокие цены на рынке недвижимости вопреки его разрушению. В 2010 году власти страны, наконец, осознали правоту «бредовых аналитиков», обещавших долгий кризис еще в первые недели 2008 года. При этом правительство избрало сохранение выжидательного курса. Начался переход к жесткой экономии при концентрации всех доступных ресурсов. Госдолг России в 2010 году достиг 41 млрд. долларов и продолжит расти.

Сложившуюся к началу 2011 года ситуацию во власти можно назвать финансовым кризисом верхов. Он соединяется с кризисом терпения низов — трудящихся классов и части собственников. В самый неподходящий момент им предложено властями подождать еще и при этом заплатить больше. В таких условиях приход широких общественных слоев в политику гарантирован, даже если они не понимают, что это такое. Важным элементом зарождающегося радикального ренессанса политики в России является неприятие всех официальных партий.

Опасность для власти сложившейся к началу 2011 года ситуации состоит не в том, что государство и ведущие сырьевые корпорации не смогут выдержать еще 2–3 года мирового кризиса. Ресурсов для поддержания крупнейших российских монополий пока хватает. Они концентрируются бюрократией; производятся сокращения расходов. Повышение налогов и тарифов должно сдерживать падение поступлений в казну в ближайшие годы. Увеличение тарифов для населения и предприятий призвано заодно компенсировать энергетическим монополиям потери на мировом рынке. ЕС добивается снижения платы за газ. Взлет нефтяных цен в начале года не исключает их снижения позднее, хотя радикального обвала (как во второй половине 2008 года) в 2011 году, видимо, не произойдет. ФРС США продолжит снабжать деньгами американские финансовые корпорации. Падение доходов населения планеты еще недостаточно, чтобы вызвать неисправимый крах сырьевого рынка.

Экономия становится основной стратегией российского правительства. Она носит общие черты с неолиберальной экономией в Евросоюзе, но обещает стать гораздо более радикальной. Угроза здесь кроется в разрушении социально-политической стабильности. Общество не может скорректировать антикризисный курс государства и не может изменить его. Невозможно даже широкое обсуждение этих важнейших вопросов. В России не осталось путей для легальных перемен, если не считать шанса на революцию сверху. Какова ее вероятность? Возможна ли она без давления и не в результате полного

краха старого курса? Правительство полагает, что держит под контролем все процессы. В реальности оно не контролирует главный процесс — экономический. Кризис продолжает развиваться. И что самое страшное, идет почти беспрепятственный развал российского внутреннего рынка.

Если политика власти в России все более сводится к странной экономии, далеко не исключаяющей субсидирования части бизнеса, то «экономия» обещает пробудить массовую политику. Бремя казенной бережливости почти целиком ложится на трудящихся, и, прежде всего, на средние слои общества, наиболее активные экономически и ранее лояльные власти. Не пришедший из Америки таинственный кризис становится источником общественного раздражения, а правительственная политика. Перемену в общественном сознании, вероятно, закрепит 2011 год. Населению, чьи доходы продолжают снижаться, предьявляется слишком много счетов.

Еще одним фактором вызревающих перемен в стране является раскол правящего класса. Критики Кремля напрасно ищут его в отношениях президента и первого министра. Трещины лежат глубже — в пласте бюрократии и капитала. Растет недовольство части большого бизнеса, особенно той, что не может далее рассчитывать на финансовую помощь властей. Мелкая и средняя буржуазия озлоблена своим разорением. В среде бюрократии накапливается то же недовольство, что и в остальном обществе. Верхи чиновного класса также настроены неоднозначно. Немалая часть ощущает пугающую неясность перспектив и опасность, исходящую от дальнейшей экономии при выжидании конца кризиса. Социальная опора власти сужается, несмотря на оптимизм рейтингов первых лиц страны. Она сокращается даже в самой бюрократии. Когда власть станет верхушечной, она сделается крайне уязвимой.

Политика жесткой экономии, как и вся экономическая политика, в РФ диктуется интересами сырьевых монополий. В их интересах намеченное на 2011 год присоединение России к ВТО. Их потребностями объясняется странный характер модернизации экономики, не рассчитанной на реальный успех. Страну готовятся оставить в тупике периферийной сырьевой экономики.

Вступление России в ВТО грозит ударить по сельскому хозяйству и обрабатывающей промышленности. Экономика страны не подготовлена к жесткой конкуренции и нуждается в наращивании протекционизма. Жизненно необходимы программы стимулирования государственного инвестирования, научного развития и технического переоснащения экономики и усиления замещающего импорт производства. Большое значение имеет стимулирование потребления, занятости и повышение образовательного уровня населения. В стране, по данным Счетной палаты, износ основных фондов составляет 80%. Но членство в ВТО видится спасением для сырьевых корпораций, как тотальная экономия кажется спасением для истощенной казны. Всё это — иллюзии в условиях внешней и внутренней нестабильности.

Стратегическая ошибка российских властей состоит в непонимании, что окончание глобального кризиса будет связано с изменением всей модели мирового хозяйства. Открытость экономики — фактор усиления в ней кризиса и обострения социально-политической обстановки. Повышение материальной нагрузки на население — предпосылка его возмущения.

России необходима самостоятельная стратегия преодоления кризиса. Если с этой задачей не справится одно правительство, то ею займется другое. Смена власти может иметь самые различные способы. Нельзя исключать и бюрократический «дворцовый» переворот, вполне логичный в условиях раскола верхов.

Одна часть бизнеса может рассчитывать на поддержку властей, а другая, все более увеличивающаяся — нет. Финансовая слабость центрального правительства сама усиливает скрытое еще недовольство в верхах. Радикальная политика жесткой экономии нравится не всем чиновникам. Она урезает их возможности и пугает разрушительными последствиями. Население не может решить задачи, в которой из сокращающихся доходов нужно покрывать растущие статьи расходов. Интерес к скрытой и явной политике просыпается с разных сторон. Если в 2011 году первые перемены еще не станут явными, то резко усилятся их предпосылки.

Владимир ДЕРГАЧЕВ (Украина)

ГЕОПОЛИТИКА МИРОВОЙ КИБЕРВОЙНЫ

2010 год прошел в России под знаком «перезагрузки» и ратификации американским Сенатом Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). Но пока внимание было приковано к этому важному документу, полным ходом началась «загрузка» киберпространства, которое становится основным полем боя информационных войн. Завершается период цветных революций, в проведении которых доминирующая роль отводилась телевидению.

Число пользователей Сети достигло в 2000 году примерно 500 млн. человек и за последующее десятилетие превысило 1,5 млрд., что составляет примерно 25% населения Земли. При этом доля Соединённых Штатов сокращается за счет роста пользователей преимущественно Азиатско-Тихоокеанского региона. В результате информационной революции возникло глобальное сетевое общество. Особенно высокими темпами за последние годы расширялись социальные сети, такие как Фейсбук, Твиттер и другие, где формируется новая сетевая идеология и оппозиция «мировому правительству» и государственным институтам.

За последнее десятилетие лидером в глобальном информационном пространстве стали не традиционные СМИ, а сетевой проект.

Самый мощный и бесплатный информационно-справочный ресурс в Сети и крупнейшая энциклопедия за всю историю человечества — свободная энциклопедия Википедия, которую посещают от 300 до 400 млн. человек в месяц (5-е место по посещаемости веб-сайтов в мире). Работа Википедии, основанной американским гражданином, поддерживается некоммерческим фондом, где занято несколько десятков сотрудников, а объем ежегодных расходов составляет \$6 млн. В конце 2010 года за 8 недель была собрана рекордная сумма в 16 млн. долл. пожертвований. На начало 2011 года в Википедии размещено 19 млн. статей на 272 языках. Для создания крупных национальных полиграфических энциклопедий требовалось до 10 лет, и все равно их объем был ограничен. Большая советская энциклопедия или Британская энциклопедия (Британика) насчитывает всего около 100 тыс. статей.

Сетевой проект отличается исключительной оперативностью. Например, статья о теракте в аэропорту «Домодедово» появилась в Википедии уже через два часа после трагедии. Несмотря на системную предвзятость и несбаланси-

рованность в освещении тем, временные акты вандализма, Википедия пользуется большой популярностью и оказывает существенное влияние на мировоззрение пользователей. Но при этом необходимо отдавать себе отчет, что это проект Запада.

Соединенные Штаты, на долю которых в конце XX столетия приходилось, по разным оценкам, включая ЮНЕСКО, от 65 до 80% мирового потока информации, пока еще доминируют в мировых СМИ и постоянно используют информационные войны в глобальной конкуренции. Контролируя мировые СМИ, Вашингтон был убежден, что и во Всемирной Сети, владея информацией, он будет «вечно» управлять миром. Но в начале XXI зависимость мирового сообщества от Соединенных Штатов — «информационного империализма» — была подорвана благодаря триумфальному распространению Интернета и, особенно, социальных сетей.

Информационно-технологическая революция внесла существенные коррективы в геополитику — науку о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния (центров силы) различных государств и межгосударственных объединений. Современная геополитическая мощь государства определяется в первую очередь не материальными ресурсами, а силой духа. Новейшая геополитика преодолевает узость традиционной и новой геополитики (геоэкономики), ограниченной географическим и экономическим пространством. Она оперирует большими пространствами многомерной сопряженности, включая виртуальное пространство Всемирной Сети (киберпространство), и вооружена информационно-коммуникационными технологиями манипулирования сознанием (подсознанием), позволяющими эффективно вести сетевые войны.

Устарели многие геополитические концепции. Теперь нет необходимости владеть тем или иным участком континента или Мирового океана, чтобы «владеть» миром. Становятся неактуальными геополитические задачи государственного объединения народов вдоль коммуникационных коридоров в реальном географическом пространстве («из варяг в греки», средиземноморского и Великого шелкового пути). В киберпространстве формируются современные технологические системы огромного стратегического значения (политического, оборонного, экономического, социального и культурного). Здесь, по аналогии с Великим шелковым путём, образовалась Великая информационная магистраль, и опасно оказаться на её «периферии».

На пороге романтического восприятия новой технологической эпохи сформировалась геополитическая концепция мирового порядка: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Считалось, что новый мировой порядок будет определяться технологическим контролем киберпространства, то есть Соединенными Штатами — мировым лидером высоких технологий. Новый информационный мировой порядок, установленный Западом во главе с США, должен был стать основой геополитической архитектуры XXI столетия. Однако этого не произошло.

Как становится очевидным, не только этнонациональные и этноконфессиональные конфликты могут определять меняющуюся картину мира. Конфликт интерактивной среды Интернета с существующими статусными коммуникациями государств, политических, военных и экономических блоков

может стать взрывоопасным в результате мировой сетевой информационной войны.

Формируется идеология глобального сетевого общества на основе новой Реформации и Просвещения¹.

Согласно геополитической теории больших многомерных пространств, главным событием уходящего мирового геополитического 500-летнего цикла Восток — Запад стала христианская Реформация и Просвещение. Как известно, основным продуктом европейского Просвещения была идеология — замена религии для гражданского общества. В западной христианской цивилизации рациональное восприятие доминировало над чувственным миром человека. И на этом основании она стала претендовать на исключительность по сравнению с восточными цивилизациями. В европейской традиции Просвещение рассматривается как «влечение к правде и чести», основанное на триаде рационализма, индивидуализма и материализма. Но разве восточные цивилизации не доказали своей многотысячелетней историей, что этот путь возможен и на другом фундаменте, где чувственное восприятие мира доминирует над рациональным? И не заплутала ли в очередной раз Россия в стремлении осуществить модернизацию — переход от традиционного к современному обществу, под которым понимается исключительно западная цивилизация?

Новый мировой геополитический цикл будет определяться не только смещением полюса экономического и технологического развития на Восток². Доминирующим становится приоритет духовных технологий над материально-прагматическими. Идеология глобального сетевого общества формируется не по западному сценарию. Основой новой Реформации и Просвещения будет борьба за совесть, против имитации истинной веры и действительности, против современных индულгенций — прав властей и финансовой олигархии на ложь, продажность и безнаказанность.

В результате глобальная система Интернета стала фактором политической и экономической действительности и превращается в геополитическую коммуникацию, где мобильность информации становится стратегическим ресурсом, не имеющим территориально-государственной организации. Впервые в истории человечества произошло понижение статуса государства, ограничение статусной институциональной культуры. Статусные коммуникации традиционно выступают в трех основных формах — политической, социальной и географической коммуникациях.

Политические коммуникации ассоциируются с государственными институтами, сверхдержавами, великими державами.

Национальная безопасность связывается с принадлежностью к определенным статусным коммуникациям, например, к НАТО, Европейскому Союзу или Всемирной торговой организации. С позиций новейшей геополитики понижение в информационную эпоху статуса государства-нации делает невозможным его гегемонию в многомерном коммуникационном простран-

¹ Дергачев В. Киберинтернационал поколения NET. — http://dergachev.ru/geop_events/160111.html

² Дергачев В. Новая геополитическая архитектура Евразии от Атлантики до Тихого океана // Вестник аналитики, 2010, № 4.

стве Земли. Информационная революция нанесла удар по государственной монополии на информацию. Она трансформировала представления о национальной безопасности, которые на протяжении веков исходили из предпосылок создания военной и экономической мощи государства. Меняются главные приоритеты национальной безопасности³. Объектами поражения в информационных войнах и конфликтах становятся, наряду с материальными целями, ценности, которые можно защитить при наличии чувства достоинства, национальной гордости и цивилизационной принадлежности.

Социальные коммуникации ассоциируются с должностью, званием и богатством.

Из века в век доступность информации зависела не только от географических расстояний и времени передачи, но, в первую очередь, от социального статуса. Короли, султаны и президенты обладали исключительным правом на государственную информацию, которая для подданных или простых граждан была недоступна. И оберегалась грифом «государственная тайна» или «совершенно секретно». К этой информации имела доступ ограниченная часть элиты (министры, придворные, главные конструкторы и др.). Информационные интернет-технологии, обеспечив доступ любого пользователя к мировому информационному пространству, преобразовывают статусные коммуникации в нестатусные. У частных лиц появился доступ к каналам связи и источникам информации, которые прежде имели статусную доступность, зависели от занимаемой должности и положения в обществе, контролировались национальными правительствами и международными корпорациями.

Географические коммуникации определяются местоположением (центр — периферия). В Интернете нет выгодного географического положения, здесь все места равнодоступны и равнопрестижны. В многомерном коммуникационном пространстве Земли на границах киберпространства и реального географического пространства образуются концентрированные узлы связи — киберпорты — своеобразные вольные гавани постиндустриальной эпохи (Силиконовая долина в США, Сингапур).

В Интернете не существует свободы слова в классическом смысле. Интернет впервые открыл нестатусный смысл свободы и бросил вызов институциональному обществу, где «вход» в коммуникацию организован или через социально-политический или географический (центр — периферия) статусы. Государство совершенно не в состоянии контролировать взаимодействие интерактивных сред в виртуальном пространстве Интернета, преобразующее статусную коммуникацию в нестатусную.

Глобальная мобильность информации, капитала и квалифицированных кадров умственного труда не только подрывает роль государства в выполнении многих его фискальных функций, но и затрудняет или делает невозможным скрыть присущие правящей элите негативные качества (цинизм, продажность, «шкурные интересы», безнаказанность и др.). То есть для большинства требуется меньше времени, чтобы стало очевидным, что для

³ *Кастельс М.* Информационная эпоха. — М.: ГУ-ВШЭ, 2000; *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. — М.: АСТ, 2003; *Панарин И.* Информационная война и геополитика. — М.: Поколение, 2006; *Панарин И.* Первая мировая информационная война. Развал СССР. — СПб: Питер, 2010.

«избранных» ничто человеческое не чуждо, в том числе и пороки. Благодаря Интернету информация стала доступна и для граждан бедных стран. И они стали получать не только стерильную информацию о самой «правильной» западной демократии, где в небесах летают только ангелы с крылышками.

Конфликт интерактивной среды Интернета с существующими статусными коммуникациями государств может стать взрывоопасным в результате мировой сетевой войны (world wide web war — WWW). Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют перепрограммировать человека быстрее и дешевле, чем убить.

Кибервойна становится доминирующей разновидностью информационных войн, и её стратегической целью является достижение духовной, политической и экономической власти. Здесь наиболее эффективны сетевые технологии⁴. В качестве «пороха» кумулятивного снаряда используется концентрированная и целенаправленная информация. Особое место на кибервойне занимает психотропное оружие, обеспечивающее воздействие на этническую, религиозную и коллективную психологию граждан «вражеской» территории. Внешняя сила формирует модель поведения через манипуляцию основными властными и другими социальными группами.

Бывший советник Белого дома по борьбе с терроризмом и киберугрозами Ричард Кларк в соавторстве с Робертом Кнаке издал книгу «Кибервойна: Следующая угроза государственной безопасности и что нужно знать об этом» (Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About it, 2010). Авторы утверждают, что война во Всемирной Сети уже началась и призванные государством многочисленные хакеры готовят поля для будущих сражений войны XXI века. Когда в результате кибератак будет выведена из строя система управления гражданской и военной инфраструктурой — начнется хаос. Будут взрываться энергоблоки, газопроводы, сходить с рельсов поезд, падать самолеты. Десятки тысяч человек могут погибнуть, если Америка своевременно не вооружится против угрозы хакеров-террористов. При этом не очевидно, что Соединённые Штаты, являющиеся лидером высоких технологий, выйдут победителями в кибервойне. По данным экспертов, Соединённые Штаты могут быть парализованы кибератакой менее, чем за 100 млн. долл.

Кибервойна против суверенной державы может вестись не только на межгосударственном уровне.

В истории мировых конфликтов и войн большую роль играли «миссионеры», «конкистадоры», которые огнем и мечом, мечом и крестом внедряли новую веру и права человека. Но если на полях сражений мировых и других традиционных войн сражались армии, то важным субъектом кибервойн стали независимые интернациональные группы хакеров или «неуловимые мстители», например анонимусы. Эта коалиция, действуя анонимно и коллективно без лидеров, преследует некоторую общую цель. Она использует социальные сети для создания сообществ, мобилизующих людей на протесты в реальном мире. Хакеры не только занимаются кибертерроризмом и вскрывают серверы банков в целях наживы, но и ведут борьбу против «мирового

⁴ Дугин А. Сетевые войны // Вестник аналитики, 2005, № 4.

правительства» и коррумпированных режимов. Возможностями кибервойны, несомненно, воспользуется «мировая закулиса», включая великие масонские ложи и олигархические клубы, оказывающие влияние на мировую политику. Вновь возрастет интерес к Всемирной теории заговора (или конспирологической теории), пытающейся объяснить управление мировыми процессами тайной группой людей.

Как показали события 2010 года с сайтом **WikiLeaks (википедии утечек)**, опубликовавшем секретные материалы, произвести эффективную всемирную кибератаку можно коллективом в несколько десятков человек при годовом финансировании в 200 тыс. долл. В мировом экспертном сообществе нет однозначной оценки деятельности сайта. Многие аналитики считают «Викиликс» проектом тайной операции ЦРУ с целью дестабилизации обстановки в мире. Для них показалось странным, что «сливы» информации происходят от Национального фонда демократии, Совета по международным отношениям, «Фридом-хауса» и других «непорочных» борцов за демократию, связанных тесными узами с ЦРУ. Выход из-под контроля финансируемых США преступных проектов является фирменным знаком работы ЦРУ. Как, в свою очередь, случилось с антисоветским проектом «Талибан» и с поддержкой части сомалийских повстанцев в борьбе с Советским Союзом. И это притом, что США тратят на разведывательную деятельность 80 млрд. долл., в том числе ЦРУ — 53 млрд. долл.

Неолибералы-глобалисты и сторонники «мирового правительства» характеризуют деятельность сайта **WikiLeaks** как угрозу западной демократии. Они считают, что ставшая достоянием мировой общественности секретная информация подрывает устои демократии. Вместо этого навязывается власть толпы (охлократии), которая претендует стать властителем мира. Кибератаки сайта рассматривают на Западе и как удар по Европе, абсолютизовавшей права отдельного человека и пропагандировавшей мультикультурализм. Все чаще звучат требования взять под государственный контроль Всемирную Сеть и уже сточить цензуру. Но, вероятно, Америка уже выпустила джина из бутылки.

Кибератаки позволяют проникать в защищенные системы связи и осуществлять контроль над базами данных. Атакам уже подвергается спутниковая связь, боевое управление войсками, банковские операции, энергетические объекты, включая АЭС. Хакерские атаки особенно опасны для современной инфраструктуры, атомных электростанций и химических заводов. На этой войне исключительно сложно обеспечить кибербезопасность. Так как применяется стратегия «удара из-за угла», когда не знаешь врага «в лицо» и географические координаты его местонахождения, чтобы нанести ответный удар возмездия. В отличие от оружия массового поражения в ядерной войне мегаполисы остаются на месте, но парализуется многомерное коммуникационное пространство государства. Кибервойна обходится значительно дешевле и эффективнее классических военных конфликтов.

Итак, глобальным полем сражения становится **киберпространство** — виртуальное пространство Всемирной информационной сети, в котором отсутствуют таможенные, налоговые и другие ограничения для транспортировки интеллектуального продукта. Киберпространство становится таким же стратегическим полем боя, как сухопутное, морское и воздушное пространство.

Но в отличие от них в кибервойне факторы пространства и времени теряют значение. Цели на этой войне могут быть географически локализованы, а киберармия — эксцентрисирована.

Военное командование и киберподразделения для ведения высокотехнологичной войны имеются в армиях Китая, США и Германии. Всего около 30 стран имеют онлайн-киберармии, включая Израиль, Францию, Россию, Индию, Иран, Пакистан, Южную и Северную Корею. Осуществляется создание сети коллективной киберзащиты Североатлантического военного блока под эгидой США. В 2008 году в Таллине был открыт Центр киберзащиты НАТО, где проводятся постоянные тренинги для IT-специалистов на примере моделирования мини-кибервойн.

Началась битва за господство в киберпространстве, в первую очередь между Соединёнными Штатами и Китаем. Несмотря на абсолютное лидерство США в области интернет-технологий, коммунистический Китай раньше, с 1999 года, начал готовиться к сетевым войнам. Китайская армия, технически проигрывая американцам в обычном и ядерном вооружении, стала вкладывать деньги в новейшие технологии. При этом китайцы сделали ставку на наступательную войну в киберпространстве. Осознавая, что на пути к сверхдержаве еще значительное время слабым местом будет оставаться военная мощь по сравнению с США, ключевым элементом своей военной стратегии Китай сделал «асимметричное сдерживание» за счет создания киберподразделений Народно-освободительной армии. Китайская киберстратегия «удар из-за угла» является наиболее прогнозируемым сценарием будущего блицкрига.

Несмотря на засекреченную информацию, по экспертным оценкам, китайская киберармия насчитывает примерно 6 тыс. хакеров. Они способны обеспечить защиту отечественных жизненно важных объектов и нанести упреждающий удар по противнику. Кроме того, около 20 тыс. хакеров-патриотов входят в китайские спецслужбы, в которых состоят около 2 млн. агентов.

С территории Китая регулярно осуществляются кибератаки на коммуникационные сети США, систематически выкачивая важную военную, политическую и экономическую информацию. В 2003 году была осуществлена серия китайских кибератак, получивших название «титановый дождь». Были взломаны ресурсы корпорации «Локхид Мартин», национальной лаборатории ядерного исследовательского центра «Сандия», ракетно-космического центра (Редстоуновского арсенала) и компьютерные сети НАСА. В частности, сообщалось о хищении документации о многоцелевом истребителе-бомбардировщике пятого поколения F-35, стоимость проекта которого оценивается в 300 млрд. долл.

«Цифровую крепость» Пентагона, насчитывающую около 15000 компьютерных сетей и более 7 млн. компьютеров, пробуют «на зуб» более 100 спецслужб и разведывательных организаций различных стран мира. Уже много лет Пентагон находится в повседневной осаде зарубежными хакерами. Его коммуникации, включая внутреннюю систему SPIRNET, подвергаются 360 млн. атак в год, а Глобальная информационная сеть (Global Information Grid) военного ведомства атакуется 3 млн. раз в день⁵.

В последние годы в СМИ появлялась информация о скандалах, связанных с проникновением в компьютерные сети Пентагона китайских и российских хакеров. В 2007 году китайские хакеры взломали систему электронной почты министра обороны США. За этим последовала очередная удачная кибератака против коммуникационных сетей Пентагона, Госдепартамента США, министерств финансов, энергетики и торговли, которую специалисты называют Перл-Харбором в киберпространстве. Произошла крупномасштабная утечка секретной информации. Атакам хакеров подверглась и

⁵ Герман А. Добро пожаловать в киберокопы // «New York Post», США. — www.rus.ruvr.ru/2010/04/06/6069465.html

штаб-квартира ООН в Нью-Йорке. Несмотря на американские обвинения в адрес зарубежных хакеров, по данным российской «Лаборатории Касперского», в мировом рейтинге стран, с территории которых осуществляется наибольшее количество хакерских атак, лидируют США (27,6%), Россия (22,6%), Китай (12,8%) и Нидерланды (8,3%).

С развитием Интернета вскрылась незащищенность от кибератак, прежде всего Запада, где в наибольшей степени национальная безопасность зависит от безопасности киберсетей. На Западе во Всемирную Сеть интегрирована вся экономика, энергетика и транспортная инфраструктура. Поэтому кибератака может нанести больший ущерб, чем ядерный удар. И на этой войне никто не может гарантировать победу Запада. В результате США и другие западные страны вынуждены в первую очередь значительные ресурсы тратить на их защиту. То есть заведомо оборонительная стратегия доминирует над стратегией нападения на сети противника. США с запозданием начали готовиться к кибервойне⁶.

В июне 2009 года в Соединённых Штатах было создано новое ведомство Пентагона — Киберкомандование (U.S. Cyber Command) — ответственное за безопасность военных информационных сетей. Оно подчинено Стратегическому командованию США. Его деятельность будет тесно взаимосвязана с Агентством национальной безопасности (АНБ), расположенным на территории военной базы Форт Мид (штат Мэриленд). Здесь же Пентагон открыл командный центр по кибербезопасности. В составе АНБ имеется киберспецназ, насчитывающий тысячу хакеров, осуществляющих шпионаж в виртуальном пространстве, способных предотвратить кибератаки на Америку и нанести упреждающий удар по «врагу». Киберкомандование будет осуществлять проведение самостоятельных хакерских атак на информационные сети противника. Новые средства и методы ведения наступательных и оборонительных операций в информационных сетях разрабатываются в рамках секретного проекта Пентагона «Манхэттен».

Новая военная доктрина США предусматривает включение в систему киберобороны важнейших государственных и коммерческих объектов на территории Соединённых Штатов. В комментариях к новой военной доктрине Соединённых Штатов газета Washington Post с точностью предсказала (или знала?), что война начнется осенью-зимой 2010 года. Расходы властей США на защиту от хакеров увеличатся в ближайшие годы до 11 млрд. долл. Аналогичные суммы будут выделены на киберзащиту для важнейших объектов инфраструктуры. В соответствии с новой доктриной Пентагона разработана и стратегическая доктрина американской дипломатии, согласно которой «новый мировой порядок» будут формироваться за счет укрепления мирового американского лидерства (глобального управления) через внедрение «правильного» гражданского общества. И здесь важная роль отводится информационной войне в киберпространстве.

Киберинтернационал поколения NET

В результате информационной революции появилось поколение NET — дети Интернета, или «граждане Интернета» (netizens) — наиболее широко пользующееся доступом к информации во Всемирной Сети. Это поколение

⁶ Программная статья на эту тему «Защищая новое пространство» была опубликована в 2009 году замминистра обороны США Уильямом Линном в авторитетном журнале «Foreign Affairs».

создало политический Киберинтернационал, выступающий против официальной лжи государственной власти. Для поколения NET не существует сакральной власти — молодежь власти не боится. Возможно, главная цель поколения NET — преодоление разрыва между рациональным и чувственным восприятием мира.

Первая политическая партия нового поколения появилась в 2006 году в Швеции. Это Партия пиратов (Всемирной Сети), которая к началу 2011 года уже существовала в 33 странах мира. В 2009 году шведская Партия пиратов, благодаря поддержке 7,1% голосов, получила в Европарламенте 2 места. Созданы и активно действуют незарегистрированные властью Пиратские партии в США и России (www.pirate-party.ru). Средний возраст членов партии от 20 до 30 лет. То есть это партия детей Интернета, пользователи которого являются её основным электоратом.

Партии пиратов стали соучредителями международной организации PP International, объединившей партии киберпространства. Так как большинство этих партий создано в Европе, Киберинтернационал ставит задачу расширения представительства политиков нового поколения в Европарламенте и государственных законодательных органах. Пиратские партии выступают за прозрачность государственных институтов, реформирование законодательства в области авторских прав и патентов, за укрепление права на частную жизнь во Всемирной Сети. Их основным девизом является не борьба с государственными и корпоративными секретами, а борьба за свободу слова против официальной лжи. Партийные «хактивисты» (хакер + активист) используют кибератаки не в целях личного обогащения, а в целях протеста против тех, кто ограничивает свободу слова в Сети. В результате атаки нескольких десятков или сотен таких «активистов» блокируется работа сетевого ресурса — серверов «врага».

Электорат политических партий Всемирной Сети стремительно увеличивается. Партия Интернета начала побеждать Партию телевизора в Соединённых Штатах, где американец проводит во Всемирной паутине больше времени, чем перед телевизором. За прошедшее десятилетие его среднее время нахождения в Сети увеличилось с 7 до 14 часов. Во многих странах кабельные сети теряют подписчиков, а доля видео в интернет-трафике растёт.

Горячие фронты на полях мировой кибервойны

В ближайшие годы кибервойны будут вестись особенно эффективно против коррумпированных режимов. Пока писались эти строки — долго ждать не пришлось. В начале 2011 года в Тунисе, казалось бы благополучной арабской стране западной ориентации, произошел переворот, и президент Зин эль-Абидин Бен Али бежал в Саудовскую Аравию. Местная революция, которую по инерции и аналогии с другими «цветными» революциями окрестили революцией жасминов или фиников, стала в полной мере первой сетевой революцией. Она стала возможна благодаря мобилизации международного интернет-сообщества (анонимусов), осуществивших кибератаку на информационное пространство Туниса (правительственные и другие государственные сайты). Активное участие в кибератаке принимала российская Партия пиратов. Пер-

вая битва WWW выиграна — победа стала возможной не только благодаря воле тунисского народа, но и при помощи сетевого сообщества (Киберинтернационала). Социальные сети стали мобилизующим фактором в проведении «Дня гнева» в Египте.

Мир стал свидетелем краха евразийской геополитики США в географическом пространстве от Атлантики до Тихого океана. Начинается последний бой против Евразии — кибервойна Запад — Восток в многомерном коммуникационном пространстве Земли. Во Всемирную сеть переносятся апробированные методы информационных войн. По мнению российского профессора Игоря Панарина, в публикациях на сайте WikiLeaks отчетливо прослеживается главная цель информационно-психологического воздействия англосаксов (США и Великобритании) — дезинтеграция евразийского пространства.

Возможно, события декабря 2010 года вокруг сайта WikiLeaks были отвлекающей артподготовкой. А основная кибератака будет осуществлена в 2011–2012 годах по России, а не по Китаю, который в последние годы особенно эффективно отражает информационные атаки США. К сожалению, Российская Федерация не всегда эффективно противостоит внешним информационным атакам, оказывается беспомощной и неспособной адекватно ответить на применяемые против неё технологии.

В Восточной Европе, особенно в России и Украине, отмечаются процессы, противоположные современным мировым тенденциям, здесь происходит искусственное укрепление статуса входящих во власть физических лиц. Два десятилетия «торжества» бездумной демократии были потрачены на «укрепление» статусных коммуникаций «элиты в законе» не на основе профессионализма, а за счет присвоения общенародной собственности, приватизации ученых званий, других многочисленных степеней отличия и наград. Создана система теневых социальных отношений, представляющая угрозу для государственности. Отсутствуют доктрины национальной безопасности государства, обеспечивающие защиту граждан от теневых социальных отношений.

Мир вступает в эпоху мировой кибервойны, на фронтах которой будет формироваться идеология глобального сетевого общества на основе новой Реформации и Просвещения — борьбы за совесть и влечение к чести, против имитации истинной веры и действительности. И первыми в этой борьбе падут коррумпированные государства. Но пойдёт ли мировое развитие по созидательному сценарию, автор утверждать не вправе.

Евгений ВЕРТЛИБ (Франция)

РОССИЯ СКВОЗЬ ГЕОПОЛИТИКУ ФРАНЦИИ

Геополитика — это искусство руководства практической политикой, диктуемой географическим разумом и стратегией развития государства. Генерал Шарль де Голль видел в стратегическом сотрудничестве с Россией возможность уберечь «Францию и ее империю» от подчинения интересам США и нейтрализацию угрозы ремилитаризации Германии. Франко-российский альянс до 1917 года и в 1940-е годы был геополитической потребностью обеих стран. Де Голль хотел видеть «Европу без США». Поэтому американцы помогли ему уйти в отставку и, не исключено, способствовали в детонировании последующих беспорядков. В мае 1968 года грянули студенческие волнения и массовые забастовки — прообраз «оранжевой революции»: попури «Пражской весны» и «культурной революции» в Китае. Деструкция 1960-х годов, когда голлисты вынужденно ушли с политической арены, совпадает по параметрам с волной недавнейших беспорядков и по времени — с выявленными расхождениями Франции с США по проблемам Ближнего Востока (www.regnum.ru/news/polit/1339367.html#ixzz15X29eTWG).

Но в геополитической дихотомии (двоичное противопоставление суши и моря) Франция сознаёт себя сухопутно-морской державой, пятясь от экспансивной Германии за океан. Ради тактических дивидендов она может германофильствовать, как адмирал Лавалль, и умело подыгрывать морскому волку — Великобритании. И дружит Франция выгодно. От германской политики она отсекает жесткий географический детерминизм, смещая акцент с георельефа на человека как «носителя инициативы» (Видаль де ля Блаш «Картина географии Франции»). По целесообразности она вписывается в морскую геополитическую схему Макиндера и Мэхэна. Во Франции дремлет дух империи: «География необходима, прежде всего, для ведения войны» (Ив Лакост), а «бог войны», по Клаузевицу, — Наполеон. После «капрала» изменился характер мировой иерархии: вместо контроля над морями — борьба за господство в Европе. В изменившейся конфронтационной геополитической оси на мировую арену вышли две континентальные державы — Германия и СССР. С ними надо было ладить.

Позиция президента Николя Саркози многовекторная. Он не совсем «друг США» и не недруг Кремля. По полной программе НАТОвствует, но и образует вроде тройственного союза с Германией и Россией. На встрече со студентами МГТУ им. Баумана говорит: «Я друг США... Но друг не означает вассал».

Об империи подумывает: «Тони (Блэр) и я только что приняли решение. Мы собираемся завоевать Европу». Наполеоновские планы у него перед председательством Франции в ЕС со второй половины 2008 года. Наш «Бонапарт» едет в Кремль к «императору Александру I» — улучшить свой имидж и партнерством заполучить новые дивиденды: фирма Total в Штокмане, более 20% газовых поставок из России... Что не мешает ему вместе с Венгрией быть готовым принять участие в реализации невыгодного России газотранспортного проекта Nabucco и поощрять Туркменистан присоединиться к проекту Транскаспийского трубопровода. Кремль подыгрывает громадьё планов Саркози, особенно в части вопросов, косвенно выгодных России: например, пополнить «Восьмёрку» (G-8) Китаем, Индией, Мексикой, Бразилией и Южной Африкой; войти с помощью Парижа полноправным членом в Европейский Союз... Понятно, РФ поощряет и связку Парижа с Бонном газораспределительной «трубой Европы» Nord Stream...

Но у Франции во всём своя игра — в том числе есть стратегический резон войти в структуры НАТО. Ведь отныне военно-политическая составляющая этого блока более не разнит, а, скорее, единит Францию и Центральную Европу. Интегрировавшись в сильнейшую организацию и перестав пугать оригинальничанием Старую Европу, можно на базе окрепшей мощи создать смежно-альянсный свой центр силы — тем самым усилить собственную значимость вместе с Европой.

Просматривается геостратегическая игра с привлечением извлеченных из самодемонтирующегося Альянса годных агрегатов — для наращивания своей национальной мощи — в то время как Альянс, наприєднав на голову старой Европе проамериканских постсоветских троллей-«калек», пусть себе превращается в международный «лохотрон»... Ведь амбициозному Саркози невыгодны ни сильное НАТО, ни сверх-сильная Европа — они малодивиденды для многоходовой комбинационной внешней политики Парижа.

Трудно точно просчитать направленность геополитических интенций Франции и принимаемых ею решений. Кому-то кажется, что она «выполняет план США по развалу ЕС» (был ведь удар по ЕС признанием Косово). И вообще, по источнику угроз Франция «малоевропейская». Ведь это для континентальной части Европы жизненно необходимо сдерживание натиска из глубины материка — России и через проливы из Малой Азии. Франция же — больше ориентирована на океан: колонии на западном побережье Африки, да и характер вооруженных сил её — мобильный Иностраннный легион, более соответствующий колониальным задачам имперского замеса.

НАТОВское же сеяние нестабильности на французском приграничье — России, Украине, Сирии, Иордании, странах Северной Африки — на руку официальному Парижу. Ослабление с помощью НАТО этих конкурентов-партнеров плюс заскорузлость неререформируемости системы НАТО — хороший шанс для Франции вернуть себе лидерство в Европе. И Россия в этом стратегическом союзничестве может стать козырной картой в новом геополитическом раскладе. Лицом к России резон обернуться — хотя бы как к «родне»: в XI веке княжна Анна Киевская стала супругой французского короля Генриха I... Да и вообще — Европа насиделась в «американских девках» и требует эмансипации и брачного контракта... Да и старые институты безопас-

ности дисфункциональны и с монополярьем намучились. Потребно многополярье системы новой архитектуры безопасности.

Этим духом знаменательна встреча Саркози, Меркель и Медведева. К тому же Западу дивидендно, что реализацией этой попытки связываются имперские амбиции России. И увязываются с помощью официальному российскому детанту-«перезагрузке» в фарватере Запада. Подгоняет Европу к нестандартному решению по России и фактор усиления Турции. Так что этим триалогом убиваются PR-зайцы: сохранность ЕС единым, России — постимперской, Турции — евроориентированной, Франции — усилившейся. Для того Парижем запущен и другой проект — Средиземноморского союза — заявка на укрепление Францией своих геополитических позиций. Даже на лидерство в ЕС: посредством продвижения её на ключевые позиции в европейском диалоге со средиземноморским регионом, не входящим в ЕС, курирование технологического развития североафриканских стран и прямой доступ Евросоюза к газовым месторождениям Северной Африки.

Есть и эффект стратегии «двойного дна»: позиции Франции косвенно крепнут за счет размывной децентрализации ЕС. Ведь «союзникам» облегчается миграция из Магриба — Алжира, Туниса, Марокко — и Турции, а значит, еще больше приток гастарбайтеров и мигрантов в Европу. Следовательно, и проблем больше — спонсировать высокий уровень жизни переселенцам... Пойдет усиление экономической нагрузки на евро, рынок труда, качество жизни... Кроме того, поскольку на повестке дня конкурирующая с Брюсселем организация, то она ослабит ЕС усилением чиновной евробюрократизации.

В этом смысле Франция — наследница хватки США: ведь «плодить бюрократии с противоречащими друг другу задачами — одна из стратегий Соединенных Штатов по отношению к силам, представляющим для них угрозу...». Потому Довильский «триумвират» может рассматриваться и как по-американски «перезагрузка» на французский манер, стрижка купонов из многоходовки: допривязать РФ к Европе, оторвав от Китая и арабского Востока; Германию осознать-обратить в чужой игре; ослабить спесивую конкурентоспособность ЕС...

В реалполитике можно и масонской триадой манипулировать: напустить на противника или конкурента лозунговость «свобода-равенство-братство» (не чета державосозидающей формуле графа Уварова: Православие. Самодержавие. Народность) и качать ей «права человека», «свободу поработанным народам» и «парад суверенитетов»... Декларация прав человека и гражданина — детище французской революции 1789 года — послужила провокационным стимулом для ослабления стран-оппонентов Франции, стимулируя в них развално-государственные сепаратистские тенденции. Сеяние идеи права народов на самоопределение привело к разрушению антифранцузского звена — развалу Австро-Венгрии. Подрывать устои Австро-Венгрии опасно было — Франция лишалась возможного противовеса Германии в центре Европы.

Франция высекла сама себя и в прикладывании усилий по созданию довольно искусственных государств — Югославии и Чехословакии, тогда как в долгосрочном плане ей стратегически невыгодно объединение южных славян. А зачем было ослаблять Россию перед схваткой с Гитлером — оказывать помощь Финляндии в войне 1939 года и диверсиями из Сирии нарушать снаб-

жение советских войск азербайджанским горючим? Французы в Антанте были мудрее — во время интервенции они поддерживали украинскую Директорию, по сути, ту же советскую власть; и Одессу отдали бандам атамана Григорьева, махновцам — союзнику большевиков... Этноконфликтность как плата за империю. Франция, на заре государственности успешно противостоявшая натиску азиатов в битве у Шалона, — превращается в арабцентричный халифат.

Нет мудреца, уравновешивающего разнонаправленные тенденции. Генерал де Голль — спаситель нации от гражданской войны — «последний великий француз», обладавший блестящим умом (последователь философии Бергсона) и стратегическим талантом (взять его военную практику и книгу «На острие шпаги»). Он вернул нации достоинство и имперский великодержавный дух. Французы наделили его чрезвычайными высшедолжностными полномочиями «коннетабля», которые он использовал во благо «Европы отечеств» — внесоветской и внеамериканской. Он упрочил независимость Европы, заключив с германским канцлером Конрадом Аденауэром «соглашения об угле и стали», что положило начало формированию Европейского Союза.

Но во Франции бурлит социум. Пятая республика в своей либеральной и мультикультуралистской модификации подвергается атакам слева (Соцпартия) и справа. Одиозность жоспенновской «социалистической бюрократии» активизировала протестный электорат в пользу «крайне правых» — Национального фронта Жан-Мари Ле Пена. Большие партии Франции не готовы к пересмотру базовых идеологем и политической стратегии. Электорат «голлистов» и социалистов перетекает к независимым (Франсуа Байру).

Генерал де Голль сумел трансформировать такую протестную энергетiku в позитивное русло — упрочение государства и строительство Империи. Удастся ли Николя Саркози повторить триумф Шарля де Голля — спасти страну от тотальных потрясений? И внешнеполитический фон мало благоприятствует сосредоточению Франции на внутренних своих хронических болячках. США будут расширять «европейский демократический плацдарм». Китай становится сверхдержавой, а у США нет стратегии в Евразии, адекватной новой складывающейся ситуации. Как нет и политического консенсуса между Китаем и США.

«В центре Евразии, в районе между расширяющейся Европой и повышающим свой региональный статус Китаем, будет продолжать зиять политическая черная дыра, пока Россия не заявит решительно о себе как о постимперском государстве. Тем временем к югу от России Средняя Азия может превратиться в очаг этнических конфликтов и споров между великими державами».

Просчитывает ли геостратегия Франции эти подвижки?

Тиберио ГРАЦИАНИ (Италия)

США, ТУРЦИЯ И КРИЗИС ЗАПАДНОЙ СИСТЕМЫ

После ухода однополярного мира в архивы истории Западная система во главе с Соединенными Штатами, кажется, вошла в стадию необратимого кризиса. Финансово-экономический крах и потеря такого важного звена Западной геополитической системы, как Турция, свидетельствуют о том, что движущая сила США себя исчерпала. В данный момент США находятся на грани принятия эпохального решения — отказаться от планов на всемирное господство, то есть разделить с другими крупными мировыми игроками решение вопросов международной политики и экономики или же настаивать на своих гегемонистических проектах, подвергая, таким образом, риску свое собственное выживание как нации.

Тот или иной выбор будет зависеть от краткосрочных и среднесрочных отношений, которые будут установлены между группами давления, обуславливающих внешнюю политику США, и от развития процесса многополярной системы.

Трещина в отношениях с Турцией

Консолидация многополярного контекста и постоянное расширение экономической и геополитической сфер влияния некоторых евроазиатских и латиноамериканских стран заставляют принимать решения, отражающиеся коренным образом на действующей администрации США. Это происходит в момент, когда Вашингтон, кажется, не только не в состоянии больше держать под контролем финансово-экономический кризис, потрясший Западную систему (при этом являясь его геополитическим центром), но и эффективно контролировать отношения с ведущими евроазиатскими странами, как Россия, Индия и Китай. Теперь уже эти страны (с чувством все большей ответственности) диктуют приоритеты в международной повестке дня. Ко всему этому необходимо добавить также трудности, с которыми Пентагон сталкивается ежедневно со времен Первой войны в Персидском заливе, эффективно координируя гигантские и дорогостоящие военные силы.

Слабость США можно наблюдать, в частности, по не совсем удачным попыткам президента Обамы и госпожи Клинтон урегулировать некоторые критические ситуации, к примеру, на Ближнем и Среднем Востоке. В этом регионе, являющемся существенно важным для экспансионистской страте-

гии США в Евразии, такой важный союзник, как Турция (некогда оплот западных интересов и особых интересов Тель-Авива), теперь приняла позицию, не отвечающую установкам Вашингтона. Это привело к дестабилизации плана геополитической системы, задуманного Соединенными Штатами.

Трещина в отношениях с Турцией напоминает американским стратегам другой оскорбительный факт истории, а именно, потерю в конце 1970-х годов Ирана, как пешки в «большой игре», которую их предшественники проводили по отношению к Советскому Союзу. Сейчас же, после изменения глобального контекста, делающего упор на многополярность, трещина в отношениях с Турцией может иметь пагубные последствия для американской системы, как минимум, по пяти пунктам.

Во-первых, это касается самого важного военного механизма Запада, иными словами НАТО. Как долго еще эта организация во главе с Расмуссеном будет терпеть эксцентричность одного из своих членов, который открытым образом стоит на антиизраильской позиции, а значит, и на антиамериканской? Будет ли в состоянии НАТО сбалансировать желание Турции занимать ведущую роль в регионе, не раздражая при этом своего израильского союзника? Это только два из многочисленных вопросов, на которые сможет дать ответ новая целесообразная формулировка задач Североатлантического альянса, невзирая на «исторический поворот» недавнего саммита в Лиссабоне (прошедшего в ноябре).

Во-вторых, это касается отношений между Анкарой и Брюсселем. Новая Турция Реджепа Эрдогана готова войти в Европейский Союз, но Даунинг-стрит (стратегический союзник США) и Елисейский дворец препятствуют процессу вхождения Турции в ЕС под несущественным предлогом — проблемы, связанные с правами человека, что является идеологическим инструментом, разработанным «мозговыми центрами» (think tank) США и впоследствии взятым на вооружение европейцами, в особенности президентом Франции Николя Саркози. Если Турция в очередной раз получит отказ на вхождение в ЕС, она еще больше усилит связи с другими рынками (российским, иранским, китайским), укрепляя тем самым Евроазиатский экономико-политический регион.

Третий пункт отчасти связан со вторым, и касается он Средиземного моря. Создается впечатление, что Турция, считающаяся четвертым полуостровом Европы, притягивает к себе все большие экономические интересы приморских стран, не только Южной Европы, но и Северной Африки. В укреплении экономических отношений между Турцией и средиземноморскими странами особую роль играет разработанный Москвой проект «Южный поток».

В-четвертых, это отношения между Турцией и республиками Центральной Азии. Турция представляет собой транзитное государство на пути к Центральной Азии, т.е. то пространство, которое Вашингтон пытается подчинить себе со времен распада Советского Союза. Пока Турция старательно придерживалась указаний США, Вашингтон способствовал развитию ее пантюкистских побуждений (своевременно проявленных во время распада Югославии) по отношению к республикам Центральной Азии («Евроазиатские Балканы», согласно заранее четко обдуманной идеи З.К.Бжезинского), усиливая их внутренние неурядицы (главным образом направленные против России, а в перспективе, очевидно, и против Евразии). Сейчас же, когда Анкара, кажется, настроена на то, чтобы увеличить степень собственной независимости, отношения, которые

у нее складываются с республиками Центральной Азии (и которые она умело балансирует и с Москвой), настораживают Вашингтон. Это и явилось причиной недавней демонизации Турции со стороны западных СМИ.

Что касается пятого пункта, необходимо указать на то, что хорошие отношения Анкары с Москвой, Пекином, Тегераном и ведущими странами Южной Америки являются предпосылкой перемены геополитического курса Турции. Эта перемена курса идет недвусмысленным образом по направлению к укреплению новой, полицентрической системы международных отношений.

Жил-был Запад

В условиях вышеизложенной ситуации Западная система во главе с США рискует развалиться на части. Экспансия Западной системы на Востоке находится уже в стадии торможения в силу вновь приобретенного желания России лидировать на международной арене, но, прежде всего, причина тому — провальные военные операции в Афганистане и Иране, которые Пентагону и Вашингтону не удастся держать под своим контролем. В Африке соперничество с Китаем ставит весь Запад в критическое положение. Так как Вашингтону (ни Уолл-стриту, ни Пентагону, ни НАТО), несмотря на образование Африкома (Объединённое командование вооружённых сил США в зоне Африки), не удастся добиться эффективного противодействия экспансии Китая на «Черном континенте», разумно (и желательно для Европы в целом) предположить, что некоторые европейские страны, имеющие четкое представление собственных интересов, в скором будущем попытаются приспособиться к изменившейся международной ситуации посредством заключения новых соглашений с Китаем и с африканскими странами в ключе двустороннего сотрудничества.

В Японии, вопреки падению правительства Юкио Хатоямы (скрыто настроенного против США), критические оценки целесообразности японо-американских отношений, которые были установлены после 1945 года, продолжают нагнетание недоверчивого климата к Вашингтону, подтачивая, таким образом, изо дня в день гегемонию США в основных политических решениях Японии.

Южная Америка больше не является «территорией для охоты» Соединенных Штатов, необходимой для империалистических набегов, как это происходило в прошлом веке. Бразилия, Каракас, Ла-Пас и, частично, Буэнос-Айрес, заметно увеличивают свою степень политической независимости. Факт заключения ряда договоров и соглашений между этими странами и параллельно с Ираном и Турцией свидетельствует о формировании нового уникального «антиимпериалистического» фронта, который находится еще в процессе становления и который мог бы сосредоточить в себе противников свободной торговли, находящихся в разных концах планеты.

Такие факты, как внимательный подход к социальным проблемам правительств Венесуэлы, Бразилии и Аргентины, возвращение под контроль государства стратегически важных российских предприятий (предприятий или соглашений¹), внимательная к коллективной свободе социальная политика, которую про-

¹ Непередаваемая в русском языке игра слов, которая использует сходное звучание итальянских слов *impresa* (предприятие) и *intesa* (соглашение).

водят Тегеран и Анкара, учитывая при этом своеобразное исламское представление о том, что такое общество и что такое экономические отношения, не только указывают на провал модели свободной торговли, но и ставят объективные преграды в процессе глобализации, который, с геополитической точки зрения, представляется, как экспансия по всей планете влияния стран Северной Америки.

После развала за последние годы в европейских странах соответствующих систем социальных гарантий, виной чему стали олигархии, входящие в сферу интересов США, и ультиматумы МВФ, европейские страны навсегда потеряли свою стабильность, которая в прошлом обусловила их экономический рост. Следствием потери «удельного веса» европейских стран в глобальной экономике стало ослабление периферии Западной системы в пользу ее центра в лице США. Это и является причиной развала геополитической системы Соединенных Штатов, возникшей после 1945 года. В ближайшем будущем, если не будут введены определенные коррективы, направленные на «удержание» Европы в Западной системе, возможно, что некоторые европейские государства сделают свой выбор в пользу многополярного мира.

Время принимать решения

Итак, движущая сила США, кажется, себя исчерпала. С геополитической точки зрения Вашингтон находится на распутье: либо отказаться (хотя бы временно) от двухвекового проекта глобального господства, либо продолжать приращиваться этого проекта, руководствуясь новыми методами и критериями.

При выборе первого варианта США должны будут пересмотреть свою социальную и военную систему, но, прежде всего, — согласовать свое положение на международной арене с бывшими союзниками и с новыми глобальными игроками. Тем не менее, признание полицентрического мира может подорвать всю военно-промышленную систему, которая является основой экономической и политической силы США. В таком случае динамическое равновесие между группами влияния, которые диктуют военно-политическую стратегию США, может подвергнуться губительному для себя потрясению.

Прямым следствием дестабилизации на верхах правящих кругов Вашингтона может стать непосредственный развал гигантской сферы влияния, которую США с трудом удалось завоевать за последние 60 лет. А пересмотр доли влияния США может послужить началом нового геополитического цикла, стабильность которого будет основываться не на модели свободного рынка, а на действительных геополитических нуждах новообразовавшихся сфер влияния.

При выборе второго варианта США, продолжая преследовать в качестве цели всемирное господство, должны будут нести на себе огромные денежные затраты, необходимые для поддержания «перманентной войны». В ключе пагубного призыва, который Эдвард Луттвак произнес в 1999 году во время развала Югославии: «Дайте войне шанс!», США должны будут приводить в жизнь неоконсервативную идею «конструктивного хаоса», тем самым рискуя спровоцировать асимметрию в геополитических отношениях в Азии, Африке и Южной Америке.

Независимо от того, какой выбор будет сделан, отношения между «нацией, без которой нельзя обойтись», и остальным миром не будут больше такими, какими они были до того.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вагиф ГУСЕЙНОВ

ДОГОВОР СНВ-3 — ОТКРЫВАЮЩЕЕСЯ ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИЛИ ОЧЕРЕДНОЙ ЯЩИК ПАНДОРЫ?

**СНВ — главный вектор сотрудничества России и США
в разоруженческой области**

Завершившийся «синхронный» процесс ратификации Договора между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-3) Сенатом США и обеими палатами Федерального Собрания России перевел в практическую плоскость работу по сокращению ядерных потенциалов обеих стран и осуществлению обоюдного контроля за исполнением всех его положений.

Таким образом, продолжен двусторонний процесс сокращения наступательных ядерных вооружений, история которого насчитывает почти 40 лет.

До этого, начиная с 1945 года, со времен Хиросимы и Нагасаки, где в первый и, очень надо надеяться, в последний раз на нашей планете было применено ядерное оружие, две ядерные супердержавы, США и СССР, отчаянно соревновались в наращивании своих ядерных арсеналов, суммарный потенциал которых, в конечном счете, приобрел способность несколько раз уничтожить не только оба государства, но и всю нашу планету. Параллельно с наращиванием стратегических средств нападения обе стороны сразу же начали искать способы обороны от возможного ракетно-ядерного нападения другой стороны. Началась гонка и в создании систем ПРО — в иллюзорной надежде за счет эффективной ПРО добиться неоспоримого превосходства в своих стратегических наступательных возможностях.

К великому сожалению, в безумную ядерную гонку, начатую США и поддержанную СССР, очень скоро включились и другие государства. И надо только приветствовать, что хотя бы через четверть века в Вашингтоне и в Москве стали осознавать всю бессмысленность и опасность неограниченного накопления и совершенствования ядерного оружия, оснащения им все новых и новых и все более опасных средств нападения. Самое мощное за всю историю человечества оружие становилось серьезным глобальным дестабилизирующим фактором и уже не обеспечивало собственной безопасности — скорее, наоборот.

Началом процесса ядерного разоружения можно считать советско-американский Договор ОСВ-1 1972 года, который заморозил наращивание страте-

гических ядерных вооружений сторон на достигнутом к тому времени примерно равном уровне. Тогда же был сделан и первый важный шаг в области стратегических оборонительных систем: подписан двусторонний Договор по ПРО. В то время, как видим, американцы не отрицали связи стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Но подвиг-ла их на подписание Договора по ПРО все же не эта очевидная логика, а опасения, вызванные тем, что к этому времени СССР развернул под Москвой свою первую систему ПРО А-35 и активно наращивал работы в этой области, опережая США.

С этого момента процесс сокращения стратегических наступательных ядерных вооружений США и СССР/России шел все же по восходящей, хотя и с многочисленными сложностями, уклонениями и спадами. Развитие же оборонительной составляющей стратегического арсенала сторон, развертывание которой было заморожено Договором по ПРО 1972 года, продолжалось довольно активно в рамках научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Достаточно вспомнить объявленную президентом США Рональдом Рейганом долгосрочную программу СОИ (Стратегическая оборонная инициатива, или программа «Звездных войн»), целью которой являлось создание надежного противоракетного «щита» для Северной Америки. Программой предусматривалось развертывание нескольких эшелонов ударных космических вооружений, способных перехватывать баллистические ракеты и их головные части (боевые блоки) на всех участках полета. Продолжалась работа и над другими проектами ПРО. В конце концов, в 2002 году США вышли из Договора по ПРО и приступили к развертыванию национальной системы ПРО.

В 1979 году стороны подписали Договор ОСВ-2, который ограничивал число носителей ядерных зарядов до 2400 у каждой страны, запрещал развертывание новых пусковых установок и их передислокацию. Важным его положением явился запрет на вывод ядерного оружия в космос.

Существенным прорывом в сокращении ракетно-ядерного наступательно-го потенциала сторон явился Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 года, подписанный Михаилом Горбачевым и Рональдом Рейганом. По существу, это была первая договоренность, предусматривающая не просто сокращение, а полное уничтожение целого класса носителей ядерного оружия — ракет с дальностью от 500 до 5500 км.

В июле 1991 года Михаилом Горбачевым и Джорджем Бушем-старшим был подписан рассчитанный на 15 лет Договор СНВ-1, который, однако, вступил в силу только 5 декабря 1994 года: значительную неопределенность на этапе его ратификации вносил распад СССР, и США выжидали, как сложится ситуация и куда повернет политика постсоветских государств, затем решалась проблема передачи России ядерного оружия, остававшегося в Украине, Белоруссии и Казахстане после распада СССР (так называемый Лиссабонский протокол к Договору СНВ-1 был подписан в 1992 году, а ядерное оружие с территории этих стран было полностью вывезено в 1996 году).

В 1993 году Борис Ельцин и Джордж Буш-старший подписали Договор СНВ-2, который был ратифицирован обеими сторонами, однако так и не вступил в силу: Россия отказалась участвовать в этом Договоре после того, как США вышли из Договора по ПРО 1972 года.

На дату:	Носители	Боезаряды
1.09.1990 г.	2500	10271
	2244	10573
1.01.2009 г.	814	3909
	1198	5576
По СНВ-3 (к 2018 г.)	развернутых — не более 700, вместе с неразвернутыми — не более 800	1550

После почти десятилетнего перерыва, в мае 2002 года, Владимир Путин и Джордж Буш-младший подписали Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Договор, надо сказать, довольно размытый и более напоминаящий рамочное соглашение о намерениях. В нем не были оговорены условия контроля за выполнением положений, не решалась проблема т.н. возвратного потенциала и пр.

В декабре 2009 года закончился срок действия СНВ-1, и 8 апреля 2010 года в Праге Дмитрий Медведев и Барак Обама подписали ныне действующий Договор СНВ-3, одновременно отменив Договор о СНП.

Договор СНВ-3 рассчитан на 10 лет и предусматривает дальнейшее значительное сокращение общего числа развернутых ядерных боезарядов — по 1550 у каждой стороны и числа развернутых носителей «триады» (МБР, БРПЛ и стратегических бомбардировщиков) — не более 700 (а с учетом неразвернутых — не более 800).

Таким образом, многолетнее трудное сотрудничество США и России по сокращению СНВ никак нельзя назвать безрезультатным, хотя и протекало оно на фоне продолжающегося соперничества в этой сфере. В пользу такого вывода свидетельствуют данные, приведенные выше в таблице (в числителе СССР/Россия, в знаменателе — США)¹.

По сравнению с 1990 годом количество носителей у двух лидеров ядерного клуба к 2018 году будет сокращено в 3,5 раза, ядерных боезарядов — в 6,6 раза. И это уже немалый прогресс, так как эти державы пока обладают более чем 90% глобального ядерного потенциала.

Существенны подвижки и по количественным параметрам СНВ-3 по сравнению с СНВ-1. Так, в СНВ-1 количество боезарядов ограничивалось 4900 ед., а количество средств доставки («триады») — 1600 ед. Т.е. сокращение более чем в три раза по боезарядам и более чем в два раза по развернутым носителям.

Так что линия на неуклонное снижение ядерного потенциала США и России просматривается отчетливо. Возможно, процесс этот идет не столь уж быстрыми темпами и не так гладко, как хотелось бы, да и охватывает он не все стратегические ядерные средства нападения, но то, что сокращение СНВ является императивом двусторонних российско-американских отношений в области контроля над вооружениями, является непреложным фактом.

Несомненно, наши страны внесли наибольший вклад и в другие соглашения, касающиеся ядерного оружия: Договор о нераспространении ядерного оружия 1970 года, Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах

¹ НВО, 27 ноября 2009 г.

1963 года, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 года. (Справедливости ради надо отметить, что США и СССР провели больше всех ядерных испытаний, включая мирные: США — 1056, в том числе 24 совместно с Великобританией, а также два боевых взрыва в 1945 году; СССР — 715 ядерных взрывов. СССР провел почти в полтора раза меньше взрывов, но по суммарному энерговыделению он в полтора раза обо-гнал США².)

Критическое обрамление СНВ-3: ПРО, ТЯО, КРМБ...

Надо ли говорить о том, что Договор СНВ-3 подвергся весьма острой критике в политической и экспертной средах как США, так и России? Это особенно проявилось в процессе ратификации Договора в США и России, что нашло отражение в пространной резолюции Сената США и в более сдержанной резолюции Госдумы России³.

Это критическое обрамление включает довольно много проблем. Основными из них являются такие, как противоракетная оборона, тактическое ядерное оружие, иранская ракетно-ядерная программа, модернизация ЯО, возвратный потенциал, КРМБ и другие.

Противоракетная оборона. Оценки в России и США заложенного в СНВ-3 подхода к проблеме ПРО диаметрально противоположны. «Увязка СНВ и ПРО недостаточна», — утверждают российские критики. «Чрезмерно много уступок русским по ПРО», — таков вердикт их американских визави.

Чего же удалось добиться российским переговорщикам, боровшимся за то, чтобы в Договоре СНВ-3 была четко обозначена связь между СНВ и СОВ и чтобы стороны взяли некоторые обязательства в отношении ПРО? Не слишком много. В преамбуле стороны признают наличие взаимосвязи между СНВ и СОВ и, более того, возрастающую ее значимость по мере сокращения СНВ. Но там же утверждается, что «нынешние СОВ не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений сторон». В целом же формулировка достаточно лукавая и двусмысленная: во-первых, системы ПРО, конечно же, влияют на эффективность СНВ (иначе из-за чего было ломать копыя в связи с планами администрации Буша развернуть элементы ПРО в Польше и Чехии?). Во-вторых, каждая из сторон вольна трактовать эту формулировку по-своему. Американцы считают, что она не имеет юридической силы и никак не ограничивает планы США по развертыванию ПРО⁴. Российская сторона утверждает обратное.

Ясно одно: ни эта формулировка, ни заявление России накануне подписания Договора СНВ-3 о его увязке с ПРО не мешают США в развертывании «эффективнейшей противоракетной обороны», что и заявили госсекретарь США Хиллари Клинтон и глава Пентагона Роберт Гейтс в обращении к сенаторам⁵.

² www.hirosima.scepsis.ru/weapon/practise_1.html

³ Сенат США ратифицировал СНВ-3 22 декабря 2010 г., Госдума России — 25 января 2011 г.

⁴ В Договоре СНВ-3 имеется лишь запрет на модификацию и использование ПУ ПРО и самих противоракет в качестве МБР, как и запрет на обратный процесс.

⁵ Clinton and Gates: Why the Senate should ratify New START // Washington Post, Monday, November 15, 2010 г.

Но ясно и другое: добиться большего по ПРО нашим переговорщикам все равно бы не удалось. Не стоит надеяться и на то, что Россия выйдет из СНВ-3 в случае развертывания ПРО США. В конце концов, аналогичное заявление сопровождало и СНВ-1. Тем не менее, выход США в 2002 году из Договора по ПРО не повлиял на выполнение СНВ-1 вплоть до окончания срока его действия в декабре 2009 года.

Определенную надежду дают возобновившиеся переговоры с НАТО по проблеме ЕвроПРО в случае, если сторонами будет найден приемлемый компромисс⁶. Но пока пути к этому не видно. Разнятся оценки ракетных угроз, подходы к концепции построения ЕвроПРО, к ее структуре, принципам обмена информацией, управления и т.д.⁷ А главное — что бы ни говорили западные политики и стратеги — защита от иранских ракет — это все же лишь небольшая часть предназначения ЕвроПРО. США и Европа опасаются пока еще очень большого, к тому же быстро стареющего (что, по их оценке, увеличивает опасения разного рода чрезвычайных ситуаций) арсенала российских ядерных ракет и стремятся обезопасить себя главным образом от него. Возможная нестабильность в стране может увеличить эту угрозу. Так что гипотетическая, зачастую искусственно подогреваемая иранская ракетно-ядерная угроза даже выгодна США и НАТО, она позволяет им наращивать стратегический оборонительный потенциал, не входя в конфронтацию с ядерной Россией и даже обозначая сотрудничество с ней в области ПРО. Особенно обольщаться относительно отказа США от развертывания ТПР в Польше не стоит. Как дал понять Роберт Гейтс, теперь речь идет не о перехвате нескольких ракет, а о создании систем, способных нейтрализовать сотни баллистических ракет.

Возвратный потенциал. Эта проблема также не решена в новом договоре. Точных данных о наличии у США боезарядов, хранящихся на складах, нет. Называются цифры в 2–3 тысячи единиц и более⁸. Таким образом, и после значительных сокращений развернутых боезарядов США сохраняют возможность быстро восстановить боеготовую часть своего ядерного потенциала. У России таких возможностей существенно меньше.

Крылатые ракеты морского базирования. По этому типу СНВ новый договор, к сожалению, не продвинулся ни на йоту. Более того, КРМБ в нем даже не упоминаются, в то время как в СНВ-1 количество таких ракет в ядерном оснащении ограничивалось 880 ед. у каждой стороны. Между тем ядерные КРМБ — это полноценный элемент СНВ, даже более опасный, чем другие, учитывая их мобильность, скрытность, особенности полета к цели, полный запрет на контроль за ними. По мере количественных сокращений «триады» удельный вес КРМБ в стратегическом ядерном арсенале США будет расти. И в соглашениях по СНВ давно бы пора говорить не о «триаде», а о «тетраде» таких вооружений. Исключение КРМБ из переговоров создает лазейку для обхода любого соглашения и во многом сводит на нет сокращения других типов СНВ. Этот элемент СНВ представляет не меньшую, если не большую,

⁶ 16 декабря 2010 г. в Брюсселе начались консультации между Россией и НАТО по ЕвроПРО.

⁷ См.: *Есин В.* Состоится ли проект ЕвроПРО? // Военно-промышленный курьер, №2 (368), 19 янв. 2011 г.

⁸ НГ, 23 июля 2010 г.

угрозу подрыва стратегической стабильности, чем ПРО. И не случайно в резолюции Сената США о СНВ-3 о них не сказано ни слова!

МБР с неядерными боеголовками. Эти стратегические средства нападения составляют основу так называемой концепции «быстрого глобального неядерного удара», которая получила развитие в годы президентства Дж.Бушамладшего и декларировалась как эффективный способ ведения антитеррористической борьбы. Сенаторы США в процессе обсуждения Договора СНВ-3 выражали обеспокоенность: не подорвет ли договор эту реализуемую США и сегодня концепцию? А с точки зрения большинства российских экспертов, сохранение и вывод из-под контроля неопределенного количества стратегических МБР создает еще одну возможность для обхода Договора СНВ-3.

Тактическое ядерное оружие. США и их союзники по НАТО намерены требовать от России как можно скорее начать переговоры по ТЯО, заявляя, что в этом виде оружия сложился диспаритет не в пользу США, который при сокращении СНВ будет сказываться все больше. По американским оценкам, у России сейчас имеется около 3800 ед. ТЯО. Пока наша позиция достаточно твердая: вначале нужно выполнить СНВ-3, затем говорить о дальнейших шагах. Россия вроде бы не против начать консультации по ТЯО, но требует перед их началом вывести ТЯО США из Европы. Ясно, что давление на российскую сторону по ТЯО будет нарастать. А для России вопрос непростой: в сложившихся условиях, когда она по всем азимутам уступает своим соседям в обычных вооружениях, ТЯО остается важным средством сдерживания, особенно в региональном масштабе, и значительно ослабить эту его функцию было бы небезопасно для страны.

Критические замечания, связанные с новым договором по СНВ, этими проблемами не исчерпываются. Высказываются мнения (кстати, вполне оправданные) о том, что Соединенным Штатам, обладающим несоизмеримым с другими державами превосходством в высокоточных обычных средствах нападения, в средствах кибервойны, а также в некоторых принципиально новых видах оружия, даже выгодны как можно более глубокие сокращения ядерных вооружений.

Нельзя забывать и о «неприкосновенном запасе» СНВ у союзников США по НАТО. Но надо понимать и то, что в любом разоруженческом договоре можно отыскать положения, не устраивающие ту или иную сторону. Любой договор — это компромисс, и, что греха таить, больше уступок приходится делать слабейшей стороне, которой сегодня выступает Россия. Ей приходится учитывать слишком много факторов — и не только военных, но и экономических, и политических. И при оценке Договора СНВ-3 и его влияния на безопасность России необходимо его недостатки сопоставлять с тем полезным, что несет этот договор для безопасности нашей страны, улучшения двусторонних отношений, для международного климата в целом. Да и просто честно ответить на вопрос: способна ли будет наша слабеющая экономика, порушенный оборонно-промышленный комплекс, постоянно реформируемые уже два десятилетия и уже седьмым министром обороны вооруженные силы противостоять тем нарастающим угрозам, которые будет нести в себе не сдерживаемый никакими обязательствами и не контролируемый рост СНВ США? Или все же выгоднее договориться об установлении некоторых ограничений для роста СНВ и прозрачности этого класса вооружений?

Договор СНВ-3 как фактор влияния

Так что же такое СНВ-3? Надо ли его рассматривать как рядовое и к тому же дву-стороннее разоруженческое соглашение или его значение выходит за военные рамки и стоит оценить его влияние на отношения России и США и на международную политику в целом, на финансовую и экономическую сферу, его вклад в достижение ядерного нуля?

Оценки, как водится, полярные.

Президент Д.Медведев считает, что договор не только упрочил безопасность России и США, но и безопасность всего мирового сообщества, что «это краеугольный камень обеспечения безопасности на ближайшие десятилетия и в мире, и на европейском континенте».

Президент США Б.Обама: новый договор по СНВ — «самое значительное соглашение в области контроля над вооружениями за последние почти два десятилетия... Он усилит лидерство США в области нераспространения ядерного оружия и содействует миру без ядерного оружия... будет способствовать продвижению наших отношений с Россией». Ратификация договора — «это не политическая победа. Это безопасность США».

Положительные оценки дали Договору СНВ-3 также высшие чины военных ведомств США и России.

А вот мнения противников Договора в России и США:

Г.Зюганов: «Ядерное оружие — это последний довод, который есть у России, и любое сокращение потенциала бьет, прежде всего, по нашей безопасности». В.Жириновский: «Договор существенно ослабляет военную мощь России». Военный эксперт Л.Ивашов считает, что СНВ-3 «губителен для России». А его американский коллега Гордон Чэнг убежден в обратном: договор «нарушает баланс не в пользу США», «сокращение стратегических вооружений может угрожать безопасности США», а действия Обамы в области СНВ «вызывают опасения».

Разумеется, Договор СНВ-3 нельзя считать идеальным. Основания для этого есть у американцев (и это подтвердил трудный процесс его ратификации в Сенате). Еще больше оснований у российской стороны.

Но все же доводы российских сторонников этого разоруженческого соглашения в большей степени учитывают как реальные возможности нашей страны, так и перспективы ее дальнейшего развития.

Надо согласиться и с тем, что значение Договора выходит далеко за рамки только двусторонних отношений и только вооруженческой сферы. Есть все основания считать его многовекторным фактором, оказывающим влияние на многие области внешней и внутренней политики страны, как и на важные глобальные процессы.

Политический фактор. Договор расширяет диапазон сотрудничества между Россией и США, причем не только в сфере военной. Он, безусловно, повышает уровень доверия между нашими странами, понизившийся за последние годы едва ли не до нулевой отметки. Так, в начале декабря 2010 года Конгресс США ратифицировал межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (так называемые Соглашение 1-2-3), которое было подписано в Москве еще в мае 2008 года.

Благотворно должен сказаться Договор и на отношениях России с европейскими соседями. Сумеют ли стороны воспользоваться этими возможностями — вопрос другой.

В частности, важными сопутствующими Договору факторами следует считать углубление взаимодействия между США и их союзниками и Россией по Афганистану, этой общей болевой точкой мирового сообщества, достижение мира в котором и поддержание стабильности в интересах и США, и России. Сближаются позиции двух стран по проблеме нераспространения (КНДР, Иран).

Договор между двумя главными обладателями ядерного оружия вносит существенный вклад в укрепление глобальной стабильности, в мировую политику. Его реализация, по существу, сведет к нулю вероятность глобальной ядерной катастрофы, под угрозой которой мир существовал во все годы «холодной войны» и опасность которой все же сохраняется и в наше время.

Еще одна важная сфера, в которой Договор СНВ-3 сыграет позитивную роль, — контроль над вооружениями. Сложившаяся в последние годы «холодной войны» система контроля над вооружениями — во многом именно усилиями США — была значительно подорвана. Прекратил свое существование Договор по ПРО. Фактически умер Договор по обычным вооруженным силам в Европе (этому способствовала упорная политика США по расширению НАТО в восточном направлении, создание ими новых военных баз в Европе, отказ ратифицировать модифицированный ДОВСЕ, пренебрежение опасениями России за свою безопасность). США до сих пор не ратифицировали Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Безусловно, та система контроля над вооружениями, которая сложилась к концу XX века, не вполне приспособлена к новым условиям, к эпохе глобализации, к новым угрозам и вызовам. И Договор СНВ-3 — первое серьезное разоруженческое соглашение за последние 20 лет — может и должен послужить основой для формирования в чем-то принципиально новой, отвечающей условиям XXI века системы контроля над вооружениями.

Важное значение имеет Договор СНВ-3 и для укрепления режима нераспространения. Мир в последние годы столкнулся с серьезными проблемами, связанными с этим режимом. Последнюю Конференцию по рассмотрению действия ДНЯО в мае 2010 года большинство политиков и экспертов оценивают как в целом успешную, продемонстрировавшую определенное сближение большинства государств по проблемам нераспространения. И этот, пусть относительный, успех стал возможным именно благодаря подписанию президентами России и США Договора по СНВ.

Стратегический фактор. Повышает ли Договор СНВ-3 безопасность России в оборонной сфере? Дать однозначный ответ на этот вопрос (как утвердительный, так и отрицательный) нельзя. Думаю, что договор все же не понижает уровень нашей безопасности. На ближайшие 10 лет российский потенциал сдерживания сохраняется. В определенном смысле можно говорить и о сохраняющемся балансе в ядерных вооружениях США и России. С другой стороны, не затрагиваемый сокращениями ядерный потенциал Великобритании и Франции⁹,

⁹ На Конференции по ДНЯО (май 2010 г.) ядерная пятерка (США, РФ, Великобритания, Франция и КНР) взяла на себя обязательство активизировать процесс ядерного разоружения и в 2014 г. на подготовительном комитете проинформировать о предпринятых ими мерах.

превосходство США в высокоточном обычном оружии и в целом в средствах нанесения превентивного разоружающего удара по российским ядерным объектам и центрам управления в значительной мере нарушают этот баланс не в нашу пользу, хотя, что важно, и не сводят к нулю возможность нанесения ответного удара.

Другое дело, если США развернут широкомасштабную систему ПРО с использованием как наземных, так и морских, авиационных и космических средств. Но вряд ли это произойдет за 10 лет, на которые рассчитан СНВ-3. Заглядывая за пределы этого периода, нужно отметить, что проблема ПРО станет едва ли не самой ключевой для сохранения стабильности в сфере ядерных вооружений. России придется либо создавать свою ПРО (что, думаю, вряд ли возможно), либо наращивать СНВ, т.е. отказаться от дальнейшего участия в процессе сокращения СНВ.

Экономический фактор. Странники Договора СНВ-3 в России утверждают, что сокращение количества наших ядерных средств позволит сэкономить финансы. В перспективе, может быть, это и случится. Но пока военные бюджеты и США, и России растут, хотя, конечно, они несоизмеримы.

В 2011 году военный бюджет России вырастет на 13,4% и составит около 47 млрд. долл., в 2012 году расходы увеличатся еще на 9,8%, а в 2013 году на оборонные нужды потратят еще на 28,7% больше. Общая сумма затрат государства на оборонку составит свыше 2 трлн. руб.¹⁰, или почти 49 млрд. долл.

Одобренный 22 декабря Сенатом Конгресса США законопроект о военном бюджете страны на 2011 год предусматривает выделение на различные военные программы 725 млрд. долл. В том числе до 160 млрд. долл. планируется направить на проведение военных операций в Ираке и Афганистане. (Для сравнения: в 2010 году на нужды Пентагона выделялось 626 млрд. долл., в том числе на проведение операций в Афганистане и Ираке — 128 млрд. долл. А в 2009 году бюджет военного ведомства составлял 515,44 млрд. долл.¹¹). При этом надо отметить, что президент Обама, чтобы получить необходимые для ратификации голоса сенаторов, сомневающих в эффективности мер по модернизации ядерного арсенала США, объявил, что готов пересмотреть двадцатилетний план развития национального ядерного комплекса, увеличив расходы еще на 4,1 млрд. долл. и доведя их до астрономической суммы в 180 млрд. долл.¹²

Вряд ли удастся и России сэкономить средства на сокращении своих СНВ (этот процесс сам по себе потребует немалых денег). Стареющий ракетно-ядерный потенциал России требует его срочной модернизации. Эта задача является приоритетной в военном строительстве. В ближайшие 10 лет СЯС России должны полностью обновить свой состав: 80% комплексов РВСН составят системы нового производства и лишь 20% — системы советского производства с продленными сроками хранения¹³. При этом должна быть изменена и структура СЯС. Доля РВСН сократится примерно вдвое — с нынешних 70%

¹⁰ По данным Минфина России. — www.inright.ru/articles/army/20100924/id_362

¹¹ Российский миротворец. — www.peacekeeper.ru/ru/index.php?mid=12081

¹² Рубцов Ю. СНВ-3: Скандал в Вашингтоне // Международная жизнь, 19 ноября 2010 г.

¹³ Крамник И. Стратегические силы: чего ждать от ядерного зонтика // РИА Новости, 17 декабря 2010 г.

до 30–35%. Основными носителями ракет с разделяющимися головными частями должны стать подлодки, их основу составят новые АПЛ с ракетами «Булава» (очередной пуск которой вновь отложен и состоится не ранее чем в конце июня 2011 года)¹⁴.

Так что надеяться на экономию за счет сокращения наших СНВ не приходится. Более того, в ближайшие годы потребуются значительные дополнительные расходы на их модернизацию и замену.

К числу экономических факторов влияния СНВ-3 можно отнести и очередное обещание Вашингтона поспособствовать вступлению России в ВТО. Но это обещание — не очередная ли морковка, подвешенная демократами США к носу российского собрата?

СНВ-3 и перспективы «ядерного нуля». Вносит ли Договор СНВ-3 и в целом процесс сокращения ядерных арсеналов США и России заметный вклад в достижение главной мечты человечества о всеобщем и полном ядерном разоружении, о «ядерном нуле»? К этому в свое время призывали советские вожди, и к этому же сегодня призывает президент Обама.

К сожалению, перспективы очень туманные.

Создание ядерных боеприпасов становится доступнее для все более широкого круга стран и даже организаций. Одновременно расширяется круг обладателей ядерным оружием или стремящихся к его обладанию. Сегодня можно назвать два-три десятка стран, способных создать такое оружие. Значит, порог применения ядерных средств снижается.

Ядерное оружие для «пятерки» членов ядерного клуба постепенно утрачивает функцию сдерживания от масштабной агрессии: трудно представить ситуацию, когда великая держава сможет принять решение применить его против другой великой державы. В то же время ядерное оружие все более становится оружием поля боя; процесс модернизации его сводится ко все большей их компактности, повышению точности и эффективности в целом, что увеличивает искус его применения в локальных войнах или антитеррористических операциях. Растет и стремление террористических организаций овладеть таким оружием.

В целом надо сделать вывод, что ядерный нуль и сегодня остается такой же недостижимой мечтой, как и во времена «холодной войны».

В заключение надо отметить, что в Договоре СНВ-3 заложены в целом выгодные как для России, так и для США потенциальные возможности. Но многое будет зависеть от того, сумеют ли стороны их разумно использовать. Если США попытаются, используя сильные для них стороны этого договора (и имеющиеся, к сожалению, лазейки), добиться решающего преимущества в СНВ — ничего хорошего из этого важного соглашения не получится. Вряд ли США смогут многое выиграть, если встанут на такой путь. И в этом случае многое потеряет не только Россия (у нее и в этом варианте все же останутся возможности для сдерживания), но главным образом — остальной мир, который может распротиться с надеждами на устранение, по крайней мере, одной серьезной угрозы современности — угрозы ядерной катастрофы и на перераспределение мировых ресурсов на борьбу с действительно насущными глобальными угрозами.

¹⁴ Оружие России. — www.arms-expo.ru/site.xp/049057054050124050048052056052.html

Николай САВКИН

«ВЕЛИКАЯ АРАБСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Раздует ли она «мировой пожар»?

Впрочем, пока еще рано говорить о том, действительно ли можно назвать эту революцию «великой», является ли она только «арабской» и уж, тем более, сложно ответить на вопрос, послужит ли она той искрой, из которой «возгорится пламя» очередного мирового пожара.

«Процесс пошел», как говорил первый и последний президент СССР, но закончится ли он изгнанием в небытие нынешних правителей тех стран, которые охвачены сегодня революционными настроениями масс в различной степени их проявления – от мирных демонстраций протеста до вооруженных столкновений с гибелью людей, или получит дальнейшее развитие – это пока остается вопросом.

Ни один эксперт не предвидел такого мощного социального взрыва регионального масштаба. Волнений ждали, перемены режимов прогнозировали, но только лишь в отдаленной перспективе и в отдельных странах.

Какие же причины легли в основу нынешних событий в субрегионе, который в мировой политологической практике принято именовать Большим Ближним Востоком?

Что объединяет все эти «частные» революции, заставляя, при всей их пестроте, разнообразии форм, выдвигаемых протестующими требований, рассматривать их как единое целое?

Во-первых, авторитаризм правящих режимов и отсутствие или значительное ограничение политических свобод.

Во-вторых, коррупция, с которой правящие режимы не хотят или не могут справиться.

В-третьих, низкий уровень жизни значительной части населения и безработица, от которой в большей степени страдает молодое поколение.

И это первый и главный вывод, который можно сделать из бурных событий последних месяцев в странах Северной Африки и Ближнего Востока. И, несмотря на еще далеко не полную картину этих событий, которые требуют, конечно, основательного и глубокого анализа (журнал «Вестник аналитики» предполагает подробно осветить эту тему в следующем номере), этот вывод очевиден уже сейчас и вряд ли может быть отвергнут.

Во всех этих странах как наиболее активная протестная сила выступала молодежь – не имеющая работы, не видящая жизненных перспектив, но в то же время прекрасно владеющая новыми информационными технологиями, иностранными языками, в большинстве своем получившая современное образование и, можно сказать, идеологически консолидированная через общение в Интернете, в том числе и со своими единомыслителями в западных странах.

Т.е. в мире (и не только в арабском) выросло и все громче заявляет о себе новое поколение, с новыми взглядами на мир, на общество, на собственное положение в нем.

Поколение, которое попросту не видит для себя реальных перспектив в обозримом будущем и которое, если и не отвергает напрочь традиционные взгляды старшего поколения, то вынуждает их пересматривать.

Конечно, в охваченных волнениями странах БВВ сказалась специфика их развития. На смену колониальным режимам здесь в 50–60-е годы XX века пришли лидеры национально-освободительного движения, которые, утвердившись у власти на революционной волне и руководствуясь лозунгами о необходимости поддержания стабильности и общественного мира, достаточно быстро создали авторитарные режимы.

Сменившая их новая генерация политиков оказалась не готова к вызовам и угрозам XXI века. Среди этих вызовов – демографический скачок, рост молодежной безработицы, изменение мировой экономической и политической конъюнктуры и т.д.

В этих условиях созданные национальными лидерами экономические модели продемонстрировали свою полную неэффективность. Население росло, а количество рабочих мест – нет. На проблемы экономические наложился проблемы социальные – повсеместное засилье бюрократии, коррупция, закупорка лифтов социальной мобильности, катастрофический разрыв между богатыми и бедными и т.д.

Разумеется, никак нельзя сбрасывать со счетов при оценке революционных и протестных выступлений в арабских странах и внешнее влияние.

Среди этих сил на первое место нужно поставить Соединенные Штаты, политика которых в этом регионе привела к крупнейшим войнам в Ираке и Афганистане, к подрыву процесса урегулирования в арабо-израильском противостоянии, к углублению политической и экономической дифференциации стран БВВ, к усилению исламского экстремизма, который также сыграл и продолжает играть свою деструктивную роль в последних событиях в арабских странах.

В Вашингтоне под лозунгом «борьбы с терроризмом и экстремизмом» распространялись исламофобские настроения, в то же время отдавалось предпочтение Израилю. Призывы президента Обамы к примирению с миром ислама легли на довольно каменистую почву и не дали ожидаемых результатов. Тем более, что призывы – призывами, а политическая практика президента Обамы сталкивалась с давлением и с изменениями, происходящими в системе международных отношений и в мире ислама.

Свою роль сыграл и мировой финансовый кризис. Его последствиями стали «проседание» бюджетов нефтедобывающих государств (так, ТЭК является одной из важнейших отраслей экономики АРЕ), коллапс банковской

системы (Бахрейн), снижение возможностей по дотированию социальных проектов (Египет, Ливия, Бахрейн и т.д.).

Финансовый кризис способствовал снижению притока в арабские страны иностранных инвестиций, что еще больше увеличило торговый дисбаланс. Существенный урон был нанесен туристическому сектору, который является одной из важнейших статей пополнения бюджетов для того же Египта и Туниса. Роковым последствием мирового финансового кризиса, в частности, для режима Мубарака, стало повышение цен на продовольствие.

Египет, вообще говоря, стал страной «классической революционной ситуации»: здесь наблюдался целый комплекс глубочайших социально-политических противоречий – безработица, бедность, засилье бюрократии, неразвитость экономики и т.д. Вдобавок Египет является страной, переживающей мощнейший демографический скачок, его население прирастает более чем на 1 млн. человек в год. При этом средний возраст египтян – 24 года. Их необходимо обучать, трудоустраивать, делать все для того, чтобы молодежь имела хотя бы видимость перспектив личного, творческого, карьерного развития. Но экономическая и социальная политика, которую проводило руководство Египта, явно отставала от темпов прироста и развития населения страны.

На повестке дня сегодня два вопроса – кто следующий и чем все это закончится? Что принесет миру смена закостеневших авторитарных режимов, даже если это будет очередная смена декораций? И какие уроки должен извлечь остальной мир, в том числе и наша страна?

Принимая во внимание рост активности арабской улицы, большинство экспертов не сомневается, что революционная волна покатится дальше по бушующему миру ислама. Среди кандидатов на «перемены» все чаще называют Сирию, Алжир, Иорданию, даже богатую Саудовскую Аравию.

Президент России Дм.Медведев, охарактеризовав ситуацию в БВВ как тяжелейшую и предвещая очень большие трудности для многих государств этого региона, вплоть до их распада, дальнейшего распространения экстремизма и «прихода к власти фанатиков», заверил граждан России, что такой сценарий в нашей стране не пройдет. Но нельзя не замечать и того, что главные побудительные факторы, вызвавшие революционные потрясения в арабских странах, для России, к сожалению, никак нельзя считать экзотикой. Полноценного гражданского общества как не было, так и нет. Коррупция продолжает процветать. Социальное расслоение общества растет. Да и молодежь у нас испытывает похожие трудности с трудоустройством и видением перспектив.

И остается только гадать, кто ближе к истине: наш президент или некоторые политики из США и Великобритании, предвещающие России «египетский сценарий».

Эльдар КАСАЕВ

АРАБСКИЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Российско-арабские связи при Владимире Путине

В начале XXI века отмечается заметная активизация российско-арабских политико-экономических отношений. Об этом свидетельствуют участвовавшие государственные визиты высшего российского руководства в страны Персидского залива и Северную Африку.

Надо сказать, что результаты поездок В.Путина в государства указанного региона оказались весьма серьезными. К примеру, была существенно снижена степень правовых рисков для потенциальных российских инвесторов в экономику Саудовской Аравии ввиду того, что в рамках первого в истории официального визита главы российского государства в Королевство, состоявшегося 11–12 февраля 2007 года, была подписана Конвенция об избежании двойного налогообложения доходов и капитала.

Издание «Аш-Шарк аль-Аусат» писало, что данное событие станет действенным катализатором, равно как и первый в истории российско-саудовских отношений визит наследного принца Абдаллы четырехлетней давности, поэтапного роста межгосударственного энергетического партнерства.

Кроме того, поездка В.Путина в компании с представителями крупного отечественного бизнеса и государственных структур была направлена на то, чтобы содействовать более тесному совместному энергетическому партнерству, так как в перспективные интересы обеих сторон входят нефтепромышленность и энергетика.

В 2003 году был запущен масштабный проект по освоению саудовских недр при помощи российских специалистов. 26 января 2004 года компания «Лукойл Оверзиз» выиграла тендер по разведке и разработке месторождений природного газа на Блоке А, расположенном в центральной части пустыни Руб эль-Хали. Рассчитанный на 40 лет контракт предусматривает создание совместного предприятия с государственной нефтяной компанией Saudi Agamco, в котором российская фирма станет оператором проекта.

Наладив эффективный диалог с саудовцами, В.Путин попытался сделать то же самое в соседнем государстве. 10 сентября 2007 года в ходе первого за 35-летнюю историю совместных отношений официального визита главы российского государства в Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) президент

уделил немало времени обсуждению с зарубежными коллегами перспектив двустороннего инвестиционного партнерства.

Заметим, что к этому моменту сторонами на институциональном уровне уже был сделан неплохой задел для развития многоплановых отношений в обозначенной области. Так, была учреждена Межправительственная российско-эмиратская комиссия по торговому, экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которую с российской стороны возглавляет С.Шматко, с эмиратской — министр иностранных дел А.аль-Нахайян. Также по линии коммерческих кругов налаживать предпринимательские контакты призван Российско-эмиратский деловой совет (РЭДС), соглашение о создании которого было подписано в Дубае в мае 2006 года между Российско-арабским деловым советом при ТПП России и Федерацией ТПП ОАЭ.

К тому моменту ОАЭ уже активно превращались в важный региональный центр ре-экспортной торговли, совершенствовались и расширяли систему действующих свободных экономических зон, все более аккумулируя международные финансовые и инвестиционные потоки, продолжали создание промышленных предприятий, развитие энергетики и инфраструктуры, включая нефте- и газопроводы. Рынок Эмиратов по праву можно назвать привлекательным и перспективным. Во многом это было достигнуто при содействии государственного лобби российско-эмиратских проектов на высшем уровне.

Говоря о североафриканском направлении политики России в годы президентства В.Путина, следует отметить, что в этот период отношениям Кремля со странами этого региона также был задан новый импульс.

Достаточно напомнить, что политические и торгово-экономические связи между Россией и Марокко стали де-юре закреплены лишь после государственного визита В.Путина в Королевство Марокко в сентябре 2006 года. Тогда сторонами был подписан ряд межправительственных соглашений о сотрудничестве в различных областях.

В частности, Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, соглашения о сотрудничестве в области морского рыболовства, о сотрудничестве в сфере туризма, о культурном и научном сотрудничестве, о сотрудничестве в области массовых коммуникаций, меморандум о сотрудничестве в области физической культуры и спорта, а также соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения.

Таким образом, Россия активизировала свою внешнюю политику на североафриканском векторе с тем, чтобы придать большую эффективность отношениям с Марокко.

Кроме того, президентом России были проведены еще визиты в другие страны, направленные на усиление существующей динамики двусторонних отношений. Справедливо считая, что на современном этапе Алжир бесспорно входит в число ведущих партнеров Москвы, но учитывая, что объемы внешней торговли и экономического взаимодействия в целом более чем скромные и не отражают своего коммерческого потенциала, а также уровня политических отношений и поддержки руководства двух стран, в марте 2006 года В.Путин посетил эту страну.

В результате были подписаны Межправительственное соглашение о торгово-экономических и финансовых отношениях и урегулировании задолженно-

сти Алжира перед Россией по ранее предоставленным кредитам; Конвенция об избежании двойного налогообложения; Соглашение между правительствами двух стран о поощрении и взаимной защите капиталовложений; Соглашение о сотрудничестве между ТПП России и ТПП Алжира.

Становится понятным и очевидным, что во время своего нахождения у руля государства глава России пытался не только выстроить сбалансированные отношения со странами Большого Ближнего Востока непосредственно на политическом поле, но и существенно улучшить перспективы совместных проектов в хозяйственной сфере, которые осуществляют российские предприниматели с арабскими коллегами.

Справедливости ради стоит подчеркнуть, что главы некоторых государств Большого Ближнего Востока «алаверды» осуществляли рабочие турне в Москву.

Достаточно напомнить, что нашу страну за последние годы посетили король Марокко Мухаммед VI и премьер-министр Д.Жетту, король Иордании Абдалла II, правительственная делегация Палестинской автономии во главе с руководителем политбюро движения ХАМАС Х.Машаалем, а также ряд других руководителей и политических лидеров арабских стран.

Российско-арабские связи при Дмитрии Медведеве

В отличие от своего предшественника, нынешний Президент России Д.Медведев предпочитает вести переговоры со странами региона преимущественно в рамках региональных и межрегиональных организаций (ЛАГ, ССАГПЗ, ОАЕ, ОИК). Особняком в этом списке стоит Форум стран — экспортеров газа (ФСЭГ), статус которого со времен президентства В.Путина претерпел серьезные изменения.

Напомним, что в декабре 2008 года в Москве, в ходе 7-й министерской встречи ФСЭГ, данную организацию из неформального объединения преобразовали в международную правительственную организацию. В Форум входят Алжир, Боливия, Венесуэла, Египет, Иран, Катар, Ливия, Нигерия, Россия, Тринидад и Тобаго, Экваториальная Гвинея. А в декабре 2009 года на 9-й министерской встрече ФСЭГ в Дохе единогласным решением ее первым генеральным секретарем избрали представителя России Л.Бохановского.

Аналитики зачастую отождествляют ФСЭГ с «газовой ОПЕК». Смею им возразить. Данное ассоциативное наименование не обосновано, так оно никоим образом не отображает сущность организации, в уставе которой не предусмотрено никаких рычагов, позволяющих ей регулировать цены на газ. Напротив, согласно своему уставу, ФСЭГ не может заниматься квотированием газодобычи.

Кроме того, между Россией, Ираном и Катаром есть определенные разногласия. Тегеран настаивает, чтобы газовый форум в перспективе квотировал бы добычу газа и таким образом способствовал росту цен на топливо. Москва видит будущее организации как структуры, занимающейся совместными проектами, по созданию, предположим, газотранспортных сетей. Доха связывает свои газовые проекты с поставками СПГ в Европу.

Однако не следует наивно полагать, что российский глава проводит переговоры с зарубежными партнерами лишь в многостороннем формате. В октябре 2010 года Д.Медведев в составе делегации, включающей министра энергети-

ки России С.Шматко, президента ТПП России Е.Примакова, председателя правления «Газпрома» А.Миллера, председателя совета директоров ТНК-ВР М.Фридмана, а также других чиновников и предпринимателей, посетил с официальным визитом Алжир. Данная поездка еще более упрочила шансы партнеров на стратегическое взаимодействие в инвестиционной и энергетической областях, подтвердив фактическое намерение стран расширять сотрудничество в геологоразведке и добыче газа на алжирской территории.

Это выразилось в подписании Меморандума о взаимопонимании по сотрудничеству в газовой сфере между Министерством энергетики РФ и Министерством энергетики и шахт Алжира, а также Меморандума между этими же ведомствами о сотрудничестве в сфере энергетики.

Стоит отметить, что Д.Медведев неоднократно заявлял о необходимости сохранения преемственности российского как внутри-, так и внешнеполитического курса, поэтому с весны 2008 года внешняя политика нашего государства, в том числе на арабском векторе, в стратегическом плане не претерпела кардинальных изменений.

Ярким тому примером служит тот факт, что наше государство по-прежнему рассматривает возможность проведения в этом году в Москве международной конференции по Ближнему Востоку, но точные сроки данного мероприятия пока не определены.

Россия стремится усилить свои позиции в активно набирающем обороты исламском мире, укрепив собственный авторитет в арабо-африканском регионе. Надо сказать, что Москва справляется с поставленной задачей вполне успешно.

Достаточно напомнить, что проведенная осенью 2009 года в российской столице Международная научно-практическая конференция по Судану, в которой автору довелось выступать с докладом, дала необходимый импульс развитию российско-суданских политико-экономических отношений. Об этом в декабре 2009 года официально заявил президент Судана О.аль-Башир, сказав следующее: «В России мы видим не просто друга, но государство, которое всегда действует по справедливости, не оставляя в беде друзей». Кроме того, глава Судана подчеркнул, что между Москвой и Хартумом активно развиваются контакты в предпринимательской области.

Возвращаясь к политике и механизмам ее осуществления, следует заметить, что администрацией Д.Медведева были внесены некоторые тактические коррективы, направленные на обеспечение безопасности Кремля и защиту его интересов в арабском регионе в случае существенной радикализации политического курса ряда арабских стран, обусловленной перманентным усилением позиций религиозно-фундаменталистских сил в их властных структурах, особенно в тех институтах власти, которые напрямую или косвенно связаны с генерированием и реализацией внешней политики.

Почему ситуация на Ближнем Востоке продолжает так остро волновать Москву?

Прежде всего, не стоит забывать, что Россия связана международными обязательствами в качестве коспонсора ближневосточного мирного процесса (вместе с ООН, ЕС и США). Наша страна, безусловно, сохранит этот статус и в дальнейшем, поскольку Большой Ближний Восток был и остается для нас

одним из ключевых, если не самым важным регионом в системе международных отношений на современном этапе.

Неслучайно летом 2009 года спецпредставитель президента России по Ближнему Востоку А.Салтанов осуществил рабочие визиты в Ливан и Сирию, а немногим ранее глава внешнеполитического ведомства С.Лавров принял участие в работе 36-й сессии Совета министров иностранных дел стран — членов Организации Исламская конференция (ОИК) в Дамаске.

Примечательно, что для российской внешней политики пока еще традиционной остается система установления и развития отношений с иностранными государствами прежде всего на двусторонней основе, а потом уже на уровне региональных и международных организаций.

Примером тому служат отношения нашей страны с большинством стран-членов ЕС: Россия предпочитает развивать отношения и решать возникающие проблемы с каждым конкретным государством в отдельности, а не со всей наднациональной структурой в целом, где по воле одного государства может быть приостановлено или же ветировано принятие решений по важным экономическим и политическим вопросам.

Таким образом, сравнив отношения Москвы с арабскими государствами во времена президентства В.Путина и Д.Медведева, можно прийти к такому выводу.

В отношении арабских стран Россия будет применять следующий подход: при сохранении значимости арабского региона в целом, она будет развивать и укреплять отношения, а также решать возникающие проблемы как на двусторонней основе с каждым конкретным арабским государством в отдельности, так и на площадках международных организаций различного характера.

Приоритет, как представляется, будет отдаваться интенсификации и повышению эффективности экономических связей, военно-технического, научно-технического сотрудничества, результатом чего должно стать и усиление реального политического влияния, и восстановление авторитета России в этом обширном регионе.

В этой связи представляется целесообразным определить ключевые параметры модели развития внешней политики России на ее арабском векторе в случае существенной радикализации внешнеполитического курса арабских стран на региональном и межрегиональном уровнях.

В соответствии с Концепцией внешней политики Россия будет добиваться стабилизации обстановки на Ближнем Востоке, включая зону Персидского залива и Северную Африку, учитывая при этом воздействие ситуации в регионе на обстановку во всем мире. Используя свой статус коспонсора, Россия намерена вести линию на активное участие в нормализации обстановки в регионе после кризиса. В этом контексте приоритетной задачей России будет восстановление и укрепление ее позиций, особенно экономических, в этом богатом и важном для наших интересов районе мира.

Рассматривая Большое Средиземноморье как связующий узел таких регионов, как Ближний Восток, Черноморский регион, Кавказ, бассейн Каспийского моря, Россия намерена проводить целенаправленный курс на превращение его в зону мира, стабильности и добрососедства, что будет способствовать продвижению российских экономических интересов, в том числе в вопросе выбора маршрутов прохождения важных потоков энергоносителей.

Инна ШУМИЛИНА

ИМИДЖ США И БАРАКА ОБАМЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: МЕЖДУ СЛОВОМ И ДЕЛОМ

Цель данной работы — попытаться определить, в какой мере администрации Барака Обамы удалось за два года правления изменить ситуацию, характеризовавшуюся в 2008 году высоким накалом антиамериканизма в исламском мире (понимаемого как установку на неприятие политики США в разных странах) в публичной среде (в СМИ, в кино, на телевидении, на «арабской улице»). В самих США поражение Демократической партии на промежуточных выборах объясняется главным образом существенным изменением настроений и оценок американцами действий Барака Обамы и «демократического» Конгресса в вопросах экономики и внутренней политики. Внешнеполитические факторы не играли сколь-либо важной роли — за исключением, пожалуй, такого аспекта, как отношения между США и Израилем: охлаждение Белого дома в отношениях с Израилем шло вразрез с тенденцией усиления симпатий к еврейскому государству со стороны американцев.

Опросы 2008 и 2010 годов: тенденция к улучшению имиджа США в мире

Вопрос о том, насколько администрации Барака Обамы удалось улучшить имидж США в мире, распадается на две части: первая — эволюция имиджа Соединенных Штатов как доминирующего игрока на мировой арене; вторая — формирование имиджа собственно Барака Обамы как действующего президента. В ряде случаев — особенно в мусульманских странах — наблюдаются, казалось бы, парадоксальные тенденции: так, если до 2009 года имиджи президента США (Джорджа Буша-младшего) и собственно Соединенных Штатов воспринимались в мире как единое целое, то в случае с Барак Обамой векторы этих двух показателей нередко расходятся: т.е. отношение определенных категорий респондентов к Бараку Обаме могут фиксироваться в положительной зоне, а к США в целом — в зоне отрицательной. Одновременно социологи обращают внимание и на другую ставшую устойчивой тенденцию: улучшение имиджа США в мире происходит на фоне существенного падения рейтингов Барака Обамы внутри страны. Впрочем, эту тенденцию вряд ли можно назвать парадоксальной.

Большинство проведенных исследований (например, доклад службы Pew Research от 17 июня 2010 года, посвященный популярности США за рубежом, при составлении которого были опрошены 24 тысячи человек в 22 странах мира) убедительно продемонстрировали тенденцию к переменам в имидже США в лучшую сторону, однако при этом констатировали устойчивое снижение рейтинга Барака Обамы в самих Соединенных Штатах¹. Для сравнения: по опросу 2008 года в мусульманских странах, подавляющее большинство респондентов воспринимали США «скорее как противника», чем «друга» (самые высокие показатели зафиксированы в Ливане, Турции и Пакистане — соответственно 80%, 70% и 60%); положительно же отзывались о США меньше четверти опрошенных в таких странах, как Египет (22%), Иордания (19%), Пакистан (19%) и Турция (12%).

В целом эта тенденция сохраняется и сегодня: в Турции в мае 2010 года только 23% положительно оценивали деятельность Обамы, в то время как в 2009 году таковых было 33%, а в Пакистане — положительно высказались в 2010 году лишь 8%, что на 5% меньше, чем годом раньше). Впервые самый низкий показатель за последние годы (с 2006 года) зафиксирован и в Египте — падение рейтинга США до 17%. На 10% снизился за последний год рейтинг Обамы в Ливане (35%), на 4% — в Иордании (26%). В отличие, однако, от Джорджа Буша-младшего нынешний американский президент воспринимается в мусульманских странах не всегда отрицательно. Более того — в некоторых исламских странах на Обаму все еще возлагают надежды определенные слои населения, среди которого преобладает мнение, что во многом Обаме мешают недруги мусульман в Конгрессе, в еврейском лобби и т.д. Показательна в этом плане ситуация в Турции: важнейшим событием, обрушившим рейтинг США и Обамы в этой стране, стало принятие в мае 2010 года Палатой представителей Конгресса резолюции о признании геноцида армян. Тогда Обама дистанцировался от позиции конгрессменов, однако это не удержало его рейтинги от падения и в Турции.

Наиболее ярко иллюстрируют динамику общественного мнения относительно США в арабских странах данные, подготовленные группой профессора Шибли Тельхами из американского университета Мэриленда (совместно с социологической службой Zogby International). Анализировались результаты опросов почти четырех тысяч человек из умеренных исламских стран — Египта, Саудовской Аравии, Марокко, Иордании, Ливана и Объединенных Арабских Эмиратов. Ключевые выводы исследования оказались близки к отрицательным для Обамы: подтверждена тенденция к падению его популярности и отмечено усиление негативного восприятия действий США в вопросах палестино-израильского регулирования.

Из собранных данных следует, что на первых порах президентства Обамы и работы его администрации — в апреле-мае 2009 года — примерно 51% представителей «арабской улицы» выражали оптимизм по поводу американской политики

¹ *Poll: Some Positive Signs for U.S. Image* Pew Global Attitudes Project // PewResearchCenter, June 12, 2008. — www.pewglobal.org/2008/06/12/global-economic-gloom-china-and-india-notable-exceptions; *Poll: Obama More Popular Abroad Than At Home, Global Image of U.S. Continues to Benefit* // Pew Global Attitudes Project — PewResearchCenter, June 17, 2010. — www.pewresearch.org/pubs/1630/obama-more-popular-abroad-global-american-image-benefit-22-nation-global-survey

на Ближнем Востоке, но уже в 2010 году таковых осталось лишь 16%, в то время как большинство — 64% — уже не поощряли действий Белого дома². Исследовательская группа Тельхами подводит следующий итог: надежды в арабском мире на перемены к лучшему (как это понимают в исламском мире — т.е. на трансформацию внешней политики США) были изначально нереалистично высоки и излишне тесно увязаны с личностным восприятием Барака Обамы. Как только стало очевидно, что и нынешняя американская администрация сталкивается с трудностями в достижении прогресса в израильско-палестинском мирном процессе, разочарований стало не избежать. «Мало сомнений, — комментирует Тельхами, — что решающим фактором в смене мнения по отношению к Обаме и его администрации является разочарование по израильско-палестинскому вопросу»³.

Как «позитивное в целом» определяет нынешнее влияние США в мире служба изучения общественного мнения GlobeScan, опросившая в 2010 году 30 тысяч человек в 28 странах мира. Примечательно, что такой уровень оптимизма в отношении США социологи этой организации отметили впервые за последние пять лет. Заметим при этом, что значительная часть опрошенных — в 13 странах, в основном европейских — вновь связала перемены в американской внешней политике с личностью нового президента. И по-прежнему самыми сдержанными стали мнения ближневосточных респондентов — из Египта, Иордании и Ливана. Они выразили уверенность в том, что при новом президенте отношения США со всем остальным миром еще более ухудшатся. Две страны показали устойчиво негативное восприятие США — Турция (70%) и Пакистан (52%). Половина российских респондентов также была настроена весьма негативно (50%)⁴.

В отношении уровня влияния США на национальные экономики в 2008 году мнение подавляющего числа респондентов было схожим: в основном оно оценивалось как отрицательное (72% высказались так в Великобритании и Германии, 70% — во Франции и Турции). В опросе же 2010 года ответы европейцев на вопрос об экономическом развитии своих стран вызвали «скромный оптимизм» — большинство опрошенных были недовольны национальной экономикой, однако связывали это не с США, а в первую очередь — с банками и собственными правительствами⁵.

США — мусульманские страны: политика «бархатной перчатки»

Высокий накал антиамериканизма и «антибушизма» практически во всем мире во многом был связан в 2008 году с проведением военной операции в Ираке. Тогда расхожим и популярным стал пассаж о том, что «американцы не понимают действительной ситуации в регионе Ближнего Востока, а весь

² 2010 Arab Public Opinion Poll // University of Maryland in conjunction with Zogby International, June 29 July 20, 2010. — www.brookings.edu/reports/2010/0805_arab_opinion_poll_telhami.aspx

³ Там же.

⁴ Poll: Global Views of United States Improve While Other Countries Decline // BBC World Service for GlobeScan, 18 April 2010. — www.globescan.com/news_archives/bbc2010_countries

⁵ Poll: Obama More Popular Abroad Than At Home, Global Image of U.S. Continues to Benefit - Modest Economic Optimism // Pew Global Attitudes Project — PewResearchCenter, June 17, 2010. — www.pewglobal.org/2010/06/17/obama-more-popular-abroad-than-at-home

мусульманский и арабский мир ненавидит политику США» — причем не только в исламских странах, но и в Европе и России. Такая позиция отражала наиболее типичные представления о США в мире на тот период, формируя тем самым суммарный негативный имидж Штатов.

Однако для массового сознания жителей исламских стран это было не ново, а стало логичным развитием антиамериканских стереотипов, укорененных задолго до военной кампании в Ираке и Афганистане. Негативный имидж Америки как «непоколебимого союзника Израиля» создавался и поддерживался в мусульманской части региона многие десятилетия — посредством религиозных проповедей, СМИ, кино, телевидения и соответствующего преподавания в образовательных учреждениях курсов истории. Образовательные, развлекательные и даже детские теле- и радиoprogramмы также несли в себе вполне определенный агитационный заряд, направленный на закрепление традиционалистского мировоззрения — антиамериканские стереотипы успешно раскручивались через СМИ, находившиеся непосредственно под влиянием радикальных исламских группировок. К примеру, устойчивым и вызывающим неизменный гнев и протест в общественном сознании жителей Ближнего Востока стало мнение, что усилия США (в том числе и мирные) нацелены в основном на экономическое ослабление региона — через захват в первую очередь нефтегазовых ресурсов арабских стран. Как не менее существенная воспринимается и угроза «раскачивания» традиционных ценностей и морально-этических устоев жителей региона — путем американской культурной «экспансии» через распространение кино- и телепродукции. Считается, что тем самым коварно размывается идентичность жителей региона, а следовательно, ослабляются их внутренние силы. Неизменная же американская поддержка Израиля воспринимается как прямое поощрение сионизма, отчего позиция США в арабо-израильском конфликте трактуется как пристрастная, не достойная доверия.

Политикой «бархатной перчатки» красноречиво назвали эксперты стиль внешнеполитического общения Обамы и его администрации с партнерами в исламских странах. И действительно, на протяжении первых двух лет его президентства язык «благоприятных жестов» в адрес этих партнеров во многом менял атмосферу в регионе. В этой связи особенно многообещающими — с точки зрения преобразования отношений — рассматривались официальные визиты американского президента на Ближний Восток. А именно: трехдневное посещение Стамбула (в мае 2009 года), главной целью которого было воссоздание «моста дружбы» в лице Турции между США и мусульманскими странами; выступление в каирском университете «Аль-Азхар» (в июне 2009 года), которое стало, по сути, обращением американского президента ко всему исламскому миру; встреча Обамы с саудовским монархом (в июне 2009 года), оказавшаяся «в тени» каирской речи и ограниченно освещаемая в СМИ, однако несшая в себе некоторые резонирующие моменты (в частности, на первый план было выдвинуто желание Вашингтона более активно задействовать возможности королевства в системе сдерживания Ирана на всем пространстве Ближнего Востока).

Главный же сигнал, направленный американским президентом мусульманам в ходе всех этих визитов, сводился к призыву перейти к новому этапу в

отношениях с США. Ярко снабжая свои выступления сурами из Корана, подчеркивая свои личные симпатии и понимание ислама и традиций, Обама проводил ценностные параллели, подведя к акцентированию значения для США и Запада в целом этого региона и показывая, что Ближний Восток, в частности, и исламский мир в целом будут в центре внешнеполитических усилий его администрации. Обама был весьма убедителен и призвал к обновлению отношений между США и исламским миром. С учетом всех деталей и акцентировок, которые прослеживаются во всех его выступлениях во время этих визитов, можно однозначно утверждать, что американский президент успешно реализовал задачи государственного пиара, важнейшим тезисом которого стала фраза «США никогда не вели и никогда не будут вести войну с исламом». Пиар-средства при этом были применены самые простые — в выступлениях американского президента, построенных на уже «обкатанных», звучавших ранее тезисах, присутствовали новые эмоциональные «краски», связывающие лично президента Барака Хусейна Обаму с внимавшей ему аудитории. Особенно ярко это проявилось в каирской речи американского президента. Значительный упор был сделан на партнерство между американцами и мусульманским миром, которые должны совместно противостоять экстремизму во всех его формах. «Партнерство между США и исламом должно базироваться на том, чем является ислам, а не на том, что о нем думают», — сказал Обама⁶. В обращении к мусульманам новый глава Белого дома старался дистанцироваться от позиций своего предшественника — особенно в подходе к проблеме Ирака, назвав ее «войной по выбору, а не по необходимости». При этом пиарщики Обамы старались добиться понимания в арабских странах оправданности смещения центра тяжести военных усилий США с Ирака (постепенный вывод войск) на Афганистан и Пакистан. Обама также подчеркнул необходимость общего противодействия угрозе распространения ядерного оружия, а именно — иранской ядерной программе. Не обошлось без критического пассажа в адрес поселенческой политики Израиля на оккупированных территориях, при этом было внятно выделено, что США полагают, что настало время, когда всем мусульманам необходимо признать государство Израиль. Таким образом, Барак Обама обозначил «обновление» ближневосточного курса американской администрации на фоне эффектного «расставания с издержками» правления Джорджа Буша, «обновив» и политический лексикон — точнее сузив его, отказавшись от детальных классификаций террористов времен Буша и вообще постаравшись уйти от самого термина «терроризм».

Однако те небольшие успехи — в частности, общее снижение уровня враждебности к США в исламских странах в среднем на 10% — невозможно отнести к положительным прорывам администрации Обамы на этом направлении. Внутренняя пропаганда, базирующаяся на традиционно сильных настроениях радикализма, в этих странах оказывается значительно более эффективной, нежели американские публично-дипломатические мероприятия. А мягкая риторика Обамы воспринимается на «арабской улице» как проявление

⁶ Remarks by President Obama on a New Beginning / Cairo University. Egypt // The White House/ June 4, 2009. — www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-Cairo-University-6-04-09

слабости и готовности к дальнейшим уступкам. В противовес усилиям американской администрации выправить имидж США в регионе радикальные исламисты не допускают «пауз» и действуют напористо, противопоставляя как традиционные модели антиамериканской пропаганды, так и более современные, при этом в свойственном им негативном ключе интерпретирующие действия администрации Обамы. Так, к примеру, один из главарей «Аль-Каиды» и организаторов терактов 11 сентября 2001 года в США Айман аз-Завахири в своих регулярных видеообращениях то и дело навязывает мысль, что «Обама ничего не сделал для улучшения имиджа США в глазах мусульман и угнетенных». «Америка продолжает убивать мусульман в Палестине, Ираке и Афганистане, — заявил, в частности, Завахири в одном из своих очередных выступлений. — Америка ворует богатства мусульман, занимает их земли, насаждает коррупционные режимы, возглавляемые предателями»⁷.

Представители радикальной группировки ХАМАС менее активны, однако также то и дело «забрасывают» в прессу информацию, бросающую тень на образ США — в частности, о том, что представители администрации Обамы, действуя вразрез с заявляемой позицией, то и дело контактируют с ними, «не афишируя это».

В это же самое время испытывает разочарование и умеренная часть населения арабских стран, ожидающая от американской администрации решительных жестов и шагов — как по отношению к Ирану, так и к радикальным группировкам.

Падение рейтинга Обамы в Израиле

В сравнении с относительно устойчивыми антиамериканскими настроениями мусульманской части Ближнего Востока среднестатистическое мнение израильтян в отношении США моментально среагировало на перемены в Белом доме с приходом туда Барака Обамы — заметно усилились пессимизм и раздражение. Заявленная Обамой стратегия «развития дипломатии с исламским миром», настойчивый протест США против расширения израильских поселений на оккупированных территориях вызвали протест и беспокойство среди израильтян. На фоне новых явлений в отношениях между США и Израилем примечательным моментом стало и взаимное недовольство по поводу принятия итоговой декларации проходившей в Нью-Йорке в конце мая текущего года Конференции по обзору выполнения Договора о нераспространении ядерного оружия: форум принял документ, который поддержали все пять ядерных держав, включая США, с требованием, чтобы Израиль присоединился к ДНЯО и допустил инспекторов на свои ядерные объекты. Израильский истеблишмент расценил эту декларацию как документ «глубоко ущербный и лицемерный». «Она игнорирует объективные реалии Ближнего Востока и те угрозы, с которыми сталкивается регион и весь мир, — говорилось по этому поводу в заявлении израильского правительства. — Она указывает на Израиль, единственную подлинно демократическую страну Ближнего Востока, и единственную страну, которой грозит уничтожение». Президент Барак Обама, поддержав план созда-

⁷ Obama «did not change anything», Al-Qaeda says // AFP, 20 April 2009. — www.youtube.com/watch?v=pKPK4d4BLUc

ния безъядерной зоны в регионе, при этом заявил, что «решительно против» того, чтобы к Израилю в этой связи предъявлялись отдельные требования. Однако эта и другие подобные попытки Обамы снизить общественное напряжение среди израильтян, где воцарилось недоверие к надежности «дружбы» с американской администрацией, нельзя назвать успешными.

Инцидент у берегов Газы в последние дни мая текущего года с так называемой «Флотилией свободы», направлявшейся в Сектор Газа, также стал «головной болью» для администрации США — в силу возможных долгосрочных последствий события для отношений США с Израилем. Тем более, что поначалу сдержанную реакцию администрации Барака Обамы на случившееся в израильской прессе сразу же назвали «показателем охлаждения в отношениях союзников». Первым высокопоставленным чиновником из американской администрации, высказавшимся по этому поводу, стала госсекретарь Хиллари Клинтон. «США поддерживают Совет Безопасности ООН, осудивший действия, которые привели к трагедии», — заявила она, призвав при этом Израиль провести «тщательное и прозрачное» расследование случившегося. Заявление Клинтон не несло в себе прямой критики Израиля, однако и не содержало традиционных слов поддержки еврейского государства.

Между тем сам президент Обама старается отрицать сколь-либо существенные проблемы в отношениях между США и Израилем, несмотря на напряженность в связи с решением израильского руководства продолжить строительство поселений в Восточном Иерусалиме. «Между друзьями порой случаются разногласия», — пояснил Обама негативную реакцию США на программу строительства новых израильских поселений, выступая на телеканале Fox News. Однако это, заметил Обама, «не способствует достижению мирного соглашения между Израилем и палестинцами». Аккумулятивное ряда негативных, с точки зрения израильтян, факторов привело к небывало резкому падению рейтинга президента США в Израиле. Среди этих факторов следующие: расширение «дипломатии» Обамы в отношении исламских стран, а по мнению израильтян, большая «развернутость» к ним (многих в Израиле, например, возмутил тот факт, что американский президент посетил Эр-Рияд и Каир в рамках своего ближневосточного «турне» и не посетил Иерусалим), жесткость подхода Вашингтона к вопросу строительства израильских поселений в Восточном Иерусалиме вплоть до *осуждения*⁸ действий правительства Нетаньяху, заметно «натянутые» (весной-летом 2010 года) отношения между американским президентом и израильским премьером. В итоге опросы зафиксировали падение рейтинга Барака Обамы в Израиле ниже 10%. Показательна в этой связи реакция израильтян на выступление Обамы в Каире: 26% только среди русскоязычной аудитории расценили как «плохое», «заискивающее перед миром ислама», а 54% респондентов решили, что Израиль должен сам заботиться о своей безопасности, потому что на США надежды нет⁹,

⁸ Вице-президент США Джозеф Байден во время встречи с Нетаньяху 9 марта 2010 года заявил, что США считают нужным осудить израильское заявление о продолжении строительства поселений на востоке Иерусалима. Это резкое заявление высокопоставленного американского политика усилило разочарование среди израильтян, поскольку не отвечало их надеждам на то, что цель его приезда состояла в том, чтобы подтвердить поддержку США еврейскому государству.

⁹ Опрос «Какое впечатление произвела на вас речь Барака Обамы в Каире?», 2009-06-07 // Israland. — www.isra.com/poll

и 52% — что Обама «готов «сдать» Израиль в обмен на благосклонность мусульманского мира к США»¹⁰. Подчеркнем, что настрой среди израильтян вполне соответствует высказыванию, приписываемому одной из популярных израильских газет одному из помощников Нетаньяху, который якобы заявил, что «самая большая катастрофа для Израиля — это президент Барак Обама». Показательно в этой связи ярко выраженное негативное отношение к Обаме, проявляемое в сатирических программах израильского телевидения. Так, одним из наиболее цитируемых стал выпуск сатирической *передачи* «Латма ТВ» с участием персонажа, выступающего в роли американского президента, советующего Израилю решить конфликт с палестинцами своеобразным образом — «перевести государство Израиль под воду, где нет ни ХАМАСа, ни ФАТХа, а только тишь да благодать»¹¹. Т.е. рекомендует Израилю исчезнуть, раствориться. Подобные программы, разумеется, в свою очередь также подстегивают негативное отношение израильтян к Обаме.

С другой стороны, администрации Обамы пришлось в 2010 году проводить свою линию в отношении Израиля в достаточно сложной обстановке с учетом общественных настроений и внутри США. По данным агентства Gallup, уровень симпатий американцев к израильтянам существенно возрос, в частности, с начала 2010 года, и держался таковым на протяжении всего года — 63–67%. Столь высокие показатели поддержки Израиля среди американцев наблюдались, подчеркивают эксперты Gallup, разве что в начале 1991 года, когда еврейское государство было подвергнуто ракетному обстрелу Саддамом Хусейном в ходе «Бури в пустыне». Особенно заметно усилились симпатии к Израилю среди сторонников Республиканской партии и «независимо голосящих» — с 77 до 85%. При этом естественным образом фиксируется снижение симпатий американцев к палестинцам — сегодня положительно относятся к палестинцам в целом порядка 15% опрошенных американцев¹².

(Окончание следует)

¹⁰ Опрос «Результаты визита премьер-министра Беньямина Нетаньяху на минувшей неделе в США свидетельствуют, что...», 2009-05-24 // israel.com/poll

¹¹ Latma TV, 08/10/2010. — www.youtube.com/user/LatmaTV

¹² Poll: Support for Israel in U.S. at 63%, Near Record High // Gallup, February 24, 2010. — www.gallup.com/poll/126155/support-israel-near-record-high.aspx

Николай ЗАХАРОВ

МОДЕРНИЗАЦИЯ И НОВОЕ КАЧЕСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

(политико-экономический аспект)

Фундаментальные основы современного социально-экономического реформирования России исследуются в значительно меньшей степени, нежели проблемы текущей практики. Но без такого рода исследований трудно и, более того, вряд ли возможно формировать целостную концепцию стратегического развития, реформирования и модернизации общества, траекторию и средства ее эффективной реализации.

Этап модернизации требует дополнительного теоретико-методологического осмысления новых тенденций и особенностей общественного развития в России. В данной статье выделяются два взаимосвязанных аспекта: теоретико-методологический и прикладной. В первом речь идет о смене парадигмы современного общественного развития, его источников и факторов. Во втором — о модели будущего развития России, механизмах и проблемах ее реализации. При этом модернизация понимается не как узкоспециализированное, отраслевое, а как *системное явление*, то есть обновление всех составляющих общественного развития: экономической, политической, социальной, экологической и др.

Управлять общественным развитием (и модернизацией как этапом этого развития) — значит осуществлять сознательный перевод социально-экономической и общественной в целом системы в новое, более высокое качественное состояние. Это предполагает знание того, что мы хотим получить в результате такого перевода, в результате модернизации. Какую Россию мы хотим получить при переводе ее из состояния образца 2010 года в состояние 2020, 2030 и далее годов? Знаем ли мы это? Имеем ли видение будущего российского общества, его социально-экономического строя?

Вразумительного ответа на эти фундаментальные вопросы пока нет ни у науки, ни, тем более, у практики. А без ясной генеральной стратегической цели можно оказаться в положении, иронично охарактеризованном М.Твенном: «Человек, который не знает куда идти, очень часто удивляется, попав не туда».

Конечно, выработка такого видения и соответствующих целей — задача архисложная. Ее решение требует глубоких междисциплинарных исследова-

ний, в комплексе которых одно из базовых мест занимает политэкономия. На чем же, в контексте обсуждаемой проблемы, концентрируется внимание современной политэкономии. Прежде всего, на *фундаментальном изломе* догматов классической политэкономии об источниках и движущих силах общественного развития.

В качестве таковых долгие годы считалась триада: производительные силы — производственные отношения — отношения надстройки. За последние десятилетия ситуация в мировом общественном производстве кардинально изменилась, поэтому существенно трансформировались как каждая из составляющих этой триады, так и вся ее целостность. Суть этих изменений достаточно известна, поэтому детально останавливаться на них особого смысла нет. Важнее отметить другое.

В развитых (и не только) странах актуализируется понимание того, что базовым основанием общественного развития становится Человек в его взаимодействии с Природой. Именно человек, его Сознание, Воля и Действия, преобразуя исходное вещество природы, создают материальные производительные силы, формируют адекватные социальные (в том числе производственные) отношения, создают государственные и негосударственные институты, нормы права и морали. Иначе говоря, *в современной структуре базисных факторов общественного развития Человек первичен, а производительные силы, производственные отношения и отношения надстройки — суть следственны, вторичны, порождены человеком.*

Это означает, что в балансе объективных и субъективных факторов общественного развития и управления субъективные факторы начинают занимать ведущую и все возрастающую роль. Отсюда и метаморфоза формулы классической политэкономии «политика есть концентрированное выражение экономики» в формулу «политика *определяет* развитие экономики», что подтверждается практикой и мирового, и российского развития и имеет важное, фактически ключевое, значение для управления модернизацией. Следует также отметить, что человек, гармонично взаимодействующий с природой, становится не только основным субъектом, но и остается главным *объектом, целью и условием* общественного развития и модернизации.

Все вышесказанное обуславливает *необходимость решения нетривиальной научной и практической задачи — обеспечить в массовом и, прежде всего, в профессиональном сознании фундаментальный поворот к реальному пониманию новой роли Человека в процессах общественного развития.* Ибо современный человек — это не фрагмент, не утилитарная деталь громадного общественного механизма. Он, как главная движущая сила этого механизма, выступает одновременно как личность и как создатель производительных сил и социальных отношений.

Что означают эти теоретические предпосылки для практики государственного управления модернизацией России? Прежде всего, необходимо *понять и воспринять* саму идею приоритетности развития человека на всех уровнях управления и, главным образом, на уровне управляющих элит (даже при том, что качество последних отнюдь не адекватно уровню современных потребностей развития и управления). На основании такого понимания и восприятия усилится мотивация к реальному пересмотру параметров структуры обще-

ственного воспроизводства в сторону Человека. То есть повысится вероятность увеличения вложений в образование, науку, здравоохранение, общую и физическую культуру, социальную инфраструктуру, доходы населения. Ресурсная база и возможности для увеличения таких вложений у России есть. В их основе — более полное использование и рациональное перераспределение национального богатства и, прежде всего, человеческого и природного капиталов.

Далее. Изменение парадигмы общественного развития, с выдвиганием в качестве генеральной стратегической цели — Человека, требует внятной модели российского развития и механизмов ее реализации с соответствующим мониторингом. В качестве одного из вариантов предлагается *модель устойчивого социально ориентированного развития (УСОП)*. Ее подробное доказательное обоснование изложено в монографии [4]. Основной смысл модели УСОП заключен в последовательной и нарастающей концентрации имеющихся ресурсов на развитии человека как высшей стратегической цели развития России. При этом показано, за счет чего и как использовать необходимые ресурсы. Это рациональное рентообложение добычи природных ископаемых; введение ступенчатой и прогрессивной шкалы налогообложения с освобождением от налогов низкодоходных категорий населения и перенесением центра тяжести налогов на движимое и недвижимое имущество, включая землю; рационализация государственных расходов; увеличение экспорта наукоемкой продукции и др.

Модель УСОП позволяет, во-первых, четко отслеживать состояние и динамику уровня жизни в стране и в регионах, во-вторых, оценивать эффективность деятельности органов управления по реализации данной модели на всех уровнях. Для этого в состав модели включается соответствующая система критериев и показателей. В качестве базового критерия оценки успеха (или неуспеха) реализации модели выбран сводный индекс (СИ УСОП). Он формируется как некий аналог известного ООНовского критерия — Индекса Развития Человеческого Потенциала (ИРЧП) — и измеряется также в интервале от 0 до 1, но с учетом российской специфики. СИ УСОП так же, как ИРЧП, базируется на трех статистически измеряемых параметрах: продолжительность жизни, уровень грамотности и уровень доходов населения.

Оценка эффективности движения по пути к повышению уровня жизни человека по каждой составляющей — экономической, политической, социальной, экологической — ранжируется с помощью ряда показателей, количество которых может достигать нескольких десятков в зависимости от сложности и специфики социально-экономической системы (страна, регион, муниципальное образование, корпоративная структура). В итоге все показатели сводятся по рейтингу их весовых долей и выводится СИ УСОП. При его значении ниже 0,5 — эффективность управления низкая, 0,5–0,8 — средняя, более 0,8 — высокая.

Если подобную модель принять на публичном, а еще лучше — на законодательном уровне, то ее регулярный мониторинг позволит массовому потребителю государственных и муниципальных услуг судить, во-первых, о динамике социально-экономического развития и качества жизни, во-вторых, о качестве и ответственности действий власти, конкретных органов и лиц управления.

Однако путь к эффективной модернизации, в том числе по возможному варианту УСОР, тернист и содержит целый ряд серьезных угроз. Помимо названной выше проблемы, связанной с необходимостью реального признания элитой идеи приоритетности роли человека в общественном развитии, можно выделить, по меньшей мере, еще три ключевые политико-экономические угрозы, не преодолев которые, нельзя рассчитывать на успех.

Одна из них состоит в сохранении слабоменяющейся тенденции концентрированного курса на сырьевую экономику. В ее основе лежит психологический феномен, отражающий уровень мышления и поведения субъекта, обладающего значительным количеством конкурентоспособных (в данном случае природных) ресурсов и действующего по простому, но не самому дальновидному, принципу «зачем вкладываться в многофункциональные, рискованные инновации, когда есть курица, несущая золотые яйца». Подобный принцип чаще всего приводит к выбору в пользу традиционных предпочтений, препятствующих поиску альтернативных диверсифицированных стратегических решений во имя будущего развития.

Очевидно, что не стоит «резать курицу, которая несет золотые яйца». Но также очевидно, что стратегия моносырьевой направленности экономического роста — это тупиковый путь, о чем уже неоднократно и доказательно говорилось не только на научном [2, 3, 5, 7], но и на высшем политическом уровне. Ибо и «курица» стареет, и природные запасы неуклонно истощаются, и конъюнктура мирового рынка меняется. А сырьевая экономика от последней сильно зависит: ориентируясь на экспорт, она «привязана» к мировому спросу, а следовательно, к средним темпам мировой экономики. России же требуются значительно более высокие темпы роста, которые в условиях моносырьевой экономики просто невозможны. Получается, что, обладая мощными конкурентоспособными природными ресурсами в текущем периоде развития даже при благоприятной конъюнктуре мировых цен на нефть, Россия имеет скудную казну, не обеспечивающую не только достаточные темпы экономического роста, но и необходимые социальные потребности общества.

Серьезным предупреждением об опасности сохранения такой тенденции могут служить авторитетные экспертные оценки, свидетельствующие о том, что нефти, при существующих темпах ее добычи и с учетом запасов в разведанных месторождениях, нам хватит на 22 года (правда, без учета мощных запасов на Арктическом шельфе и в Восточной Сибири). При этом многие владельцы нефтяных компаний как экономии на разведке и освоении новых месторождений, так и продолжают сохранять эту тенденцию. Хотя статистика и утверждает, что в последние годы разведывается большее количество сырья, чем добывается, это, скорее всего, элемент лукавности, ибо компании оценивают номинальные запасы не за счет открытия новых, а за счет переоценки старых активов (чем больше запасов в месторождении, тем дороже стоимость разрабатывающей компании). Об этом свидетельствует тот факт, что по сравнению с 1990 годом бурение новых скважин для разведки сократилось в 3,5 раза — с 5285 тыс. м до 1500 м. Если не побудить крупные нефтяные компании инвестировать не только в добычу, но также в разведку и освоение новых месторождений, то остатки «черного золота» быстро иссякнут, оставив наших детей и внуков без относительно стабильного будущего. И это при том,

что Россия не входит даже в пятерку мировых лидеров по запасам нефти (см. «АиФ», № 44, 2010).

Уровень мировых запасов нефти по странам (по данным ВР)

Лидеры по запасам нефти	% мировых запасов	На сколько лет хватит
Саудовская Аравия	21,0	67
Иран	10,9	87
Ирак	9,1	130
Кувейт	8,1	100
Венесуэла	7,9	106
ОАЭ	7,8	90
Россия	6,3	22

Другой реальной, можно утверждать, критической антимодернизационной тенденцией является *тотальное развитие коррупции*. Об этой тенденции много и обоснованно говорится, но реального полноценного эффекта от борьбы с ней пока нет. Представляется важным выделить некоторые, менее обсуждаемые стороны российской коррупции и ее стратегические угрозы.

Опасность коррупции носит не только весьма значимый экономический характер, выраженный, прежде всего, во все возрастающих потерях «государственных закров» (бюджетов всех уровней), предназначенных для стабильного поддержания и повышения уровня социально-экономического развития страны. Стратегически значительно более опасным звеном коррупции является ее отрицательный кумулятивный (накапливающийся) эффект. Он заключается в том, что коррупция «оплодотворяет» низменные человеческие пороки, приводя тем самым живой общественный организм в состояние тяжелой и разрушительной болезни, поражающей не только его центральную, но и всю периферийную систему. Люди, повсеместно сталкиваясь с проявлениями циничной коррупции во властных и околовластных структурах, невольно начинают действовать по принципу «почему им можно, а мне нельзя». Так болезнь приобретает тотальный характер, разрушающий не только экономику, но и общественные устои в целом и, прежде всего, человеческие ресурсы, в том числе их элитную часть.

Это может иметь значительно более серьезные стратегические последствия для страны по сравнению даже с такими крупными и признанными ошибками государственного управления, как ориентация на самодовлеющую роль рынка и на моносырьевую экономику. Кроме этого, не менее, а может быть, и более опасная сторона коррупционной болезни, если ее не лечить целенаправленно и кардинально, состоит в «дурной наследственности», то есть передаче от поколения к поколению в нарастающих масштабах со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Следовательно, пока не придет осознание всей глубины опасности и необходимости практического устранения коррупции как системного социального явления, никакой полноценной, эффективной модернизации и успешного стратегического развития России в целом не будет. Вместе с тем о том, что эту проблему можно решать радикально, свидетельствует мировой опыт как европейских (Италия, Скандинавские страны и др.), так и азиатских государств (Сингапур, Вьетнам, Китай и др.). Все зависит от степени

осознания остроты, масштабов проблемы и решимости ее преодолеть, начиная с верхних эшелонов управленческой вертикали.

Коррупционная тенденция трансформируется в еще одну опасность, связанную с разрушением власти и серьезно угрожающую процессам модернизации. В нынешней России формируется специфическая смешанная модель: симбиоз государственно-монополистического и частно-монополистического капитализма. Базовые признаки государственно-монополистического капитализма в России вполне убедительно были раскрыты еще в начале XX века. Они включали:

1) концентрацию производства и капитала, дошедшую до такой высокой ступени развития, которая создает монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни;

2) слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии;

3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение;

4) образование международных монополистических союзов капиталистов, делящих мир;

5) завершение территориального раздела земли крупнейшими капиталистическими державами.

С тех пор прошло около 90 лет, но эти положения актуальны и сегодня. Хотя государственно-монополистический капитализм, развиваясь, приобрел другие формы, появились новые процессы и тенденции, которые в начале XX века были либо в зачаточном состоянии, либо отсутствовали вообще.

Какие качественно новые черты характеризуют развивающийся государственно-монополистический капитализм в России? Сохраняя описанные выше базовые признаки, он наполняется новым содержанием. Наиболее ярко это проявляется в развитии специфической тенденции сращивания банковского и торгово-промышленного капитала с властью, что существенно влияет на уровень государственного управления реформированием и модернизацией страны.

Формально принято считать, что власть и бизнес разграничены и должны взаимодействовать, выполняя свои специфические функции. Однако в последние годы в России все рельефнее проявляет себя не просто взаимодействие власти и бизнеса, а их конвергенция, то есть глубокое взаимопроникновение на всех уровнях государственного управления, причем не всегда самое конструктивное. Отечественная практика свидетельствует о весомой доле активной деятельности власти не во имя государства и общества, а ради собственных личных и групповых интересов, что приводит к существенным, порой критическим, потерям в управлении реформированием и модернизацией страны.

Об этом говорит множество фактов, как прямых, так и косвенных. Например, по официальным данным, значительная часть членов Федерального Собрания являются миллионерами, что само по себе не характеризует их как плохих людей и работников, но явно не вписывается в рамки государственного жалования. Опубликованные данные о доходах высших государственных чиновников федерального правительства и регионов РФ, а также членов их

семей — очевидное свидетельство бизнес-деятельности и бизнес-доходов. Аналогичная картина по всей вертикали власти — от федерального до муниципального уровня.

Даже эти малые фрагменты, которые можно множить и раскрывать, дают основание утверждать, что в современной России, наряду с корректными формами взаимодействия власти и бизнеса, существует и развивается теневой бизнес власти как социально-экономическое явление и реальный политико-экономический инструмент влияния, основанный на сращивании власти и крупного капитала и не способствующий процессам модернизации.

Таким образом, объективная необходимость модернизации современной России требует более глубокого научно-теоретического осмысления, что позволит минимизировать издержки при достижении социально и экономически значимых результатов. Фундаментальной основой такого осмысления и практических действий по модернизации экономики и страны в целом может стать модель устойчивого социально ориентированного развития, ключевым звеном которой является человек, мыслящий, творящий и действующий в согласии с природой. Поэтому вложения в сохранение природы и в развитие человека приоритетны, что должно быть отражено и реализовано в пропорциях общественного воспроизводства. При этом ссылки на недостаточность необходимых ресурсов далеко не всегда оправданы, ибо такие ресурсы у России есть, надо только ими целенаправленно и эффективно распорядиться.

Литература

1. Вечканов Г.С. Экономическая теория. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2010.
2. Губанов С. Политика нового этапа: цель и средства // Экономист. № 11, 2006.
3. Гундаров И.А. Социогуманизм как альтернатива капитализму и коммунизму (Российский Проект) / Ассоциация независимых ученых «Россия XX–XXI». — М.: Поколение, 2009.
4. Захаров Н.И. Мотивационное управление в социально-экономических системах. — М.: РАГС, 2000.
5. Захаров Н.И. Парадоксы некоторых российских реформ // В сб.: Вестник аналитики № 1(19). Институт стратегических оценок и анализа. — М., 2005. С.129–136.
6. Моисеев Н.Н., Львов Д.С., Петров А.А., Питерский В.М. Укрепление российской государственности: экономика, ресурсы, геополитика. — М.: ЗАО «Геоинформмарк», 2000.
7. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. — М., 2003.

О КОНКУРЕНТНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Заочный «круглый стол» (окончание)

Ведущий — доктор исторических наук, профессор, ректор Восточной экономико-юридической академии, член Аккредитационной коллегии Рособнадзора, эксперт комитета по образованию и науке Государственной Думы РФ Евгений Миннибаев.

Завершение обсуждения предложенных редакцией вопросов:

1. Как вы оцениваете нынешнее состояние российского высшего образования?

2. Каковы, на ваш взгляд, достоинства и недостатки проводимых в настоящее время структурных преобразований в высшей школе и экспертные оценки их влияния на конкурентную сферу, перспективное положение образования и развития общества?

3. Какие законодательные, административные, общественные и другие меры необходимо принять, чтобы за счет развития конкуренции реально и значимо повысить приоритет и качество высшего образования, социальную и экономическую эффективность работы вузов? Какие условия и тенденции станут определяющими динамики сферы образования — государственное регулирование или конкурентное развитие высших учебных заведений?

4. Что может наиболее эффективно повлиять на перспективы и положение в мире нашей высшей школы? Что означает для России высокая конкурентоспособность отечественных вузов?

5. Консерватизм или инновации, традиционные или новые образовательные технологии, утвердившиеся формы или принципиально новые виды образовательных организаций должны в перспективе определять облик системы образования, которая будет способна формировать общество и экономику, основанную на знаниях?

6. По вашему мнению, нынешнее состояние российской экономики и развитие общества, с одной стороны, и нарастающие потребности грядущего информационного общества, с другой, требуют от высшей школы опоры на теоретическую подготовку или на практические навыки специалиста, фундаментальные или прикладные знания, широкий профиль или узкую специализацию вузовских выпускников?

7. Как вы думаете, чтобы быть конкурентоспособным, российское высшее образование должно стать элитным или доступным широким слоям

населения, что мешает организации эффективной системы «образование через всю жизнь»? Что самое ценное нужно сохранить в нашем образовании, а что привлечь из мирового опыта для создания действительно конкурентоспособной системы образования, адекватной новым вызовам и задачам, стоящим перед нашей страной?

На вопросы редакции отвечает:

Владимир Зернов, доктор технических наук, профессор, ректор Российского нового университета, председатель совета Ассоциации негосударственных вузов России.

1. Наше образование в последние два десятилетия пытается модернизироваться, реформироваться и преобразоваться. Пока не получается. Более того, понятие «инновация» стало нарицательным, отражающим не реальные изменения, а попытки все изменить, ничего не меняя. Это в полной мере относится и к нашему образованию, по существу, оставшемуся заповедником социализма. Причем мы взяли, к сожалению, далеко не лучшие его черты. Сохранились контрольные цифры приема безотносительно к оценке качества; осталось распределение ресурсов, но не по достигнутым качественным результатам, а по принадлежности к государственным структурам. Если вуз государственный, то он получает и контрольные цифры приема, и поддержку научных исследований. Все это мало соответствует рыночным отношениям. Совершенно очевидно сейчас, что отношения с начальством в нашей системе образования существенно ценнее, чем реальная конкуренция, реальная конкурентоспособность.

К примеру, недавно проводилась оценка состояния дел в юридической сфере, и мы с удивлением узнали, что вуз, имеющий задачу готовить инженеров-землеустроителей, бюджетных мест имеет почти столько же, сколько и МГУ. Это нонсенс, если не сказать, что это — стратегическая ошибка.

Конечно, нынешнее состояние образовательной среды противоречиво, но в стране пока имеется достаточно высокий задел в интеллектуальной сфере, который позволяет с оптимизмом смотреть в будущее. Пример — недавнее вручение Нобелевских премий, когда представители отечественной школы получили и выдающиеся результаты. Неплохое состояние дел в нанотехнологии — именно в России производятся самые чистые в стране и мире нанотрубки. Успех в космической отрасли и многое другое.

Чего не хватает? На мой взгляд, очень сильно не хватает коллективов педагогов и ученых, мотивированности и конкурентоспособности в сфере образования и науки.

Другой вопрос: достоинства и недостатки проводимых структурных преобразований, влияние на конкурентную сферу. Поддерживается не столько вуз по его достижениям, сколько по его учредительству и по его параметрам. Фактически, мы победителя не выбираем, а назначаем. Это всегда приводит к одному и тому же, а именно — к застою в любой сфере, в том числе и в высшей школе.

К сожалению, мы перестали быть конкурентоспособными, даже на территории своей страны, в сфере высшего образования. Как доказательство: коли-

чество людей выезжающих за границу равно количеству приезжающих. Если по количеству людей, которых мы принимаем из-за рубежа, Россия на 8-м месте в мире, то по финансовым результатам мы не вложимся и в первую десятку. Что необходимо сделать? То, что делается во всем мире. Известно, что после запуска первого нашего спутника и после полета Юрия Гагарина многие страны переняли нашу систему образования. Она замечательно себя показала в индустриальном обществе с тоталитарной системой. Сейчас у нас постиндустриальное общество, а система образования, к сожалению, осталась на старых принципах. Это то же самое, что мы передвигаемся на гусеничном тракторе, а рядом построили автобан, но мы не хотим этим воспользоваться.

2. Достоинство одно — попытка создать конкурентную среду. Недостатком является то, что мы не выбираем, а назначаем лидеров. Мы понимаем, что с такими мерками ни в коем случае нельзя подходить, нельзя жить постоянными брендами. Ярчайший пример — Польша. Поляки недавно на конференции утверждали, что их конница к началу Второй мировой войны была лучшая в мире. Спорить с этим бесполезно и бессмысленно, и это действительно так. Но что она могла сделать против танковых корпусов Вермахта? Ничего. Хорошо, что у нас в стране нашлись люди, которые действительно поняли суть дела и стали развивать и самолетостроение, и танкостроение, и что мы войну встретили во всеоружии. А если бы этого не было? Была бы наша страна вообще? Мы, скорее всего, победили бы. Но какой ценой? Так и сейчас мы по-прежнему придерживаемся концепции польской конницы и готовимся к будущим битвам с мерками давно прошедшими. А надо подготовиться к будущему. В постиндустриальном обществе задачи совсем другие.

3. Вообще образование должно быть катализатором инновационного развития. А у нас оно сейчас зачастую является не столько катализатором, сколько стагнатором. И причина простая: многие вузы превратились фактически в фабрики по выдаче дипломов. Мы можем по пальцам перечислить те вузы, которые делают науку, находящуюся на мировом уровне. Да, у нас наука есть. Но мы ее почему-то измеряем в диссертациях, методичках, освоенных рублях. Ярчайший пример: на первом Конгрессе наших соотечественников в Берлине, когда наши здесь и наши там уже друг друга с трудом понимают... Почему это произошло? Потому что реально отсутствует конкурентная среда. А отсутствие конкурентной среды приводит к застою. Были ли перспективы у российской системы образования? Перспективы были огромные. Абсолютно все мировые эксперты высшего уровня были уверены, что именно Россия станет мировым лидером по темпам роста экспорта образования. Потому что все есть: преподаватели высшего уровня, хорошая материальная база, условия в стране тогда были замечательными, и еще не было разгула преступности. Но наше место заняли другие, прежде всего, Австралия, Испания, Канада. Почему Австралия стала мировым экспортом образования? У нее все привозное — студенты, преподаватели, даже здания строили не сами австралийцы. А как это получилось? Очень просто: они создали конкурентную среду, фактически перенеся наш опыт. Как пример, подтверждающий роль конкурентной среды, можно привести СССР, когда долгие послевоенные десятилетия 6–7 конструкторских бюро. И когда в начале 1960-х годов Хрущев прилетел в Нью-Йорк на Ту-114, у американцев даже не нашлось трапа, который позволил бы пассажирам сойти на

землю. Они еще даже не проектировали те самолеты, которые у нас уже были поставлены на поток. Это и есть роль конкурентной среды.

Тенденции станут определяющими в динамике сферы образования. Это вещи не взаимоисключающие, а взаимодополняющие. Государство должно задавать правила игры, но не быть игроком. К сожалению, государство у нас и тот, кто задает правила игры, и тот, кто играет. Поэтому неудивительно, что в негосударственных вузах в нынешних условиях люди, набравшие хорошие баллы по ЕГЭ, приходят до середины июля, а потом в августе-сентябре уходят в государственные вузы. Ведь каждому хочется учиться бесплатно. Это говорит только о том, что если мы не решим эту проблему равнодоступности различных секторов образования, то, конечно, конкурентную среду не создадим.

4. Высокая конкурентоспособность будет только тогда, когда мы станем мировым лидером по экспорту образования. Причем для этого есть абсолютно все условия. Наша естественнонаучная высшая школа по-прежнему является одной из лучших в мире. Недавно проходил Ярославский форум, и мне довелось дискутировать в одной секции с лидерами многих стран мира, среди которых были Китай, Индия, Япония, Бразилия, Сингапур, Малайзия и многие страны Европы, и после дискуссии ко мне подошел бывший вице-премьер Бразилии. Он попросил объяснить, почему Россия так медленно развивается, когда у нее такой огромный потенциал. Этот человек действительно переживает за нашу страну. Конечно, мы можем использовать наши возможности, но для этого нужна воля. Что может эффективно повлиять на перспективы нашей высшей школы в мире? Это опять-таки повышение ее авторитета через выпускников. Два наших выпускника получили Нобелевские премии, и теперь все поймут, какой вуз на самом деле является успешным. Критерии оценки вузов должны быть такими, как принято в мире.

5. Высокая конкурентоспособность отечественных вузов, когда образование, действительно, станет катализатором инновационного развития страны. Вклад инноваций в развитие экономики будет не такой, как сейчас — 3–5% в зависимости от экспертов, а как минимум на порядок выше — 70–80%, как у мировых лидеров.

Сегодняшняя ситуация уже не разрешает нам спускаться ниже, потому что основные наши конкуренты — Бразилия, Индия, Китай, у них темпы развития выше, чем у нас. А мы не имеем другого ресурса, кроме как инновации. Инноваций же без активно, реально работающей высшей школы не бывает.

Образование — это отрасль, где не могут быть только инновации, здесь должен присутствовать и консерватизм тоже. Воспитать профессора на других формах практически нереально, представить, чтобы Физтех, МИФИ, МГТУ им. Баумана работали на основе дистанционных технологий, тоже невозможно. Необходимо разумное сочетание традиционных и новых форм обучения.

Мы часто дискутируем, были ли бакалавры. У нас всегда были бакалавры, это — общее образование, которое сопровождалось государственными экзаменами по дисциплинам: физика, математика, химия, биология. После этого было другое, то, что мы называем магистратурой, ускоренной магистратурой, ускоренной подготовкой кадров. Сейчас мы это называем опережающей под-

готовкой кадров. Но проводить эту подготовку можно только в том случае, если есть очень хорошая, сильная базовая подготовка.

Почему выпускники естественнонаучных направлений советского времени оказались столь продвинутыми, почему среди них много банкиров, успешных предпринимателей? Потому что людей научили системно мыслить. Нужно дать базовое образование, и потом уже можно в течение года-двух получить прекрасного специалиста практически в любой области. И вот это и должно определять общество и экономику, основанную на знаниях.

И, конечно же, более полное использование преимуществ постиндустриального общества. Сейчас ведь неважно, где произведено знание, оно может быть произведено, где угодно, и этим надо активно пользоваться.

6. На мой взгляд, именно потребности информационного общества, не грядущего, а уже идущего, диктуют как необходимость серьезной теоретической подготовки, так и реальных практических навыков. Знания, конечно же, нужны фундаментальные. Качественных прикладных знаний не может быть, если нет фундаментальных. Это очевидно.

Современный физик не может быть высокого класса, если не знает философию. Надо развивать и то, и другое, и самое главное, чтобы при этом была мотивация, как у ученых заниматься наукой, так и у студентов — учиться.

Наука и образование — это как сообщающиеся сосуды. Когда мы убираем науку из вуза или принижаем ее роль, тогда автоматически снижается та часть сообщающегося сосуда, которая отвечает за качество образования. И планку надо ставить не ниже мировой.

Как показал еще раз конгресс наших соотечественников, мы должны руководствоваться не столько уровнем ВВП, как западный мир, сколько целями, которых хотим достичь. Какой должна быть высшая школа? Такой же, какой она была несколько десятилетий назад, — мировым лидером. Мир изменился, и мы должны быть мировым лидером в современных условиях. Мы это можем сделать, но условие должно быть одно — это поддержка лучших и конкурентоспособных, а не поддержка брендов.

7. Образование должно быть и элитным, и доступным. Его нельзя делить, и то, что мы сейчас пытаемся это сделать, разделяя вузы на элитные и прочие, — это не самое хорошее из того, что мы сделали за последнее время. Надо смотреть по результатам. Если мы хотим быть конкурентоспособными, первое образование должно быть очень качественным и фундаментальным. Именно тогда мы сможем достичь успеха. Самое ценное, что нужно сохранить из нашего образования, — это фундаментальность, а из мирового опыта — создание конкурентной среды и поддержку наиболее работоспособных вузов. Тогда мы займем те позиции мирового лидера, которые должны занимать.

Заключительное слово ведущего заочный «круглый стол»

Подводя итоги «круглого стола», следует, прежде всего, отметить актуальность поднятой журналом проблемы и ее практическую значимость для определения направлений развития, факторов эффективности и качества, места и роли российской системы образования в глобальном мире.

Конкурентоспособность и эффективность — это, пожалуй, одни из самых употребляемых слов в тиражируемых с высоких трибун декларациях о намерениях, заманчивых перспективах и предполагаемых результатах.

Однако, как отмечает экспертное сообщество, в реальной практике ни единые стимулы, ни необходимые условия для повышения конкурентоспособности всей системы российского образования до сих пор не созданы и не предусматривается их разработка в законодательных и административных актах. Более того, и в общественном сознании, и в государственных структурах до сих пор нет должного понимания как необходимости и значимости, так и принципов, форм и механизмов создания и функционирования конкурентной среды в образовании.

В то же время трудно представить, как можно повысить эффективность рыночных механизмов развития нашей страны, не внедряя и не развивая в образовании такие принципы, как стремление к лучшим результатам, к более высокой эффективности, к наиболее качественному выполнению социальной миссии высшей школы. Ведь именно образование призвано быть самым мощным и действенным катализатором процессов общественных преобразований и эффективной социально-экономической динамики.

Участники «круглого стола» в своих оценках и прогнозах показали, что вновь нарастающий до угрожающих размеров государственный монополизм в образовании способен не только развратить и обескровить саму систему, но и крайне негативно повлиять на инновационные процессы в экономике и обществе, поставить под угрозу конкурентоспособность российской нации и государственности.

В задачу ведущего и завершающего данную дискуссию входит, по нашему мнению, определение наиболее важных и конструктивных мнений и предложений уважаемых экспертов, показ всего спектра проблем, тормозящих или способствующих обеспечению конкурентоспособности российской высшей школы.

Оценивая нынешнее состояние российского высшего образования, депутат Государственной Думы О.Смолин выразился, как всегда, оригинально. По его мнению, «положение, например, в области медицины или культуры несравненно хуже». В этой логике 41-е место России по индексу образования можно было бы рассматривать как большое достижение, а не серьезную опасность для общества и государства. Известно, что до сих пор у нас бытует мнение о «лучшем в мире российском образовании», мнение, которое по-прежнему кружит головы, напускает еще больше розового тумана, дезориентирует практически всех, а фактически прикрывает стагнацию и серьезно тормозит модернизацию и инновационное развитие отечественного образования.

Сравнительный анализ, проведенный В.Шадриковым, позволил, на наш взгляд, сделать очень важный для определения перспектив вывод, что «состояние российского высшего образования выше состояния российской экономики, но ниже качества образования в развитых странах, строящих свою экономику, базирующуюся на знаниях».

Российское образование, по мнению Н.Жильцова, находится где-то между тем, что уже потеряно, и тем, что может не наступить.

Ю.Рубин более категоричен в своих оценках. Он считает, что с позиций организации и финансирования образовательного процесса система россий-

ского образования представляет собой абсолютный анахронизм и своеобразную смесь советских подходов и некоторых методов рыночной экономики. А с точки зрения содержания, российское образование, по его мнению, сложно признать конкурентоспособным.

Необходимо особо подчеркнуть критическое отношение Ю.Рубина (и не только его) к жесткой привязке вузов к государственным стандартам и его положительную оценку возможности, открытой пока только для избранных, работать по собственным стандартам. Второе, по мнению эксперта, является косвенным признанием руководителями образования того факта, что ГОС не обеспечивает конкурентоспособности содержания современного российского образования.

Российскому образованию, как считает В.Петров, присущи характеристики состояния всего современного общества: переходность, структурные изменения, не-определенность, устремленность вперед. К числу достоинств образования как системы передачи знаний и нравственных ориентиров, по мнению эксперта, следует отнести его консерватизм.

А вот С.Крамаров считает российское образование излишне «обюрокраченным». По его мнению, многие системные процессы, связанные с развитием образования, сводятся к централизованному распределению средств на содержание только государственного сектора. Нет стимулов к развитию экономической самостоятельности госвузов. А качество образования ежегодно снижается как по причине ухудшения школьной подготовки, так и вследствие привязки его к «единому государственному стандарту».

Модернизация образования у нас не получается, пишет В.Зернов. В образовании оставшимся заповедником социализма делаются попытки что-то изменить, по существу, ничего не меняя. «Сохранились контрольные цифры приема, отмечает эксперт, безотносительно к оценке качества; осталось распределение ресурсов, но не по достигнутым качественным результатам, а по принадлежности к государственным структурам». В.Зернов подчеркивает, что администрирование и государственный монополизм всегда приводят к застою, что и наблюдается сейчас в высшей школе.

Оценивая проводимые в России структурные преобразования высшей школы, один из самых опытных и уважаемых участников «круглого стола» О.Смолин прямо заявил, что они «либо малоэффективны, либо прямо вредны». Причем наиболее серьезными недостатками этих преобразований он считает неравноправие и значительное ограничение возможностей для соревнования, конкуренции между вузами, перетекание финансовых ресурсов из массовых в избранные вузы и значительное снижение качества образования.

На отсутствие четкой ориентации проводимых структурных перемен, на повышение качества образования обращает внимание также и В.Шадриков. Владимир Дмитриевич указал и на реальную угрозу потери фундаментальной науки и фундаментальной подготовки студентов и аспирантов.

Механическое копирование созданного за границей, считает Н.Жильцов, неизбежно приводит к искажению базовых принципов реформ. Более того, по его мнению, «существует опасность, что все сведется лишь к переходу на новую терминологию при сохранении старых приемов и способов преподавания».

По мнению Ю.Рубина, структурная перестройка негативно влияет на конкурентно-способность российских вузов. Более того, эксперт, издавший ряд монографий по проблемам развития конкуренции, считает ситуацию явно ненормальной и парадоксальной. Как пишет Ю.Рубин, «...необходимо реальное равноправие всех форм собственности в образовании, как это и предусмотрено в Конституции нашей страны».

В.Петров прямо указывает на отсутствие у тех, кто проводит структурные изменения, «методологии преобразований, принципов и механизмов, дающих стимулы к развитию, на опору на устаревшие и иллюзорные основания, взятые из практики прошлых эпох».

Анализируя неравноправное положение вузов на рынке образовательных услуг, которое ведет к ограничению конкуренции, эксперт, прежде всего, указывает на отсутствие рыночного механизма доступа всех вузов ко всем возможным каналам финансирования образования, на фактическое вытеснение негосударственного сектора несправедливой организацией уплаты налогов на имущество и платы за землю. Как тенденцию последующих лет, В.Петров отмечает формирование монополизма в образовании, которая, как известно, ведет к застою.

По мнению С.Крамарова, современные реформаторы увлекаются созданием различных структур и организационных форм в ущерб реальных процессов развития образования и науки. Причем искусственное насаждение разного рода новаций ставится делом весьма затратным и неэффективным.

В этой связи нам хотелось бы еще раз обратить внимание на необходимость определить наконец-то критерии эффективной образовательной организации, на административном и законодательном уровне разработать систему изучения и распространения опыта этих организаций, а главное, систему государственной и общественной поддержки эффективных образовательных организаций, уже имеющих реальные достижения и результаты. Не решив этой проблемы, наше образовательное сообщество будет еще долго культивировать губительную практику, когда, по словам В.Зернова, «...мы не выбираем, а назначаем лидеров», когда раздача ресурсов и титулов не стимулирует, а убивает конкуренцию.

Серьезную озабоченность вызывает и тот факт, что практически все эксперты указывают на государственное регулирование как главный фактор, определяющий нынешние и перспективные процессы в образовании. Отмечают, что за призывами повышать конкурентоспособность российского образования стоят реальные действия по ликвидации конкурентной среды, условий и стимулов для естественного эффективного развития.

Чтобы на деле создавать условия для всеобщего конкурентного процесса и эффективного развития образования, О.Смолин предлагает, во-первых: предоставить более широкие возможности для развития негосударственного сектора образования. Причем ничего нового не нужно придумывать, а просто вернуть к жизни положения Закона РФ «Об образовании» 1992 года. В этом законе были прописаны и условия приоритетности образования, действовали такие нормы, как: нормативное финансирование государственных и негосударственных образовательных учреждений, равные налоговые льготы для всех вузов, создавались законодательные основы для развития образовательного кредитования.

Во-вторых, по мнению Олега Николаевича, которое широко поддерживается коллективами инновационных учебных заведений, — «развитие электронного обучения и информационно-коммуникационных технологий, без чего отечественные вузы будут все более утрачивать конкурентоспособность на международной арене, а отечественная экономика — все более отставать от передовых стран, сосредотачиваясь на производстве сырья».

На ситуацию с конкуренцией нужно воздействовать, прежде всего, административными мерами, считает Н.Жильцов, так как в российских реалиях законодательное оформление даже правильных намерений еще мало что решает.

Отмечая важность и проблемы взаимодействия образования и бизнеса, В.Шадриков подчеркнул, что конкурентоспособность российских вузов должна главным образом определяться их участием в развитии экономики нашей страны.

Государство, по мнению Ю.Рубина, должно обеспечивать и стимулировать добросовестную конкуренцию на рынке образовательных услуг и пресекать недобросовестную конкуренцию. Для чего необходимо развести функции собственности и управления, что позволит реально обеспечить равенство в отношении государства с вузами всех форм собственности. Также чрезвычайно важным, считает эксперт, развитие общественных институтов оценки и гарантии качества образования, учет их мнения государственными органами.

Судя по последним действиям власть предрержащих, пишет В.Петров, динамику сферы образования будет определять, прежде всего, государственное регулирование. Чтобы это регулирование не тормозило, а способствовало конкурентному развитию, необходимо ввести госзадание для подготовки специалистов для социально значимых отраслей и государственный заказ по профессиональной подготовке на рыночной, конкурентной основе для всех остальных общественных сфер.

В качестве важнейшей составляющей развития новых отношений в образовании В.Петров считает участие государства в субсидировании процентной ставки или предоставлении гарантий по образовательным кредитам.

Отвечая на вопрос о факторах динамики сферы образования, С.Крамаров подчеркнул, что «стране нужны не «структурные» реформы, а реформы «процессов», которые будут стимулировать развитие образования и науки изнутри, а не снаружи». Государство должно задавать правила игры, считает В.Зернов, но не быть игроком, как это происходит у нас. Без равноправия и равнодоступности к ресурсам и возможностям роста конкурентная среда в образовании невозможна, подчеркивает руководитель ассоциации негосударственных вузов России.

Необходимо отметить, что, обсуждая давнюю проблему теории и практики в подготовке специалистов, эксперты единодушно высказались за их разумное сочетание, без особого приоритета. В то же время О.Смолин, В.Шадриков отметили необходимость готовить специалистов под задачу, продиктованную уровнем подготовки (бакалавр, магистр), или направлением подготовки (научное или прикладное применение). О.Смолин указал также на нелогичность профилирования старшей школы, а затем расширения общеобразовательной базы на уровне бакалавриата. Н.Жильцов, справедливо подчеркивая

важность теоретической подготовки, в том числе для решения актуальной проблемы образования «через всю жизнь», считает, что в идеале должен быть индивидуальный подход, индивидуальная образовательная траектория.

Надо сказать, что хотя и косвенно, но эксперты коснулись необходимости и более серьезного отношения к специальной, практической подготовке, чтобы выпускникам вузов не приходилось на рабочем месте «... заново осваивать профессиональные компетенции».

И, наконец, о реальной международной и отечественной практике напомнил С.Крамаров. Это сложившаяся практика, когда университеты формировали фундаментально ориентированную систему знаний, а институты — систему прикладных знаний. В этой связи им поднимается проблема сложности функционирования новых образовательных комплексов, объединивших вузы с разной «идеологией».

Принципиально важными для развития российского высшего образования, в том числе и для повышения его конкурентоспособности, являются, на наш взгляд, вопросы обеспечения его доступности широким слоям населения нашей страны. В понимании О.Смолина, элитное образование — это система образования людей с незаурядными способностями. Она не должна зависеть от уровня доходов студентов и в таком качестве, безусловно, необходима. Но в целом система образования должна обеспечивать максимально равные возможности для каждого человека.

Ю.Рубин считает, что главное — обеспечить доступность качественного образования и «...избрание тех форм и технологий обучения, которые позволили бы разным категориям людей получить такое образование разными способами».

Такого же мнения придерживаются и другие эксперты. В.Петров, отмечая наличие и необходимость элитного образования, указывает также и на неизбежность элитарного, которое тоже уже существует.

В этой связи возникают вопросы, на которые довольно сложно, но необходимо получить аргументированный ответ. Взвинтив плату за годовое обучение до 400 тысяч рублей и сделав образование действительно недоступным для абсолютного большинства россиян, считают ли руководители ряда известных вузов, что они организуют элитарное образование? Является ли оно таковым по существу или это очередная профанация? Как формирование сектора элитарного образования в нашем «социальном» государстве повлияет на конкурентоспособность всего российского образования, а значит и российской нации?

Все эксперты придерживаются мнения, что в движении к обществу и экономике, основанной на знаниях, уровень образованности населения играет огромную роль. Однако чтобы организовать «образование через всю жизнь» в нашей стране, по мнению В.Петрова, надо заинтересовать и мотивировать работника и работодателя. Ю.Рубин считает, что у самих учащихся нет интереса обучаться всю жизнь, и ставит вопрос об общественных мотиваторах, заставляющих людей повышать собственный образовательный уровень. О.Смолин указывает на необходимость повысить роль государства, напоминая, что «...на Западе бюджетные расходы на высшее образование и образование взрослых сопоставимы, а в России различаются в десятки раз». Подчерк-

нул О.Смолин и затянувшееся на многие годы искусственное торможение электронного обучения. «Дело движется вперед слишком медленно, — пишет он, — несмотря даже на то, что президент признал: на Западе ежегодно проходят переобучение или повышение квалификации около 70% граждан, а в России — лишь около 10%. Понятно, что это неминуемо приводит к нарастанию технологического отставания и понижению конкурентоспособности наших специалистов».

В своем докладе на Международной конференции по вопросам электронного образования нам также пришлось сделать вывод, что «либо мы волевым усилием власти и образовательного сообщества сделаем в России инновационную систему непрерывного образования, либо откладываем решение задач построения экономики, основанной на знаниях, и другие амбициозные задачи».

Обсуждая вопросы, связанные с лучшими достижениями отечественного и зарубежного образования, которые нужно беречь, использовать и развивать, участники «круглого стола» единодушно выступили за сохранение фундаментальности как важнейшего достояния российского образования. Достояния, признанного во всем мире и продолжающего приносить победы, пусть и не совсем нашим ученым.

Широта охвата и стремление сделать наших студентов эрудитами, считает Ю.Рубин, и есть самое ценное, что следует сохранить из наших традиций. Что касается мирового опыта, то спектр предложений эксперта оказался значительно шире. Для того чтобы стать действительно конкурентоспособными, необходимо из зарубежной системы привлечь методы организации образовательного процесса, интеграцию различных форм получения образования, технологические новинки, методы и способы оценки гарантий качества образования.

Нужна реальная свобода (автономия) развития высшей школы, добавляет В.Петров, а также создание конкурентной среды и поддержка эффективных образовательных организаций, считает В.Зернов.

Как всегда очень емкую и образную оценку необходимых заимствований из зарубежного опыта дал О.Смолин. По его мнению, чтобы стать действительно конкурентоспособной, адекватной новым вызовам и задачам, стоящим перед нашей страной, российской системе образования необходимо получить государственное финансирование, как в Германии; налоговую систему и общественную поддержку, как в США; развитие электронного обучения, как в Южной Корее. А все остальное должно быть, как в России тех лет, когда мы входили в тройку наиболее образованных народов мира.

С одной стороны, этот вывод заместителя председателя комитета по образованию Госдумы Российской Федерации можно считать итоговым в дискуссии «О конкурентности высшего образования в России», а с другой, он дает направления и простор для будущих дискуссий и публикаций на страницах журнала.

Павел КОМАРОВ

ПРОБЛЕМА ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, СОПРЯЖЕННОГО СО СПЕЦИФИЧЕСКИМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ («HOLD-UP»), В ПОЛИТИКЕ

Широко известно, что в современном мире получение поистине нового научного знания, имеющего в том числе и важное прикладное значение, возможно только при условии применения междисциплинарного подхода в научных исследованиях. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют ежегодные решения Нобелевского комитета — в частности, в сфере наук об обществе.

В этой связи неудивительно, что институциональная теория находит свое применение далеко за пределами экономической науки. В этой статье мы попытаемся рассмотреть существующие институциональные подходы к проблеме функционирования авторитарных режимов — проблеме, которая ранее рассматривалась исключительно как политическая. Далее будет показано, что логика развития авторитарного режима порождает своего рода проблему «вымогательства» в политике («political hold-up problem»), аналогичную известной проблеме в институциональной теории, описанной, в частности, в работах О.Уильямсона¹. По мнению О.Уильямсона, экономический агент, осуществивший инвестиции в специфические активы, оказывается в уязвимом положении. Если сделка не исполняется, то сторона, осуществившая специфические инвестиции, теряет свои вложения. В подобной ситуации, когда сторона, осуществившая специфические инвестиции, оказывается как бы «запертой» в сделку со своим партнером, возникает опасность оппортунистического поведения со стороны этого партнера, которая носит название «вымогательство» («hold-up»).

Примечательно, что схожая проблематика актуальна при анализе политических процессов не только на национальном, но и на наднациональном уровне, о чем также будет упомянуто ниже.

«Political hold-up problem» в авторитарных политических режимах

Итак, в чем же заключаются особенности авторитарного политического режима? *Авторитаризм* — характеристика особых типов недемократических режимов, основанных на неограниченной власти одного лица или группы лиц при сохранении некоторых экономических, гражданских и духовных

¹ См. *Williamson O.E.* The Economic Institutions of Capitalism, 1985.

свобод для граждан. Термин «авторитаризм» был введен в научное обращение теоретиками Франкфуртской школы неомарксизма и означал определенный набор характеристик, присущих как политической культуре, так и массовому сознанию в целом. Авторитаризм — это, во-первых, социально-политическая система, основанная на подчинении государству, его лидерам. Во-вторых, это социальная установка или черта личности, характеризующаяся уверенностью в том, что в обществе должна существовать строгая и безусловная преданность, беспрекословное подчинение людей авторитетам и властям. Политический режим, соответствующий принципам авторитарности, означает отсутствие подлинных демократических принципов как в отношении свободного проведения выборов, так и в вопросах управления государственными структурами. В большинстве случаев авторитаризм в той или иной степени сопровождается диктатурой отдельной личности или группы лиц.

Интерес данной проблематики для экономистов обусловлен тем, что при авторитарном режиме экономическая система той или иной страны, даже если в определенных условиях (как было, например, в случае с индустриализацией в СССР, во время реформ Дэн Сяопина в Китае, в эпоху «корпоративного управления» Ли Кван Ю в Сингапуре или в период «Нового порядка» Сухарто в случае Индонезии) и были показаны выдающиеся результаты², в долгосрочном периоде характеризуется крайне низкой экономической эффективностью. Причины данного явления неоднократно становились предметом анализа в классической и неоклассической экономической теории. Тем не менее, институциональная теория позволяет «копнуть» значительно глубже, рассмотрев процесс деградации экономической системы при авторитарном политическом режиме с несколько иных позиций, абстрагировавшись от характеристик собственно социально-экономической системы, вопросов рынка и прочих, традиционных для экономической теории. Ключевым вопросом в данном контексте становится то, почему большинство авторитарных режимов блокирует проведение социально-экономических реформ и внедрение новых, более продуктивных технологий, повышающих эффективность экономической системы? Этим вопросом задается, в частности, *Avidit Acharya в своей статье The Political Hold-up Problem and an Institutional Solution*³.

По его мнению, это связано с тем, что подобные реформы не только могут привести к повышению экономической эффективности и стимулировать экономический рост, но также могут быть чреваты ослаблением политической власти элиты, поскольку они провоцируют мыслительную активность общества и создают предпосылки для координации усилий граждан по свержению правящего режима. Таким образом, чтобы сохранить власть, политические лидеры вынуждены вслед за проведением экономических реформ идти на серьезные политические уступки гражданам.

Осознавая возможные последствия реформ, которые создают перспективную угрозу государственного переворота и изменения политического режима,

² На это указывается, в частности, в статье: *Deffains B. Dominique Demougin. Institutional Competition, Political Process and Holdup // University of Nancy-2, France — Humboldt-Universität zu Berlin, Germany. 2006*

³ Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Princeton University. 26 Sep. 2010.

большинство авторитарных режимов предпочитает консервировать существующую неэффективную экономическую систему, жертвуя повышением конкурентоспособности национальной экономики и общественного благосостояния ради продления своих властных полномочий на максимально возможный срок. Avidit Acharya утверждает, что в этом случае речь может идти о возникновении в обществе политической проблемы «вымогательства» («political hold-up problem»): властная элита отказывается от проведения реформ, повышающих эффективность экономической системы, поскольку они также увеличивают политическую власть граждан. Автор подчеркивает, что данное явление абсолютно идентично проблеме «hold-up» в институциональной теории, когда одна сторона отказывается от действий, повышающих общую полезность, если они в то же время укрепляют позицию ее оппонента в торге.

Развивая свою идею, автор проводит аналогию между государствами и крупными корпорациями, обращая внимание на наличие сходного институционального атрибута в обеих формах организационной структуры, а именно: существование контрактных взаимоотношений между правителями (властной элитой и CEOs) и подданными (гражданами и работниками). Когда позиции работников в корпорации сильны, они могут выторговывать себе более привлекательные контракты. Сила их переговорной позиции детерминирована, по мнению автора, способностью работников объединять усилия для доведения до руководства коллективных требований, а также «(не)привлекательностью внешних опций для работников и работодателей» (отказ работать или угроза сменить работу), о степени которой можно судить, к примеру, если в компании начинается забастовка⁴. С другой стороны, когда позиция граждан сильна, они могут претендовать на политические концессии со стороны элиты (типичный пример — борьба граждан за введение системы более справедливого перераспределения прибыли, лежащая в основе любой революции, происходившей в мировой истории), так же, как и рабочие претендуют на более выгодные контракты. И так же, как и в случае с работниками корпораций, сила переговорной позиции граждан, или иначе — их политическая власть, обусловлена возможностью объединить усилия для проведения политических акций или свержения режима. Революции чреваты серьезными издержками как для граждан, так и для элиты. То же самое справедливо и в случае забастовок — издержки несут и простые сотрудники, и владельцы бизнеса. И в этом смысле политическая власть мало чем отличается от власти стороны в торге между начальниками и подчиненными.

Ключевым отличием в данном контексте является то, что решения, принимаемые руководством компании, редко оказывают влияние на способность сотрудников объединяться и выступать коллективно, а также на привлекательность «внешних опций». Ограничения на консолидацию позиций сотрудников корпорации носят, скорее, внешний, экзогенный характер и могут быть обусловлены, к примеру, действующим законодательством. В случае с авторитарными режимами этой экзогенности нет, поскольку на способность граждан к координации влияют исключительно внутренние реформы в обществе, такие, как внедрение новых технологий связи, продвижение грамотности, развитие масс-ме-

⁴ The Political Hold-up Problem and an Institutional Solution. 2010.

диа и т.д. Иллюстрируя данный тезис, автор обращается к опыту Китая, где правительство разрешило доступ граждан к Интернету, но в то же время сохраняет запрет на пользование такими сервисами, как *Facebook* и *Twitter*, сопоставив экономические выгоды, которые получает национальная экономика от пользования информационными технологиями, с опасностью ухудшения координационных возможностей граждан (что, безусловно, является издержками для китайского авторитарного режима) за счет пользования социальными сетями.

Свои рассуждения автор иллюстрирует с помощью модели, позволяющей увидеть соотношение между выгодами от проведения экономических реформ и издержками для авторитарного режима вследствие более высокой способности граждан к объединению. Следует отметить, что модель довольно сложна для восприятия ввиду применения автором обширного математического и институционального инструментария. Причем сам Avidit Acharya признает, что его модель не является истиной в последней инстанции, и призывает экспертное сообщество к широкому критическому обсуждению его идей. Поэтому в рамках нашего исследования целесообразно обратиться непосредственно к выводам автора, не уделяя (возможно, напрасно) должного внимания математическим выкладкам и техническим вопросам, релевантным данной модели.

В описанной модели Avidit Acharya обращается к примеру авторитарного правителя, который должен принять решение, проводить или не проводить реформу, повышающую эффективность экономической системы. Независимо от того, будут ли реформы осуществлены или нет, правитель находится перед угрозой революционного восстания со стороны граждан. Если в обществе будет достигнут необходимый уровень консолидации, граждане могут вступить в открытую конфронтацию с авторитарным руководством страны: при наиболее радикальном сценарии развития событий это грозит вылиться в государственный переворот.

Чем больше граждан принимают участие в противоборстве с правительством, тем выше вероятность смены политического режима. Революция при этом создает серьезные издержки для обеих сторон противостояния, и обе стороны попытаются избежать их через процедуру торга по поводу возможных концессий. Другими словами, всегда будет существовать определенный избыток, равный издержкам конфронтации, который может быть перераспределен таким образом, чтобы в большей или меньшей степени были удовлетворены интересы всех. Даже в том случае, если авторитарный режим обладает возможностью присвоить весь профицит, создаваемый вследствие повышения эффективности экономической системы, правитель может отказаться от идеи проведения реформ, поскольку они все равно повысят способность общества к консолидации. Следовательно, чтобы избежать революционного восстания, режиму придется идти на еще большие уступки гражданам, и издержки увеличения политической власти граждан будут достаточным аргументом для того, чтобы курс на реформы был отменен.

Каким образом в модели проявляется идея автора о том, что принятие реформ улучшает возможности граждан по координации усилий для борьбы с политическим режимом? Avidit Acharya полагает, что свидетельством силы политического режима является такой параметр, как совокупный объем активов, который в любом случае останется под контролем лидеров режима в случае успеха потенциального государственного переворота. Автор считает, что

гражданам будет довольно сложно объединяться, если их представления относительно данного параметра будут существенно различаться. Конкретнее, граждане с большей готовностью пойдут на конфронтацию с режимом, если они уверены, что этот параметр количественно низок: тем выше шансы присвоить значительную долю активов властной элиты. Обратная ситуация (а именно — «революция отменяется») сложится, если, по мнению граждан, этот параметр количественно высок. Однако непонятно, каким образом ситуация будет развиваться, если этот параметр в действительности находится на среднем уровне и мнения граждан при этом довольно разнородны? Автор полагает: проведение реформ снижает степень разнородности представлений граждан о данном параметре, тем самым повышается их способность к консолидации.

Таким образом, правящий авторитарный режим оказывается перед лицом политической проблемы «вымогательства». Сложность разрешения данной проблемы заключается в том, что рецепты разрешения проблемы «hold-up» в экономике (вертикальная интеграция, особые условия, прописанные в контракте, ненаблюдаемые инвестиции [«unobservable investment»]) не имеют прямых аналогов в политической сфере. Тем не менее, автор полагает, что проблема «hold-up» в политике имеет, по меньшей мере, два институциональных решения.

Первое решение заключается в том, что, если властной элите удастся создать такие условия, при которых она гарантированно получит большую часть избытка, произведенного за счет экономических реформ, проведение реформ станет для режима более привлекательной опцией, чем отказ от них. Как это ни прискорбно, но Россия пошла именно по этому пути, на что обращает внимание и Avidit Acharya. Автор пишет, что в эпоху «перестройки» и «гласности» советская правящая элита начала свою трансформацию в экономическую элиту новой России. В полной мере эти процессы стали очевидны в ходе масштабной приватизации, развернувшейся в России в 1990-х годах. Автор глубоко убежден: если бы советской элите было сложнее сохранить за собой рычаги управления экономикой страны, стимулы для начала проведения в стране экономических, а затем и политических реформ, были бы заметно слабее. Вместе с тем, даже при условии, что режим присвоит большую часть профицита и будет обладать достаточным ресурсом для подавления революционного восстания, вряд ли можно говорить об окончательном разрешении проблемы «вымогательства». Нет никаких гарантий, что аналогичная ситуация не повторится в будущем и авторитарный режим не окажется вновь перед лицом угрозы свержения.

Поэтому в качестве второго возможного решения, гораздо более привлекательного и способного привести к окончательному разрешению проблемы «hold-up», Avidit Acharya выдвигает идею последовательной демократизации политической системы вслед за экономическими реформами. Несмотря на то, что при демократическом политическом режиме правящей элите придется в большей или меньшей степени разделить свою политическую власть с гражданами, и часть ее доходов будет перераспределена, а оставшаяся часть — обложена налогами, элита все равно заинтересована в проведении реформ, поскольку ей удастся сохранить значительную часть своих доходов и при этом свести к минимуму риск революционного восстания. Более того, дополнительный стимул у властной элиты для проведения реформ состоит в ответственном повышении уровня доходов элиты вследствие перехода к более

эффективной экономической модели, что, вкупе с традиционно довольно низкими налогами на ранних этапах развития капиталистических отношений, становится для авторитарных правителей весьма привлекательной опцией.

Ключевым предположением в аргументации автора является то, что демократические режимы более стабильны в сравнении с авторитарными в том смысле, что они менее уязвимы перед лицом политической неопределенности. При демократическом режиме правящая элита может с высокой долей вероятности предсказать, к примеру, уровень налогового бремени, удовлетворительного для общества и адекватного его возможностям, в то время как при недемократическом режиме правители постоянно сталкиваются с угрозой революционного восстания и зачастую вынуждены идти на такие уступки гражданам, издержки по которым несопоставимы с издержками правящей элиты демократического общества. И в любом случае, в условиях существования в обществе зрелых демократических институтов, способы разрешения конфликтов между властью и обществом характеризуются более высокой степенью цивилизованности.

Осознавая, что его теория может попасть под огонь критики, автор заранее дает ответ на два, по его мнению, ключевых вопроса, где позиции наиболее критически настроенных представителей экспертного сообщества могут быть особенно сильны. Первый аспект связан с тем, что часто в качестве контраргумента демократии называется высокий уровень налогового бремени, который разрушает стимулы для наиболее активных экономических агентов и препятствует развитию экономической системы. В ответ на это Avidit Acharya замечает, что демократические режимы могут действительно быть не слишком эффективны из-за чрезмерной налоговой нагрузки. Однако в то же время авторитарные режимы еще более неэффективны вследствие актуальности для них политической проблемы «вымогательства». Более того, при авторитарном политическом режиме существует такое явление, как экспроприация. Риск экспроприации может оказать гораздо более негативное влияние на активность экономических агентов, в том числе и иностранных — по осуществлению прямых инвестиций (в реальности такой угрозы мир убедился на примере стран «красного пояса» Латинской Америки), нежели высокое налоговое бремя.

Второй аспект связан с политической управляемостью того или иного вида политического режима. Ряд исследователей отмечает, что авторитарная власть с меньшими издержками управляет политическими процессами в обществе, и в этом смысле авторитарный режим является гораздо более стабильным в сравнении с демократическим. Однако, как отмечает Avidit Acharya, этот аргумент не выдерживает даже поверхностного эмпирического рассмотрения.

По мнению автора, несмотря на то, что конкретные лица на верхушке властной элиты в демократическом обществе меняются довольно часто посредством проведения демократических выборов, вне зависимости от партийной принадлежности лидеров, находящихся у власти в конкретный временной промежуток, налицо преемственность основной линии проводимого курса. Более того, демократии отличает такой уровень предсказуемости развития политических процессов, который нехарактерен для авторитарных режимов: агенты имеют, по крайней мере, примерные представления о времени и характере возможных политических изменений. Сами изменения в зна-

чительной степени институционализированы, поскольку вопросы конкуренции между ведущими политическими силами и мирной передачи власти отличает высокий уровень транспарентности. Гораздо сложнее, отмечает автор, предсказать, когда произойдет революция или государственный переворот, угроза которых является неременным атрибутом существования любого авторитарного режима.

Выводы автора находят широкое эмпирическое подтверждение: в реальности в рамках функционирования авторитарных политических режимов гораздо чаще выбираются неэффективные экономические решения в сравнении с демократическими режимами. Так, согласно экспертному докладу *Economist's Democracy Index (2008)*, 25 стран из 28, которых авторы доклада относят к категории абсолютных демократий, входят в число 40 наиболее развитых стран мира, где подушевой ВВП превышает показатель в 20 тыс. долл.⁵

Кроме того, если мы посмотрим на тот путь развития, который избрали для себя такие бывшие оплоты авторитаризма, как Китай, Сингапур, Индонезия и другие «тигры», к опыту которых в качестве редких примеров исключений в плане проведения довольно успешной экономической политики в условиях функционирования авторитарного режима мы обращались ранее в нашем исследовании, то станет очевидно: они решили для себя проблему «hold-up» за счет градуалистского проведения политических реформ вслед за экономическими (конечно, в разной степени и с уникальной в каждом конкретном случае спецификой), то есть, фактически воспользовавшись рецептом, предложенным Avidit Acharya. Неудивительно поэтому, что именно эти страны, по прогнозам экспертов, станут новыми лидерами глобального развития.

Печально осознавать, что Россия, находившаяся в схожих исторических и, что примечательно, гораздо более выгодных социально-экономических условиях, не смогла воспользоваться своим шансом. Со всей очевидностью можно утверждать, что проблема «hold-up» в российской политике стоит весьма остро и от возможных путей ее решения во многом будет зависеть будущее страны.

«Political hold-up problem»: наднациональный уровень

Интересно посмотреть, как выводы, представленные ранее в нашем исследовании, могут быть экстраполированы на анализ международных политических процессов. Действительно, политическая проблема «вымогательства» всякий раз дает о себе знать, когда речь заходит о подписании юридически обязательных международных соглашений и о создании международных институтов и режимов.

Представляется, что наиболее полную проработку данная проблематика получила в диссертационном исследовании Timothy Lanier Meyer на тему *The Evolution of International Law*⁶. Автор диссертации выделяет в качестве своего исходного тезиса мысль о том, что в международном праве ключевое значение имеет идея согласия, или доброй воли, между государствами («states' consent»). Автор поясняет, что за редкими, весьма примечательными исключе-

⁵ Economist's Democracy Index (2008), GDP per capita data from the International Monetary Fund World Economic Outlook (2010).

⁶ University of California, Berkeley. 2008.

ниями, имевшими место в основном в ходе послевоенного мироустройства на различных исторических этапах, ни одно государство не может быть связано такими обязательствами, на которые оно не согласно. И это отражается не только в подготовке новых соглашений и международных режимов, но и во внесении поправок в уже существующие, что также требует единодушного согласия стран-участниц. В этой связи добрая воля государств становится естественным препятствием на пути эволюции международно-правовой системы, поскольку отдельные государства могут блокировать реформы, повышающие всеобщее благосостояние и эффективность работы международно-правовых институтов.

Получается, что и в этом случае мы имеем дело с проблемой политического «вымогательства», с тем отличием, что здесь авторитарным актором выступает не государство, а сама международная среда. Отдельное государство не имеет гарантий, что оно обязательно выиграет от общемирового роста полезности в долгосрочной перспективе. Еще более очевидно, что в современном многополярном мире ни одно государство не обладает достаточным ресурсом для того, чтобы заполучить весь потенциальный выигрыш от реформирования международного права целиком.

С другой стороны, принятие на себя дополнительных коллективных обязательств есть не что иное, как фактический отказ от части собственного суверенитета и признание своей субординированности по отношению к международному институту, который в некотором смысле становится авторитарным правителем. Естественно, что в условиях, когда многие влиятельные международные акторы, в особенности те, кто обладает внушительным великодержавным прошлым и настоящим, выстраивают свою внешнюю политику в категориях политического реализма и баланса сил в международной системе, издержки отдельно взятого государства от принятия на себя дополнительных юридических обязательств зачастую перевешивают его выгоды, связанные с повышением общемировой полезности. Более того, великое множество трансакционных издержек может напрочь отбить у государства всякое желание выторговывать себе наиболее выгодные условия в том или ином соглашении или международно-правовом режиме, ибо отказ от участия выступает как альтернатива с более высоким уровнем полезности.

Именно поэтому международные переговоры даже по таким вопросам, где, казалось бы, интересы всех участвующих акторов не могут не совпадать, протекают медленно и напряженно (вероятно, наиболее подходящим примером в данном контексте является копенгагенский саммит стран-участниц конференции РКИК ООН по вопросам противодействия изменению климата в посткиотский период, состоявшийся в 2009 году). Еще более длительное время занимает процесс ратификации международных соглашений законодательными органами стран (только после нее можно окончательно говорить о том, что страна принимает на себя юридические обязательства).

Подобная проблема политического «вымогательства» и порождаемые ею сомнения государств (стоит ли им участвовать в том или ином международно-правовом институте) оказывают колоссальное давление на правительства стран, заставляя их искать своего рода механизмы гибкости, помогающие государствам оперативно реагировать на изменения политической конъюнк-

туры в мире. В своей диссертации Timothy Lanier Meyer предлагает использовать юридически необязательные межгосударственные соглашения (так называемые нормативно-правовые акты «мягкого» права) в качестве своего рода механизма гибкости и исследует возможности их применения в данном качестве. Нетрудно провести аналогию между идеей демократизации международно-правовой среды за счет использования инструментов «мягкого» права для решения проблемы «hold-up» и идеей демократизации отдельно взятой страны в качестве решения схожей проблемы в условиях конкретного авторитарного политического режима, рассмотренной нами ранее.

Последовательно анализируя деятельность государств на международной арене как рациональных агентов, Timothy Lanier Meyer приходит к трем основным выводам. Во-первых, государства обращаются к инструментам «мягкого права» с тем, чтобы делегировать ответственность за усовершенствование свода международно-правовых норм тем акторам международной системы, которые особенно заинтересованы в изменении содержательной части международного права. Аналогично государство может принимать активное участие в обсуждении других вопросов, представляющих для него наибольший интерес. Таким образом, государство повышает свою полезность как в случае, когда оно действительно заинтересовано в том или ином международном соглашении, так и в том случае, когда насущного интереса в нем нет, экономя при этом на трансакционных издержках. Кроме того, участие в юридически необязательных соглашениях, как отмечает автор диссертации, в некоторых случаях предоставляет государству возможность действовать в одностороннем порядке в плане изменения и интерпретации юридических норм таким образом, который позволяет ему максимизировать собственную полезность.

Во-вторых, Timothy Lanier Meyer обращает внимание на тот факт, что, принимая решение об участии в международном режиме, государство сопоставляет степень принимаемых на себя обязательств с формальными аспектами соглашений, главным из которых является вопрос, насколько юридически обязательным является то или иное соглашение и, соответственно, какую свободу действий сохраняет за собой государство в имплементации новой международно-правовой нормы. В большинстве случаев, по мнению автора, государства не готовы поступиться даже частью своего суверенитета во имя улучшения общего благосостояния. И именно поэтому, отмечает Timothy Lanier Meyer, международно-правовые инструменты «мягкого» права потенциально обладают более высокой степенью эффективности в сравнении с традиционными юридически обязывающими договоренностями. В данном контексте представляется уместным провести параллель между инструментами «мягкого» права и «отношенческими» контрактами в институциональной теории, рассмотренными в работах Бейкера-Гиббонса-Мерфи.

В-третьих, отвечая на возможные аргументы критиков исследуемого подхода с точки зрения его эффективности, Timothy Lanier Meyer говорит об отсутствии противоречия между юридически необязательным характером норм «мягкого» права и обращением к международным арбитражным органам в качестве монитора выполнения договоренностей и независимого арбитра в перспективных спорах между странами-участницами. Международные

арбитражные органы, рассматривая в отдельности каждый возникающий спорный момент, выступают естественным ограничителем поведения государств, показывая идеальную модель межгосударственного взаимодействия в рамках того или иного международного режима. При этом они не ограничивают свободу действий государств по соблюдению достигнутых договоренностей в широком смысле, поскольку прецедент в настоящий момент не может быть охарактеризован как источник международного права, обладающий высокой степенью юридической силы. Решения международных арбитражных органов являются юридически обязательными только для сторон конкретного спора и только в отношении ограниченного круга вопросов, важного для конкретной спорной ситуации.

Завершая данную секцию, отметим, что подход, предложенный автором в рассмотренной диссертации, вряд ли может считаться универсальным рецептом решения проблемы политического «вымогательства» в международно-правовом контексте и требует последующей теоретической проработки. Вместе с тем уже сегодня не вызывает сомнений тот факт, что инструменты «мягкого» права зачастую обладают более высокой эффективностью в сравнении с традиционными юридически обязывающими договоренностями в силу своей большей гибкости, а значит — и способности оперативно предоставлять коллективный ответ ведущих международных акторов на существующие и перспективные глобальные вызовы и угрозы. Показательным, на наш взгляд, является пример деятельности «Группы двадцати», в особенности на начальном этапе ее функционирования (Лондонский саммит 1–2 апреля 2009 года), которая, даже будучи неформальным международным институтом, самим фактом своего существования оказала стабилизирующее воздействие на состояние мировой экономики в самый сложный период мирового экономического кризиса. В этой связи представляется, что международно-правовые инструменты «мягкого» права ждет большое будущее в контексте улучшения глобальной управляемости в целом и для разрешения конкретных случаев проблемы «hold-up» в частности.

Библиография

1. Acharya Avidit. The Political Hold-up Problem and an Institutional Solution // Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Princeton University. 26 Sep. 2010.
2. Deffains Bruno, Demougin Dominique. Institutional Competition, Political Process and Holdup // University of Nancy-2, France — Humboldt-Universität zu Berlin, Germany. 2006.
3. Meyer Timothy Lanier. The Evolution of International Law // University of California, Berkeley. 2008.
4. Williamson Oliver Eaton. The Economic Institutions of Capitalism. 1985.
5. Economist's Democracy Index. 2008.
6. International Monetary Fund World Economic Outlook. 2010.

ЧТО ТАКОЕ СТАБИЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО?

*В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **Вал.А.Луков**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАО **Л.П.Буева**.*

*Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С.Гуревич**.*

Гуревич П. В те времена, когда Карл Великий носил корону императора Запада, на восточной окраине Европы, между Кавказом и Волгой, властвовало иудейское государство, известное как Хазарская империя. На пике своего могущества, с VII по X век нашей эры, она играла важную роль в судьбах средневековой Европы. Византийский император Константин Багрянородный, должно быть, хорошо знал положение дел, когда отметил в «Книге о церемониях византийского двора», что послания римскому папе и императору Запада несут золотую печать достоинством в два солида, тогда как печать на посланиях правителю хазар должна быть в три солида.

Страна хазар, народа тюркского происхождения, занимала стратегическое положение между Черным и Каспийским морями, где в те времена сталкивались интересы крупнейших восточных держав. Она играла роль буфера, защищающего Византию от вторжений сильных варварских племен из северных степей — болгар, венгров, печенегов и др., а позднее викингов и русских. Однако более важен, с точки зрения византийской дипломатии и европейской истории, тот факт, что хазарские армии реально воспрепятствовали арабскому нашествию на раннем, самом разрушительном этапе, и тем самым помешали арабскому завоеванию Восточной Европы. Английский писатель и философ Артур Кёстлер написал об этом этносе историческое исследование — «Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие».

Казалось, империя хазар вечна. Но она исчезла. Гибель империй не новость для истории. Исчезла с карты мира Римская империя. Рождение Иисуса Христа в Вифлееме, а не в Риме, зафиксировало начало конца великой империи. XV век принес крушение Византии. В XVI веке прекратили существование империи Мезоамерики. Век спустя закончила на плахе царица морей — всесильная монархия Стюартов. В XVIII веке гильотина революции опустила на великую абсолютистскую Францию. В то время завершилась борьба американских колоний — начался распад Британской колониальной системы. В XIX веке стала разваливаться Французская империя, начался раз-

рыв в цепи арабских халифатов. В XX веке погибли Османская, Австро-Венгерская и Германская империи.

«Империя строилась триста лет и рухнула в триста дней!» — Редьярд Киплинг произносит эту фразу вовсе не о Британской империи. Он обозначает общую тенденцию.

Я начал с Хазарской империи, финал которой необычен. Она не распалась, а просто стерлась, сгинула. Контуры ее медленно погружались во тьму прошлого, демонстрируя свойства особой мистификации, когда-либо придуманной Историей.

Итак, империи, как и культуры, рождаются, живут и умирают.

Хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. **Какое общество можно считать стабильным?**
2. **Что скрепляет общество и обеспечивает ему стабильность — экономическое благоденствие, духовность, национальная идея, нравственная высота?**
3. **Оправдано ли стремление нынешней власти утвердить сохранение стабильности как главной задачи России или это ведет к застою? Как обеспечить модернизационный рывок страны и в то же время не вызвать разлад в обществе?**

1. Какое общество можно считать стабильным?

Луков В. На поверхности вопрос кажется простым. Стабильно то общество, которое не знает крупных перемен. Так говорит нам здравый смысл. Точнее, говорил, ибо сегодня это совершенно неприемлемое понимание, когда речь идет об анализе реалий нынешней политической, экономической, культурной жизни времен глобализации, т.е. времен, заряженных процессом социальных изменений. Но надо сказать, что абстрактное связывание стабильности и отсутствия перемен легко можно подтвердить событиями далекого и недалекого прошлого. Вот один из них. Когда русский император Александр II своим указом, которому скоро исполняется 150 лет, освободил 13 млн. крестьян от крепостной зависимости, он никак не мог предположить, что это давно ожидаемое мыслящей Россией событие даст толчок к народным движениям, недовольству самодержавием в самых разных слоях общества, расцвету нигилизма в университетах и, наконец, убийству самого царя-освободителя. Это лишь один из многочисленных примеров того, как даже самые прогрессивные изменения в установившемся веками порядке коллективной жизни подрывают социальную стабильность.

Бueva Л. Нам не дано предугадать, на что и как откликается история. Но есть одно давнее наблюдение социальных философов: общественные сдвиги начинаются в такой форме и с такой глубиной, что этого никто не ожидает.

Луков В. В социальной философии издавна стабильным считалось общество, которое подчиняется традиции. Египетские пирамиды, памятники живого труда, веками несли ощущение остановившегося времени. Освальд Шпенглер был уверен в том, что темп ранней индийской, вавилонской и египетской истории был действительно более медленным, чем темп нашего ближайшего прошлого. Традиция формировала групповой опыт поколений. Именно она и определяла стабильную систему общепризнанных нормативных ценностей. Стабильность как устойчивость традиций в таком случае

вполне сочетается с определенной мобильностью, но она, эта мобильность, по своему характеру циклична, ведет общество по кругу, и этот «бег на месте» не замечен главным образом потому, что бесконечно идет смена поколений, и каждое новое поколение осваивает традицию, оживляет ее.

Гуревич П. Действительно, традиция, судя по всему, в большей степени содействует стойкости общества, нежели, допустим, харизма или социальная наука. Я имею в виду отмеченные Вебером типы социального управления. Многие философы, в том числе Гердер, Шпенглер, Данилевский, Соловьев, раскрывали эту роль традиции. Они отмечали, что обычаи, обряды, нормы поведения служат важнейшим консолидирующим фактором общества. Именно поэтому британский философ и социолог Карл Поппер стремился показать, что традиции могут служить своего рода связующим звеном, посредником между индивидами и институтами. Традиция знала ответы на главные человеческие вопросы. Ее нормативный код позволял ей выстоять в борьбе со временем.

Буева Л. Суть традиции, на мой взгляд, не в том, что она противостоит переменам. Она выражает некие неизменные, универсальные константы человеческой жизни. Мы можем обнаружить ее во всех культурах и во всех социумах. В известном контексте слова «традиция» и «стабильность» — синонимы.

Луков В. О том, что такое стабильность, лучше всего сказал, вероятно, известный министр-реформатор древнекитайского царства Цинь легист Шан Ян. Его формула: «слабый народ — сильное государство». Именно он заложил основы двухтысячелетней китайской империи. Получалось, что государство способно противостоять влиянию авторитетных аристократов, вносящих разноречивую в жизнь общества. Опыт современных демократий показывает, что в служении государству есть немалый резон. Либеральная идеология, создающая культ индивида, подверглась в наши дни резкой критике. В США становятся популярными обсуждения альтернатив либерализму. Президент Франции Николя Саркози, пришедший в большую политику как «рыцарь либерализма», в последние годы многократно заявлял, что чистый либерализм никогда не пользовался во Франции высоким спросом и что безграничный капитализм более невозможен, а мировой финансовый кризис доказал утопичность идей «либерализма в чистом виде» и «свободного рынка». Все это важные свидетельства перемен в умо-настроениях целых наций. Русскому миру либеральная идея никогда не была близка именно как идея связывания общества в нечто целое.

Буева Л. Не зря Пушкин в свое время негативно оценил американскую демократию. Мы, говорил он, «с изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве». Америка, по его же словам, «спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями».

Гуревич П. Звучит современно. Пушкин в «Борисе Годунове» показал народ в его реальном историческом бытовании. Он терпеливый и крутой, трезвый и фанатичный, прозорливый и невежественный, смысленный и тупой. Уважение к власти — неоспоримый фактор общественного спокойствия. В восточных деспотиях индивид, естественно, не рассматривался как ценность. Напротив, всякая уникальность, непохожесть человека оценивается как помеха. Она противостоит общему строю восточной культуры, приз-

ванной сохранять безличные абсолюты, идет ли речь о верховном начале бытия, природе или конфуцианском понимании общества как неприкосновенной ценности. Человек — это лишь материал, который помогает приобщиться к высшим, внеличным целям.

Буева Л. Опыт китайского отношения к традиции сам по себе уникален. Но и в других странах Востока, например, в Индии, Японии, Корее, к накопленному социальному опыту, закрепленному в традиции, всегда относились с огромным тщанием и благоговением. Можно ли полагать, что культ традиции связан с поиском социальной стабильности, устойчивости, гармоничности разных пластов общественного устройства? Разумеется, концепция Шан Яна отличается от конфуцианской. Китайские правители разных эпох брали на вооружение то одну версию традиции, то другую ее оценку.

Луков В. Но ведь и в европейской философии и Сократ, и Платон, и Аристотель, если коснуться первоначального этапа осмысления стабильного общества, размышляли о том, как гармонизировать общественные связи, обеспечить их баланс во имя устойчивости. Разве платоновская модель идеального государства не является своеобразным ответом на вопрос, какое общество можно считать стабильным? Речь ведь идет не только о неизменной социальной структуре социума. Она, эта структура, осмысливается Платоном как соответствие, с одной стороны, космическому порядку, а с другой — как органической целостности, присущей человеческой душе. Три начала души — разумное, аффективное, вожделеющее — точно так же присущи и структуре общества (с его трехсоставной классовой основой), но их гармонию необходимо поддерживать всей системой управления государством.

Буева Л. Мне кажется, что Платон пытался найти идею стабильности в человеческой природе. Если построить общество в соответствии со структурой души, оно, по Платону, будет незыблемым.

Луков В. Но все равно не обойтись без «стражей». И, в первую очередь — через воспитание новых поколений «стражей» — класса, на котором держится устойчивость и безопасность общественного целого. За этим усиленным вниманием к вопросам воспитания и поддержания нравственности проглядывает обеспокоенность античных мыслителей общественными переменами, которые могут поколебать устои социальной жизни. Можно на современный лад сказать, что здесь затрагивается идея общества, которое утрачивает устойчивость в результате исторического преобразования, развития. Видимо, социальная динамика и стабильность несовместимы. Пожалуй, и Платон в «Государстве», и Аристотель в «Афинской политике», по сути дела, выразили сомнение в том, что стабильное общество достижимо в принципе без принудительного поддержания такой стабильности.

Гуревич П. Пожалуй, Недаром Платон «реализовал» эту идею в виртуальном мире Атлантиды. И все же «Город Солнца» Т. Кампанеллы и «Новая Атлантида» Ф. Бэкона пронизаны мыслью о том, что реальная стабильность возможна и в обычной истории. Так же, как, вероятно, и в Китае, мы не найдем в европейской философии однозначной оценки традиции. К примеру, эпоха Возрождения пронизана идеей создания новой истории. По сути дела, речь идет о начале настоящего исторического времени. Но в то же время внимание мыслителей привлекает античная традиция с ее жизненным пафосом и отношением к человеческому бытию.

Буева Л. Но и в Новое время, которое дышало пафосом перемен, отношение к прошлому, к традиции нередко было предметом философской рефлексии. Вспомним хотя бы во многом курьезную, по нынешним оценкам, работу Фрэнсиса Бэкона «О мудрости древних». Философ, кстати, склонен думать, что весьма многим мифам, которые созданы древнейшими поэтами, присущ некий тайный и аллегорический смысл. Обращаясь к законам культуры, развития общества, такие авторы, как Мишель Монтень, Томас Гоббс, Джон Локк, уделяли должное внимание и истории морали, права, религии, их традиционным аспектам. В Новое время французский аббат Сен-Пьер разработал «Проект установления вечного мира в Европе», в котором предлагал европейским государствам заключить великий союз, решить все дела миром. Его идеи высоко ценил Жан-Жак Руссо. Он писал: «Создайте Европейскую республику на один только день — этого достаточно, чтобы она существовала вечно. Каждый на опыте увидел бы выгоду в общем благе».

Гуревич П. Мне кажется, что осознание огромной роли традиции в укреплении социальной стабильности началось в Европе с работ Джамбаттисты Вико и Иоганна Гердера. Здесь возникает, может быть, впервые в европейской философии, понимание прошлого через призму исторического развития человека. Гердер называет традицией благоприобретенный социальный опыт, он настаивает на принципе историзма, но он же осознает противоборство традиции с новым видением истории, захваченным уже прогрессистским умонстроением.

Буева Л. Более углубленному пониманию традиции содействовало в XIX веке развитие этнографии, социологии. Да ведь и у Карла Маркса немало говорится об обычаях, исторической преемственности.

Луков В. Это так. Ведь именно Кант, судя по всему, первым пришел к убеждению, что идею стабильности нельзя рассматривать как утопическую. Напротив, она выражает историческую необходимость и сводится к тому, чтобы устранить социальные катастрофы и свести к минимуму последствия природных катаклизмов. Такова социальная позиция Канта. Она оказалась вполне сродни размышлениям, опирающимся на анализ действительности последних десятилетий XX века и первого десятилетия XXI века.

Гуревич П. Будем исходить из посылки, что одна из неоспоримых и вечных проблем социальной философии — как обеспечить развитие и не утратить обретенную стабильность? Аристотель даже формулировал мысль о том, что угроза распада общества в известной степени полезна, желанна, ведь, вызывая страх, она побуждает к лояльности, к приверженности существующему государственному строю.

Луков В. Стабильность выступает как своего рода рамка и сознательных, и спонтанных действий, которую переходить нельзя при всем желании человека к свободе своих мыслей и действий. Отсюда требование верности закону, даже своеобразный культ его, убежденность в его значимости для стабилизации общественного устройства. Интересно, что в поисках прочной социальной организации античные мыслители ориентировались на природу. Вообще говоря, идея стабильности в социальную философию пришла из естествознания, из понимания покоя как особого состояния движения, когда качества предмета не меняются. Собственно, это и есть стабильность. При этом стабильность целого может сочетаться с динамичными изменениями частей, но

такими, которые не покушаются на преобразование целого. В обществе это особенно очевидно, и не случайно в символике социального порядка такую роль во многих культурах играет неподвижное сидение лица, олицетворяющего высшую власть.

В одной из китайских притч хорошо показано противостояние движения неподвижности как особого свойства, принадлежащего избранным. Один император, объезжая по делам свои владения, много раз видел юношу, неподвижно сидящего под деревом в одной и той же позе. Император все же однажды нарушил покой юноши и так молвил ему: «Твое безмолвное сидение напомнило мне историю Будды, и я полюбил твою тишину и твою безмятежность». Император пригласил юношу к себе во дворец, пообещав окружить его заботой. Юноша встал и ответил: «Пойдем». И этим своим быстрым движением смутил императора: ореол святости сразу пропал. Дальше в притче история приобретает новый оборот, но он для нашего разговора неважен.

Буева Л. Позволю себе привести пример из более близкой истории. Писательница Ванда Василевская в одном из романов показывала, что в панской Польше считалось неприличным ходить быстро. Если твой социальный статус высок, неизменен, то зачем ускорять движение?

Луков В. Да, неплохо. Знаковость неподвижности правителя в официальных церемониях как свидетельства устойчивости его власти требовала особой тренировки, особых одеяний, скрадывающих движения, особых символических предметов, которые попросту занимали руки (как скипетр и держава у русских царей). И дело не только в требованиях ритуала, но и в убежденности, что именно стабильность нужна стране, народу, государству как неперемное условие «хорошей жизни». Это и сохранила как своего рода архетип социальная философия, даже когда динамичные перемены не только в частях, но и в целом стали неизбежны.

Гуревич П. Все это так. Тем не менее, меня не покидает ощущение, что социальная философия сталкивается сегодня с такими проблемами, которые не возникали в истории человеческой мысли. Посещала ли Н.Макиавелли мысль о том, что в условиях тотального противоборства государств именно маленькая страна будет в состоянии оказывать сильное влияние на мировую политику? Способен ли был кто-нибудь из европейских мыслителей догадаться, что в наш век Китай, для них символ патриархальности, будет претендовать на положение первой мировой державы? Мог ли, к примеру, Кант предвидеть, что народ современной державы станет осуждать правителя, но получать в результате массового голосования совершенно противоположный результат? Предполагал ли Гегель, что в отдельно взятой европейской стране избранный президент на другой день после окончания подсчетов голосов начнет сажать в тюрьму других соискателей этого же поста?

Луков В. Но ведь это не парадоксально, что представления о стабильности общества менялись. Гегелю было сподручно рассуждать об идеальности конституционной монархии в условиях относительно мирного развития европейского общества.

Гуревич П. Но человечество не стояло на месте. Менялись орудия труда, средства сообщения. Колесо, плуг, судно, станок... Неторопливо крутились жернова мельницы. Медленно плыли каравеллы по просторам еще не освоенных морей. Сначала ветер ударил в паруса. Затем стремительно завертелись

лопасти паровой машины. Бешено нарастала скорость. Побежали металлические рельсы. Звук помчался по проводам. Без проводов... Самолет облетел земной шар. Ракета ушла в космические дали. Планету опоясали информационные нити. Менялись и преобразовались политические режимы. Возникли новые формы человеческого общежития. Рождалась идея гражданского общества. Человечество прошло через опыт тоталитарных режимов.

Луков В. Вы, Павел Семенович, точно сказали: человечество прошло через опыт тоталитаризма, это, в известном смысле, общепланетарное явление, если иметь в виду сменяющиеся фазы общественной организации жизни homo sapiens, а не только фрагмент российской истории, особо рьяно осуждаемый сегодня. Кстати, нередко теми, кто немало в свое время сделал для утверждения тоталитаризма в общественном сознании. Формы демократических и тоталитарных режимов в определенных условиях стремительно сменяют друг друга, как будто обмениваются энергией социетальных (т.е. в масштабах общества как целого) взаимодействий. В этой связи позволю себе заметить, что попытки объяснить тоталитаризм свойствами некоторых личностей или партий неубедительны. Абсолютная монархия XVI–XVII веков характеризовала не одну, а многие страны Европы. Точно так же черты тоталитарных режимов в XX веке обнаруживаются не только в СССР или Германии, но и в США, сколько бы ни говорили о свойственных Америке гражданском обществе, правовом государстве или «подлинной» демократии.

Буева Л. Ведь это Теодор Адорно, завершая свое исследование о немецком общественном сознании Германии, пришел к выводу, что тоталитарное мышление едва не укоренилось и в Америке. Лишь некоторые демократические механизмы не позволили этому случиться.

Луков В. Иными словами, тоталитарные черты закономерно появляются в обществе на определенной фазе его развития, хотя могут и различаться по формам своего проявления. Иногда эти различия затушевывают существо вопроса. Интересно отмечать, например, что «круговорот элит», раскрытый Вильфредо Парето через образы смены власти «львов» и «лисиц», в литературе по политологии обычно представляется в рамках демократического процесса. А ведь это образы, почерпнутые Парето из «Государя» Макиавелли, где они включены в атрибуцию диктаторского типа правления. Да и Парето, поддержавший Муссолини и согласившийся стать сенатором в момент, когда итальянский фашизм оказался у власти, не под демократию конструировал теорию круговорота элит. Этим, среди прочего, подтверждается относительная независимость политических форм от политических содержаний и их (-форм) приспособляемость даже к альтернативным трансформациям общественного устройства. Возможно, именно в этом заключена многозначность известного китайского предупреждения о гибельности «эпохи перемен».

Буева Л. Да, кстати, хорошо ли жить в эпоху перемен?

Луков В. Недавно в Интернете я наткнулся на сайт, где некая «девушка, живущая в Сети», занимательно высказалась по этому поводу: «Я раньше искренне считала стра-а-ашным старинное китайское проклятие «Чтоб тебе жить в эпоху перемен»... А с некоторых пор считаю, что это не проклятие. Это пожелание. Конечно, не для всех, но для инициативных, энергичных современных людей — да!». Вот такое пожелание-предупреждение. Хорошо ли жить в эпоху перемен? Действительно ли это проклятие? Как ответить на эти вопросы

с точки зрения вектора истории, с позиции благополучия человеческой жизни? Западный мир, захваченный революционным неврозом, может быть, не согласится с цитированным китайским суждением или перевернет его, как «девушка, живущая в Сети». Но не секрет, что многие европейские мыслители считают, что отход от традиционного общества следует оценить лишь как регресс, как нисхождение, а не как прогресс. Они пишут о том, что мировая история представляет собой последовательное нисхождение человечества от золотого века к такому, который Гесиод назвал железным. Аналогом ему является темный век в индуистском учении, который можно охарактеризовать как переход в свободное, хаотичное состояние материальных, психических и духовных сил. Юлиус Эвола указывает, что эпицентром подобного развития событий стало западное общество, от которого началось стремительное расползание кризиса по всей планете. Рене Генон также говорит о возвращении истинных смыслов, которые утрачены нестабильным западным обществом. Нестабильность — неотвратимая плата за усложнение общественной жизни.

Гуревич П. При этом и Эвола, и Генон подчеркивают, что мир традиции, несмотря на все разнообразие своих исторических форм, отличается своим сущностным тождеством или неизменностью. Отступление от традиции чревато ухудшением духовного качества жизни, нарастанием катаклизмов, отказом от священных норм, провалом в хаос и беспорядок. При рассмотрении темы стабильности общества мы, вероятно, не можем игнорировать этот пласт философской рефлексии. Тем более, что он становится особенно популярным в наши дни. Социальная критика утверждает, что без возвращения к традиции, без возрождения ее основ современная цивилизация обречена на бесконечные конфликты, войны и хаотическое разложение.

Луков В. Здесь важно уточнить, что такое общество — некая мистическая целостность или социальный агрегат. Многие философы, чтобы показать, что общество является не просто сложным механизмом, объединяющим разные стороны жизни людей, а целостным образованием, сравнивают общество с организмом. Сравнение такого рода можно встретить у Платона, Аристотеля, Гоббса, Руссо, Конта, Спенсера. У Спенсера, например, одна из глав «Оснований социологии» так прямо и называется «Общество есть организм». Он обозначает ряд сходств между биологическими и социальными организмами и, прежде всего, то, что и те, и другие способны и стремятся расти, увеличиваются в объеме. Но все же аналогия здесь неполная, поскольку в биологическом организме, как говорил Спенсер, части образуют конкретное целое, в социальном — возникающее целое дискретно, т.е. элементы свободны и рассеяны и не существуют ради целого (напротив, целое существует ради таких элементов — попросту людей), а, кроме того, в биологическом организме способность чувствовать и мыслить сосредоточена лишь в каких-то частях целого (в голове), в то время как в обществе все элементы имеют свою голову, так сказать, и способны чувствовать примерно одинаково. Можно, конечно, относиться к такому сравнению, как к метафоре, но такой, которая имеет несомненные эвристические резоны.

Буева Л. Известно, что Бердяев подробно рассматривал эту оппозицию — организм и организация. Организм рождается из природной космической жизни, и он сам рождает. Признак рождения есть признак организма. Организм не есть агрегат, он не составляется из частей, он целостен и целостным

рождается, в нем целое предшествует частям и присутствует в каждой части. Организм растет и развивается. В организме есть целесообразность, имманентно ему присущая.

Луков В. Еще интереснее то, что понимание общества как организма стало одним из постулатов «Логической социологии» А.Зиновьева, т.е. спустя больше века в совершенно иных условиях жизни и на совершенно другом уровне развития науки органицизм возрождается как самая современная теория общества.

Гуревич П. Отдельные элементы общества обладают относительной самостоятельностью, но они действуют согласованно и управляются единым принципом. Но современная социальная практика показывает, что отдельные социумы утрачивают необходимую соразмерность. Сводится до минимума, к примеру, духовная сфера общества, но при этом технический прогресс принимает облик флюса. Политика способна проникнуть во все сферы общественной жизни, создавая феномен тотальной политизации. Религиозный фундаментализм видит свою миссию в том, чтобы до предела обуздать светские формы общественной жизни.

2. Что скрепляет общество и обеспечивает ему стабильность — экономическое благоденствие, духовность, национальная идея, нравственная высота?

Луков В. Вопрос: «Можно ли считать такое «скособоченное общество» стабильным или это предвестие распада, социального крушения?». Считают, что впервые употребил слово «стабильность» применительно к обществу Н.Макиавелли, адресуя к правителю требования обеспечивать единство государства и поддерживать его стабильность. Он полагал, что именно государство должно искать эффективные средства для достижения устойчивости общества. Это важнейшая часть политики государства, и здесь цель оправдывает средства. Однако современный политик подменяет эту первейшую обязанность — обеспечение гармонии в социальной организации — чем угодно, но только не этим принципом. Нынешний властитель может видеть свою миссию в экономическом подъеме страны, в повышении ее роли на международной арене, в обеспечении непрерывности власти, в создании новой элиты. Причем все эти партикулярные задачи не соотносятся с тем, что Макиавелли считал основной обязанностью политика. Главная сфера политической деятельности — выравнивание устойчивости и неустойчивости в общественном организме — остается, как правило, упущенной. Отсюда грандиозные провалы в судьбе многих политиков, в историческом измерении, в упущенных шансах.

Гуревич П. Мы, судя по всему, подходим к мысли, что традицию можно рассматривать как еще не до конца реализованный социальный проект. Возникает проблема: какое общество более стабильно — открытое (если пользоваться термином Карла Поппера) или традиционное? Отрыв от прошлого, от традиции все-таки начался, по-видимому, в эпоху Просвещения. Накопленный социальный опыт стал нередко оцениваться как органически захваченный иллюзиями, невежеством, предрассудками. Прогресс объявил тотальное противостояние традиции. Разумеется, в «науках о духе» много внимания уделялось кристаллизации духовного опыта. Однако именно Маркс назвал

традиции мертвых кошмаром, который тяготеет над умами живых. В целом же традиция для просветителей была великим «Другим». Мы хозяева прошлого — таков был взгляд этой эпохи на традицию.

Буева Л. Однако после преодоления в XVIII веке кризиса в понимании традиции сформировалась определенная тенденция искать смыслы в историческом прошлом. Хейден Уайт рассматривал философию истории Гегеля не более чем попытку ухода от исторических сомнений и споров, оставшихся после Канта. Ницше решительно возражал против того, что социальное бытие становится действенным только в связи с появлением нового. Началось фактическое испытание прошлого. Политическая история стала оперировать символами, установками и ментальностями. Восстановились идеи вчувствования в историю, идентификации себя с людьми, которые жили в прошлом. Зазвучал вопрос: что создает смысл в истории? Возник интерес к тому, как люди в прошлом переживали свою «реальность». Актуальной стала проблема трансляции смыслов.

Луков В. Интересна мысль о традиции как незаконченном социальном проекте. Думаю, незаконченном — в том смысле, что финал и не проектируется, а законченность проекта (без этого проектирование невозможно вести в реальном измерении) строится по другому основанию: она не в постановке последней точки на прямой линии, а в свертывании прямой в окружность, что делает проект цикличным, все время воспроизводимым и все время повторяемым. Как только круг разорван, возникает переход в неизвестность, неопределенность, а значит — в нестабильность. И это не только общетеоретическое рассуждение. Значение разрыва привычного круга для социальных взаимодействий и для социальной экологии показали почти сто лет назад ученые, составившие так называемую Чикагскую социологическую школу. Я имею в виду работы Р. Парка и его последователей (профессоров и студентов Чикагского университета), включившихся в решение сугубо земных задач по снижению социальной напряженности в отдельно взятом городе. Тогда-то «чикагцы» американец У. Томас и поляк Ф. Знанецкий в знаменитом исследовании «Польский крестьянин в Европе и Америке» показали, как из факта перемещения людей из одних социальных условий в другие вытекают перемены в их ценностных ориентациях, делающих возврат к освоенным ранее традиционным социальным практикам невозможным.

Буева Л. Именно представители данной школы стали изучать процессы социальной организации и дезорганизации, формы социальной организации, расовые и этнические отношения. Здесь социально-исторический фон оказался более углубленным, богатым. Более основательному изучению традиции содействовали работы Карла Манхейма, Арнольда Тойнби, Раймона Арона. Возник своеобразный феномен «эстетизации истории». Традиция превращается в исторический проект.

Гуревич П. Но не кажется ли вам, что приоритетность традиции в социальном устройстве была, по сути дела, сметена в XX веке различного рода вариантами модернизации экономического роста? Под традиционным обществом стали понимать наиболее архаичные этнокультурные образования, которые в основном изучались этнографами. И все же суть традиционных обществ связывалась с единообразием, неизменностью, интегрированностью и непрерывностью. Возникло стремление каким-то образом типологизировать эти социу-

мы. И здесь не случайно возникает осторожное, а иногда опасливое отношение к проблемам модернизации. Сам термин «традиционное общество» стал утрачивать эвристичность, поскольку социальная и культурная организации многих традиционных систем отличались разнообразием. Заговорили о том, что традиция далеко не всегда мешает модернизации. Поставили под сомнение само противопоставление традиции и современности.

Буева Л. Однако в современном сознании все-таки преобладает идея о том, что традиция захватывает всю культуру и в этом смысле мешает развитию общества.

Луков В. Мне так не кажется. Наоборот, сегодня повсеместно ощущается своеобразное разочарование в прогрессе, в неумолимом натиске новаций. Тема традиции врывается в социальную философию отовсюду. Расчеты глобализаторов на то, что архаические общества быстро и без сопротивления пройдут стадии осовременивания, не оправдываются. Многие культуры демонстрируют стойкость, которой как раз не хватает передовым отрядам цивилизаторов. Ядро многих культур обладает непроницаемостью, твердостью, что невольно возникает вопрос: может быть, западный мир пошел не по той магистрали? Здесь возникает немало парадоксального в сфере социокультурного бытия. Это можно увидеть во многих странах, у нас — тоже. Возрождение интереса к православию, появление из небытия дворянских собраний и всего того, что возвращается из царской России (включая даже формулу графа Уварова «самодержавие, православие, народность»), казалось бы, невозможно после советской эпохи. После четверти века погрома советских ценностей они уже не так отвергаемы, а в политике и в системе управления страной шаг за шагом восстанавливаемы. Все время звучит вопрос: кто мы? Поиск идентичности продолжается, и здесь традиция снова начинает обретать права на свой народ. И у нее, кроме привычных, — новая функция, а именно — «наш ответ Чемберлену» в условиях экономической, политической и культурной глобализации. Это способ самосохранения нации в меняющемся мире.

Буева Л. Некоторые социальные мыслители приходят к убеждению: без восстановления традиции мир ждет закат, смерть. «Как можно отделить народ от его корней?» — задается вопросом известный сегодня американский социолог Патрик Бьюкенен. Ответ его прост: уничтожьте память. Лишите людей знания о том, кто они такие и откуда они взялись.

Луков В. Эта мысль есть у многих российских деятелей культуры.

Буева Л. Вероятно, консервативный манифест Никиты Михалкова лежит в той же плоскости. Он — за восстановление исторической памяти, традиции. Один из персонажей романа Милана Кундеры «Книга смеха и забвения» говорит: «Первый шаг к ликвидации народа — это стирание памяти. Уничтожьте его книги, его культуру, его историю. Потом попросите кого-нибудь написать новые книги, сфабриковать новую культуру, изобрести новую историю. Вскоре народ начнет забывать, кто он и кем был?» Чтобы создать «новую нацию», модернизаторы создают новую историю.

Гуревич П. Не первый раз в истории политики вспоминают спасительную роль традиции в экстремальных ситуациях. Сталин напомнил о наших великих предках и героях в суровые годы войны. Афроцентризм возник, как реакция на прогрессистскую экспансию в виде попытки противопоставить африканскую культуру западной. Немецкий исследователь Л.Фробениус полагал,

что восточным культурам присущи «пещерное чувство», неподвижность, идея судьбы; европейским культурам — «чувство дали», динамичность, идея личности и свободы.

Развившаяся на рубеже 50–60-х годов прошлого столетия концепция самобытности и самоценности африканцев раскрывала глубочайшие различия между европейцами и африканцами. Европейец живет разумом, африканец — чувством; европейец — логикой, африканец — ритмом; европейец — расчетом, африканец — слиянием (растворением), европейец — потреблением («пожиранием»), африканец — сопереживанием (уподоблением), европейец — земным (заземленным), африканец — космическим (возвышенным); европейец — плотским, африканец — духовным.

Невозможно познать весь мир, охватить множество социальных и культурных форм в процессе их трансформации. Сегодня мы живем в мире информационной экспансии, рыночная стихия захватывает все секторы жизни человека, происходит глобализация сетей мгновенной связи.

Луков В. Одновременно социальные мыслители ставят вопрос о том, чтобы «порвать с развитием». Французский патриарх социологии Эдгар Морен в своей новой книге «К пропасти?» вообще предлагает освободиться от термина «развитие», пусть даже улучшенного в виде формулировки об устойчивом, обоснованном или гуманистическом развитии. Действительно, надо подумать над этой проблемой. Ведь термин «развитие» подразумевает, что технико-экономическое развитие как локомотив естественным образом вовлекает в свое движение самого человека. Морен отмечает, что «развитие» является типичным мифом западного социализма. Он показывает, что западная идея прогресса, идея «развития» игнорирует то, что нельзя отразить в цифрах и что нельзя измерить, то есть то, что есть сама жизнь, что есть страдание, радость, любовь.

Гуревич П. Морен пытается придать понятию «развитие» антропологическую полноту.

Луков В. Все это, конечно, можно назвать спором о словах, но за ним есть и действительная опасность для стабильности общества. Я уже обозначал ее: человек, вооруженный идеей развития, приступил к переделке, усовершенствованию своей собственной биологической природы. Тут уже давно речь идет не о единичных экспериментах чудаков-энтузиастов, а о, так сказать, фабричной практике, которая в ближайшие лет пять-десять заявит о себе с самой неожиданной стороны. Некогда сформулированная Эдвардом Уилсоном концепция социобиологии была раскритикована в научном сообществе за биологизм, но к проблеме можно подойти и с другой стороны и увидеть тесную связь «совершенствования» биологической природы человека с современным состоянием и путями развития общества. При таком повороте темы это уже не социобиология, а биосоциология, над обоснованием которой мы начинаем сейчас работать в Московском гуманитарном университете. Само движение в сторону к «сверхчеловеку» означает нарастание в обществе неуверенности в способности человека обычного сохранить себя и мир в нынешних условиях — повсеместно кризисных.

Гуревич П. Слово «кризис», которое не сходит с обложек многих западных книг, как и выражает идею нестабильности, непрочности социального бытия. Деградация, хаос, катастрофа — вот реальные опасности, которые переживает современное общество. С другой стороны, возвращение к прошлому суще-

ствуется сегодня в тысячах форм регрессивных утопий.. Первые большие национальные государства, как пишет тот же Эдгар Морен, сформировались в течение длительного исторического времени как результат миграций и интеграций самых разнообразных этносов. Сегодня же мы видим упорное стремление моно-этносов к самоопределению на своей национальной основе.

Луков В. Вполне очевидно, что общество может скрепляться одним важнейшим для него фактором. Скажем, средневековые интегрировались духовностью, Новое время стремилось выстроить социум по меркам науки. Бердяев называет античную культуру вечным источником всякой культуры. Но он же задается вопросом, отчего пала Римская империя? Философ отвергает историческую версию, согласно которой она исчезла под ударами варваров. Бердяеву понятно, что были внутренние причины падения эллинской культуры. Ей не хватало духовной полноты. Он же пишет о том, что языческое искусство привязано к земной жизни. Оно никуда не зовет. В нем, по словам Бердяева, нет трансцендентной тоски, под ним и над ним не раскрывается бездна. Выходит, небо разомкнулось над христианским миром. Европейская культура испытала мощный трансцендентный зов.

Буева Л. Не только эллины, но и мы с вами переживаем исторические катаклизмы, которые настигают нас как будто внезапно. И оказывается, ни один пророк не предрек такую возможность резкого слома общественной жизни. Возьмем, к примеру, распад СССР. Мы до сих пор не осознали до конца, в чем причины этой, как отмечают наши политики, глубокой катастрофы. Американский социолог Иммануил Валлерстайн отмечает, что коллапс Советского Союза стал геополитическим бедствием для США и неизбежно приведет к упадку их могущества. Но он не склонен думать об этом событии как о геополитическом бедствии. По его мнению, смысл краха коммунизма — в окончательном крахе либерализма. Можно, разумеется, комментировать событие после того, как оно уже случилось. Но отчего рушатся политические режимы, почему на фоне кажущейся стабильности терпят невероятные разломы многие страны? Разве Эдуард Шеварднадзе, Юлия Тимошенко или Аскар Акаев не обещали своим подданным абсолютной устойчивости? Но для большинства активного населения подразумеваемых стран это обернулось сначала безнадёжностью, а затем и изгнанием политиков.

Луков В. В социальной философии мы находим множество версий, авторы которых пытаются найти главнейший фактор, обеспечивающий стабильность общества. Раньше других концепций возникло представление о том, что устойчивость общества определяется главным образом духовностью. Этот взгляд изложен еще в религиозных воззрениях на мир и общество. Наиболее развернутое выражение такая концепция получила в трудах Августина Блаженного. Он изобразил всемирную историю как реализацию заранее предуготовленного божественного замысла. Вектор развития — постепенное совершенствование и развитие града Божьего — царства божьих избранных.

Гуревич П. Русские религиозные философы тоже исходили из убеждения, что исторические судьбы народов уже определены божьей волей. Задача философа состоит в том, чтобы угадать этот жребий и следовать за ним, исправляя его «искажения» и «отступления».

Буева Л. Разумеется, такая позиция русских философов не предполагала социальной индифферентности. С какой страстью они обсуждали пути разви-

тия страны, возможности ее обустройства! Дело в том, что Запад считал русский народ неожиданным, непредсказуемым. Он словно соткан из противоречий — неудержимый взрыв насилия и вера в богочеловечество, свобода и покорность, мессианство и ощущение убогой жизни — с точки зрения стабильности историческая судьба России несла угрозу. Бердяев писал о генетической нестабильности России и выражал ее через ряд понятий — неожиданность, беспокойство, неудержимость, величие и ничтожность.

Луков В. Вероятно, сложность проблемы состоит в том, что понятие стабильности можно выразить только через историческую нестабильность. Теория катастроф Жоржа Кювье, надо полагать, неприменима к обществу. Иначе человечество не выходило бы из зоны бедствий. Но в этом потоке революций, потрясений, катастроф рождаются периоды относительной стабильности, своеобразная проверка на прочность. С.Франк отмечал поэтому, что живое пульсирующее бытие одновременно есть и возможность того, что может быть, и того, чего быть не может.

Буева Л. Петр Чаадаев в «Философских письмах» утверждал, что нестабильность проще связать с негативным состоянием, увидеть в ней отрицательное своеобразие России, а упорядоченный рационализированный универсализм Запада принять за положительное, достойное подражанию начало. Но ведь и Запад сегодня переживает нестабильность.

Гуревич П. Оковы стабильности мучительны. Но люди боятся потерянности в жизни. Русский народ сегодня действительно показал, что революции и реформы лучше отвергнуть ради прочности обыденной, рутинной реальности. Бердяев говорил о том, что непредвиденное и неожиданное в нашей политике превращает нашу историю в фантастику и неправдоподобный роман.

Буева Л. У Франка есть такая мысль: «нестабильность является мощью бытия и играет в нем главную роль. Но может ли утешить фраза о том, что именно нестабильность выступает средством стабилизации ситуации? Так-то оно так. Но не очень хочется утешаться убеждением, что нестабильность — тоже благо. Важно понять механизм этой диалектики.

Луков В. Однако Камю все-таки поэтизировал нестабильность. Пожалуй, можно еще говорить и о других факторах, обеспечивающих стабильность общества. Многим социальным философам казалось, что источником стабильности являются не идеи, не духовный фактор в целом, а природные условия, которые сложились в том или ином районе мира. Так, французский просветитель Ш.Монтескье пришел к убеждению, что, прежде всего, климат определяет особенности того или иного общества и, в конечном счете, его устойчивость. Рассматривая географическую среду, он анализирует в основном климат и местность. Р.Арон, называя Монтескье первым социологом и связывая с ним появление географической школы в социологии, тем не менее, считал, что концептуальная разработка такого вида стабильности довольно бедна.

Гуревич П. Однако сегодня идеи Монтескье получают неожиданное признание. Благополучие тех или иных стран напрямую связывают в наши дни с природными богатствами. Некоторые страны Ближнего Востока, например, Кувейт или Саудовская Аравия, считаются стабильными, поскольку они обладают огромными разведанными запасами нефти. Известно, что первые экономические успехи США во многом определялись обилием свободных земель, которые были использованы для сельского хозяйства.

Луков В. Но, во-первых, само богатство не является признаком стабильности. А, во-вторых, скажем, Япония не является исключительным владельцем природных ресурсов. Но, тем не менее, она превратилась в одну из богатейших стран мира, что обеспечило данной стране и относительную устойчивость в современном мире.

Буева Л. Но, кстати, сытая жизнь, богатство совсем не гарантируют стабильности. Известен парадокс Токвиля, который подтверждает, что в истории недовольство вспыхивает вовсе не тогда, когда народ бедствует, а, напротив, когда наступает относительное благополучие. Он показал, что экономическое процветание зачастую порождает разочарование, рождает чувство неуверенности и непрочности бытия. Вот тогда-то и наступает время революционных выступлений. Огромную роль в преобразовании мира играют социальные изменения. Революции, войны, реформы подчас радикально меняют мир. Люди нередко оказываются в ситуации, которую можно назвать «скачком времени». Пелопонесская война, например, была по современным стандартам небольшой стычкой. Когда Афины, Спарта и несколько близлежащих городов-государств сражались, население остальной части земного шара в большинстве своем не знало о войне и не было ею затронуто. Индейцы из племени запотеков в Мексике совершенно о ней не подозревали. Древние японцы не чувствовали ее влияния.

Гуревич П. Нельзя не заметить, что именно природный, географический фактор стал сегодня фактором, разрушающим социальную стабильность. Посмотрите, как все европейские страны неожиданно начали бороться за Антарктиду, за ее пока неизвестные ресурсы. Возник спрос на продовольствие, чистую воду. Многие страны с вожделием смотрят на озеро Байкал, невиданный резервуар пресной воды. Сегодня 90% ископаемых принадлежит государствам, на территории которых они залегают. Стремительное развитие получает мировая экономика. Сравнительно недавно в эту сферу вступило около 2 миллиардов людей. Не приходится спорить с тем фактом, что великие цивилизации рождались в бассейнах рек. Китайская цивилизация сложилась на берегах Хуанхэ и Янцзы. Индийская цивилизация не простиралась дальше бассейнов Тигра и Евфрата. Древний Египет возник на берегах Нила.

Луков В. Но в современных условиях географический фактор важен только потому, что подчинен экономике. Один из расхожих стереотипов современной социальной теории: стабильность утверждается там, где укоренилось экономическое процветание. Этому содействовало представление об экономике, как сугубо рациональном средстве социального благоустройства. Кризис, казалось бы, убедил человечество, что экономика ни в коей мере не может быть универсальным средством благополучия общества. Надо к этому добавить, что мы сейчас говорим об обществе индустриального типа. В информационном обществе географический фактор будет рассматриваться совсем иначе, многие нынешние вызовы и риски отойдут на задний план, а на переднем окажутся совсем иные проблемы, и прежде всего те, что связаны с трансформацией природы человека (трансгуманизм и т. д.). Пока мы еще далеки от того, чтобы эту перспективу рассматривать как наступающую социальную реальность.

Буева Л. Но я пыталась заговорить о так называемом революционном неврозе. Нельзя, видимо, пройти мимо таких исторических ситуаций, когда у

народов нет другого выхода, кроме радикальной ломки угнетающего его строя. Так начинается обычно период насильственных переворотов. Так случилось и в Древнем Риме, и в мелких государствах, и в республиках Италии эпохи Возрождения, и в Англии, и в Нидерландах, и во Франции, и в нашей многострадальной России. Эту проблему авторы книги «Революционный невроз», выпущенной, по-моему, у нас в 1998 году, оценивают как некий психологический фантом.

Гуревич П. Увы, история ничему не научает, печально констатировал Гегель. Глобализирующийся мир снова делает ставку на конкуренцию и потребление. Россия ждет повышения цены на нефть.

Луков В. Не совсем так. Во многих странах сегодня идет отчаянный поиск новых моделей экономического развития, которые исключали бы дух нещадной конкуренции. Достаточно указать на популярность идей французского исследователя Марселя Мосса о дарении. Он показал, что в архаических племенах существовал феномен дарения, который отражал специфику обмена жизненными благами. Дарение не предполагает эквивалентности товарных отношений. Оно осуществляется по кругу и имеет огромный моральный смысл.

Гуревич П. Современная экономика с ее культом состязательности, разумеется, содействует динамике общества, но, по-моему, в этом смысл работы М. Мосса, не закрепляет его устойчивость. Экономика как специальная дисциплина всегда ориентировалась на человека рационального типа, способного руководствоваться здравым смыслом и пониманием собственной выгоды. Если в процессе обмена я вам предлагаю сапоги, а вы мне — свистульку, то операция не состоится. Именно поэтому в структуре экономического знания не рассматривался феномен иррационального человека, сложности и неисчерпаемости его психологического мира. Многие современные эксперты утверждают, что идея состязательности, как она сложилась в античном мире, затем подверглась порче, была извращена.

Буева Л. Отличительная черта греческого быта — неудержимое стремление к любым состязаниям почти во всех сферах общественной жизни. Агон (греч. борьба, состязание) — во многом определял дух этой культуры. Агонистика, о которой так много пишут сегодня, — это попытка анализа борьбы, соревнования, соперничества. Состязание может быть самым разнообразным: в силе, ловкости, красоте, хитрости, богатстве, щедрости (так называемом «потлаче» — ритуальном празднестве с приношением даров у американских индейцев), обладании, потреблении. Но в любой форме и любом виде оно наносит моральный урон. Состязание даже в искусстве, в спорте, в какой сфере оно бы не обнаруживалось, разводит участников в противоположные стороны, порождая победителя и побеждённого.

Гуревич П. Но в том и дело, что состязательность в античном мире была направлена на самоутверждение личности. Она вовсе не предполагала унижения побежденного, даже в случае гладиаторского боя. Иначе говоря, агонистика все-таки в ее изначальном варианте предполагала взаимную помощь ради утверждения победы. Речь шла об общем успехе, который предполагал и дух сотрудничества. Строго говоря, нечто близкое мы обнаруживаем и в современной японской культуре. Недопустимо, к примеру, унижение партнера, который проиграл в состязательности. Дух солидарности пронизывает экономическое соперничество.

Луков В. Однако уже в Новое время состязательность в экономической сфере стала преследовать иные цели — полное устранение соперника. Культ силы, в свою очередь, порождает принятие насилия как естественное явление. И оно становится нормой повсюду: и в семейных отношениях, и в детских учреждениях, и в сфере экономики, и в коммерции, и в сфере политики. Й.Хейзинга писал о том, что культ победителя, культ силы порождается цивилизацией, основанной на состязательности. Но что же получается? То, что когда-то обеспечивало мощную социальную динамику, сегодня нередко оказывается мощным фактором дестабилизации. «Пусть неудачник плачет». Отсюда укоренившееся в европейской культуре убеждение, что все слабое, нежизнестойкое должно исчезнуть. Право на существование имеет только победитель. Поэтому экономически несостоятельные народы должны, по сути дела, исчезнуть. Слабого (старика, женщину, инвалида, сироту) в этом мире трудно защитить. Но общественное сознание болезненно реагирует на ущемление малоэффективных слоев социума (пенсионеров, маргиналов, неимущих).

Гуревич П. С этой точки зрения, появление нового, более современного, имеет неоспоримые преимущества перед тем, что выпадает из конкурентного поля. Рационализм проявляется в том, чтобы немедленно заменить все устаревшее, изжившее себя на все, что отмечено флажком победителя. Новации — пароль нового мира. Разрушение оказывается в наши дни необходимой прерогативой созидания. При новой планировке города уничтожаются целые кварталы. Прокладывание новой трассы оправдывает вырубку леса. Мода выбрасывает в утиль вещи, которые еще могли бы приносить пользу.

Буева Л. Парадокс же состоит в том, что информационная революция, которая была призвана обеспечить более действенный механизм управления, сама же его и разрушила. Процессы управления начинают давать сбой, возникает угроза общественных катаклизмов. Такая ситуация в истории возникает не впервые. После изобретения книгопечатания возникли сложности освоения новых информационных пластов, которые вызвали к жизни злодейские религиозные войны. В результате Тридцатилетней войны, к примеру, население Германии сократилось вчетверо.

Гуревич П. Итак, прежняя модель «экономического человека», действующего сугубо рациональным образом, ориентируясь на сухой подсчет соотношения издержек и прибылей, распадается на глазах. Меняется и отношение к культуре, которая прежде мыслилась в виде своеобразного архитектурного украшения, некоего необязательного дописка к общей экономической картине. Теперь же наиболее авторитетные специалисты анализируют культуру в качестве основы экономики, фундамента «хозяйствующего человека».

Луков В. Рассматривать духовные, ценностные, этические проблемы, оказывающие воздействие на экономику, как некие привходящие факторы, сегодня не представляется возможным. Приходится все чаще отвлекаться от образа рационального индивида как главного субъекта экономики, изначально располагающего значительным потенциалом предприимчивости и конкурентоспособности.

Гуревич П. Основные универсалии константы человеческой истории, такие, как общественный прогресс, вечность жизни, круговорот экосистем, утрачивают свое значение в современном нестабильном мире. Между тем обожествление экономики — сравнительно недавний феномен. Ведь на протяже-

нии многих этапов человеческой истории экономика не играла решающей роли в судьбе человечества. Роль стабилизатора брали на себя религия, культура, философия, идеология, искусство.

Луков В. Многие социальные критики указывают на то, что скрепить общество можно только на путях торжества морали. Кант писал о том, что «истинная политика не должна делать ни шагу, не присягнув заранее морали». Аналогичной точки зрения придерживался и Ж.-Ж.Руссо, который утверждал, что тот, кто пытается отдельно рассматривать политику и мораль, никогда ничего не понимал ни в политике, ни в морали.

Гуревич П. Я хочу вернуться к мысли о том, что современная политическая практика во многом далека от тех установлений, которые казались незыблемыми для социальных мыслителей прошлых эпох. Т.Гоббс считал, что важным фактором сохранения стабильности может считаться идея самосохранения человечества. Но современный кризис можно назвать апокалипсическим. Мировая история показала, что человечество постоянно балансирует на грани собственного выживания, и мысль о разумном устранении разных катастрофических угроз не получает практического подкрепления.

Буева Л. Кант настаивает на идее общественного договора, но имеет в виду устранение тех политических режимов, которые не соответствуют идее правового государства. Он убежден в том, что на деспотическое поведение государства индивид может ответить отказом от граждански-добродетельного поведения. Разумеется, поведение граждан служит важным фактором, который свидетельствует о нестабильности общества. Сегодня кипит Греция, бунтует Франция, протестует Германия. Однако лидеры этих стран на самом деле не могут справиться с проблемами, которые возникают на путях экономического процветания. Приходится урезать права граждан, уменьшать оплату труда, поднимать порог пенсионного возраста. Но разве митинги, разоряющие города, обеспечивают стабильность?

3. Оправдано ли стремление нынешней власти утвердить сохранение стабильности как главной задачи России или это приведёт к застою? Как обеспечить модернизационный рывок страны и не вызвать разлад в обществе?

Гуревич П. У меня в руках книга Эриха Соловьева «Категорический императив нравственности и права». Автор пишет: «Будучи противником народо-властия, Кант подчеркивает, что в то же время единственной мерой, способной предотвратить конфликт, является такой образ правления, при котором глава верховной власти в каждом акте вел бы себя как проводник народной воли. Для того чтобы действия главы государства были строго-правовыми, он должен, иными словами, как бы рефлексировать волю народа в свою волю, суверенитет народа — в свои суверенные решения». Но современная власть в России менее всего озабочена тем, чтобы выразить волю народа. Наоборот, Государственная Дума нередко принимает решения, которые сулят выгоду только властителям, но при этом ущемляют права народа.

Луков В. В современной общественной мысли есть еще одна, связанная с возможной стабилизацией социальной жизни. По мнению американского социолога Э.Тоффлера, «мы вступаем в эру метаморфозы власти. Мы живем в

момент, когда вся структура власти, скреплявшая мир, дезинтегрируется. Совершенно иная структура обретает форму. И это происходит на всех уровнях человеческого общества».

Буева Л. Речь идет, как я понимаю, о компьютерной демократии. Энтузиасты данного проекта убеждены в том, что компьютерная демократия уравнивает людей в большей степени, нежели любая социальная революция. Представительная демократия окажется ненужной. Оказывается, утверждают сторонники данной позиции, любой вопрос можно будет решить с помощью моментально проведенного референдума. Но, скорее всего, изменится принципиально сам способ управления обществом и государством. Правительства в том виде, который нам известен сегодня, не будет. Исчезнут министерства, ведомства, многочисленные сегодня бюрократические заповедники, все чиновничье сословие в целом. Они будут не нужны. Вероятнее всего, функции государственного управления возьмет на себя сложная, самообучающаяся компьютерная программа с подстраховкой группы специалистов.

Луков В. Этот энтузиазм завораживает. Вы, я думаю, излагаете идеологию «компьютерной демократии», как ее представил Институт прогнозирования (общественная организация). В самом деле, впечатляюще звучит: «Мощный компьютер в управляющем центре сможет одновременно вести диалог с сотней миллионов своих «подопечных». Кроме всего прочего, такое «виртуальное правительство» обязательно будет руководствоваться принятыми законами и правилами, добиваться выполнения заранее намеченных целей. Вот по поводу этих целей, правил и законов может идти борьба политических партий общества Будущего. Партии смогут отстаивать различные методы и цели развития. Окончательное решение выскажут граждане на всеобщем референдуме с помощью компьютерного голосования. Разумеется, что в такой системе управления обществом станет невозможным обман, злоупотребления властью в целях личной наживы и многое другое из того, чем «больна» нынешняя система власти. Нет никакого сомнения в том, что такая компьютерная система управления будет тысячекратно более эффективной и дешевой по сравнению с нынешней». Впечатляюще, но и наивно и без всякого представления, что в этом направлении уже делается и какие проблемы при этом возникают.

Гуревич П. Мы видим, что многим философам мнится, будто можно указать на одну-единственную причину, которая сцементирует общество и сделает его стабильным. Сейчас мы осознаем, что устойчивость общества зависит от многих факторов. Пушкин, между прочим, признательно цитировал Рене Шатобриана: «Порядок общественный, вне порядка политического, составлен из религии, умственной деятельности и промышленности материальной. Во всяком народе во время величайших бедствий и важнейших событий священник молится, стихотворец поет, ученый мыслит, живописец, ваятель, зодчий творят и зиждут, ремесленник работает. Смотря только на них, вы видите мир настоящий, истинный, неподвижный, основание человечества, чуждый обществу политическому. Но священник в своей молитве, поэт, художник, ученый в своих творениях, ремесленник в своем труде открывают от времени до времени, в какую эпоху они живут, в них отзываются удары событий, от которых сильнее и обильнее текли их жалобы, их пот и дар вдохновения».

Луков В. Видимо, наш анализ окажется неполным, если не затронуть проблему социального хаоса. Традиционная социальная мысль, идущая от немецкой классики, имела в качестве объекта изучения относительно стабильное общество и изучала процесс разворачивания системы в целом. Но сегодня нам все чаще приходится иметь дело с такой ситуацией, когда одна социальная система уже разрушена, а другая еще не сложилась. Так возникает социальный хаос. Его видимыми очевидностями оказываются локализация социального пространства и распад социальной идентичности. Хаотические процессы вызваны резким возрастанием «напряжения цивилизации» (К.Поппер). Функционирование планетарных систем — коммуникативной, политической, транспортной, энергетической — рождает опасность распада целого, разрушения гармонии, хаоса.

Буева Л. По мнению Генона, чисто социальные трансформации никогда не могут привести к установлению истинной стабильности. Идеи «равенства» и «прогресса» неслучайно появились в XVIII веке. Они, по мнению данного эзотерика, оказались результатом «гипнотического внушения». Государство в его современном понимании есть не что иное, как простое представительство масс, не отражающее более никакого высшего принципа. Чтобы избежать социального хаоса, Генон предлагает возродить интеллектуальную элиту. Однако как это возможно в современном мире? Как выпестовать интеллектуалов, если на представительство в этой стране претендуют дети олигархов, совершенно не связывающие интеллектуальность с высоким социальным призванием?

Луков В. Здесь мне кажется, мы имеем дело с еще одной оппозицией — «хаос» и «порядок». Дело в том, что классические работы видных социологов исходили из определенного образа социума. Деятельность институтов такого общества поддерживается простой логикой общественного развития. Кризисы в этом контексте связываются с дисфункциональностью, то есть нежеланием народа или определенной его части поддерживать сложившийся порядок. Социальный хаос — это граница в развитии общества. Вебер и Дюркгейм усматривали в хаосе свидетельства очевидного регресса. Социальный хаос является реальным, когда индивиды или крупные социальные группы отказываются действовать по принципу социальной солидарности. При этом позиции социологов разнятся. Дюркгейма тревожит культ индивидуализма, а Вебера — всеобщая рационализация общественной жизни.

Буева Л. С этой точки зрения, как это ни парадоксально, бюрократизация нашей действительности порождает социальный хаос. Скажем, российское Министерство образования стремится полностью регламентировать сам процесс обучения во всех его деталях. Градус порядка оказывается предельно высоким и приводит к хаотичности, к беспорядку. Многие социальные мыслители говорят сегодня о том, что надо отказаться от идеи управляемого мира. В социальной реальности всегда есть элемент не-известности, непознанны.

Гуревич П. Многие традиционные общества, вставшие на путь модернизации, получают странный результат. Происходит распад общественных систем, разрушение культурных стандартов. И наоборот, согласно работам отечественных социологов, именно предрасположенность к социальному хаосу позволяет нашей стране добиваться модернизации и относительной стабильности. В печати часто приводят эпизод, который будто бы произошел с

австрийским философом и социологом К.Поппером. Однажды, когда ему было 14 или 15 лет и шла война, он прогуливался по Вене возле памятника Гутенбергу. Подросток размышлял о мире и демократии. Но вдруг ему в голову пришла мысль о том, что демократию невозможно сделать стабильной. Российская власть уже много лет говорит о стабильности нашего общества. Но не означает ли это, что в стране не будет демократии? Последние события, связанные с выборами в Белоруссии, судебным процессом над Ходорковским и Лебедевым, показывают, что перед нами стоит выбор: «или-или», как писал С.Кьеркегор.

Луков В. Изобличение демократии имеет длительную историко-философскую традицию. А. Токвиль понимал под демократией уравнивание условий жизни. Демократическим он считал общество, в котором больше не существует различий между сословиями и классами, в котором все индивиды, составляющие коллектив, равны в социальном плане. Под свободой Токвиль понимал отсутствие произвола.

Гуревич П. Любая демократия, по мнению Токвиля, неизбежно переходит в некий деспотизм, который рискует переродиться в деспотизм отдельного лица. Демократия постоянно чревата опасностью тирании большинства. Любой демократический строй утверждает: большинство право. А это означает, что в демократическом обществе будет преобладать пристрастие к равенству, оно возьмет верх над свободой. Материальное благополучие и равенство не могут, на самом деле, создать спокойное и удовлетворенное общество, поскольку каждый здесь сравнивает себя с другими и процветание никогда не гарантировано.

Луков В. Чистое народовластие, по мнению Бердяева, есть обоготворение человеческих желаний. «Народовластие как высший суверенный принцип не может гарантировать личности неотъемлемых прав, так как ставит судьбу людей в зависимость от субъективной, случайной, изменчивой воли людской «Демократия — такое же обоготворение воли людей, как и остальные формы государства».

Гуревич П. Вообще говоря, Бердяев справедливо критиковал индивидуализм. В 20-х годах прошлого столетия он пришел к убеждению, что демократия завершает свою историческую судьбу. «Демократия носит формальный характер, она не знает своего содержания, — писал он, — и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания. Демократия не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели». Народовластие, по мнению Бердяева, беспредметно, но не направлено ни на какой объект. Демократия, как он считал, остается равнодушной к добру и злу. Она носит секулярный характер. Демократия возникает, когда распадается органическое единство народной воли, когда атомизируется общество, когда гибнут народные верования, соединяющие народ в единое целое. По мнению Бердяева, кризис демократии давно уже начался.

Луков В. Может быть, демократия за эти десятилетия окончательно выработала свои резервы и мир вступает в принципиально новую полосу развития? Определенные резоны в такой постановке вопроса есть. Порой пишут: за годы существования демократии мы узнали, вычислили, определили, сколько человеку надо, чем его жизнь должна быть обеспечена, в каких условиях ему

надлежит жить, чем пользоваться, как перемещаться относительно неподвижных предметов, как строить свои отношения с другими людьми, с государством. Все эти нормы, принципы и параметры давным-давно стандартизированы, кодифицированы и конституированы, многократно подтверждены международным опытом, воплощены в соответствующих хартиях, конвенциях, договорах, соглашениях.

Гуревич П. По этой логике можно, к примеру, сказать: зачем нужно отправлять правосудие, когда все нормы зафиксированы в Уголовно-процессуальном и Административном кодексах? Человечество действительно знает, как нужно жить. Оно действительно давным-давно расписало все вдоль и поперек по поводу желаемого. Но демократия, вопреки Аристотелю, Токвилю и Бердяеву, оказалась живучей именно потому, что становится безмерно труднее примирить интересы все более и более поляризованного мира.

Луков В. Согласен. Демократия не узор на фасаде общественного здания, а форма правления. Никто никогда не рассматривал ее как венец творения, как божий дар на все времена. У любого апологета демократии можно отыскать немало стенаний по поводу того, сколь мучительны и дороги ее издержки. Но чем лучше другие формы правления?

Гуревич П. Один из отечественных политологов пишет: «Но теперь пришло время услуг и потребления, время стандартизованного, кодифицированно-прагматизма. Именно ему, а не демократии, принадлежит будущее».

Луков В. Мы так отчетливо представляем себе эту сферу услуг и потребления. Мы предлагаем Чечне оставаться в составе Российской Федерации, она нам в духе прагматизма — серию терактов. Мы оставляем социально необеспеченным слоям населения нищету и прозябание, они нам соответственно кодифицированное потребление. Мы, не растрачивая впустую силы и ресурсы, выбрасываем на рынок национальную идею, массы благодарно принимают ее через интернет-технологии.

Гуревич П. Демократия вошла в полосу умышленной фальсификации. Современная техника, силовые приемы решения, манипулятивные возможности все чаще рождают в политическом подсознании крамольную мысль: а не послать ли ее, демократию, к чертовой матери или, по крайней мере, не придать ли ей декоративный характер? Иногда мы ловим себя на смутном предположении: президентские выборы столь дорогостоящи, а итоги столь безутешны, что, может быть, было бы разумнее — назначить руководителя страны в узком круге политбюро.

Луков В. К. Поппер считал, что демократию невозможно сделать стабильной. Обратите внимание, что в любом современном обществе можно увидеть массу инфантильных людей, которые требуют повышения качества жизни, протестуют против ущемления их прав, но не помогают приращению социального богатства. Некоторые западные эксперты считают, что нужны новые формы общественного управления. Э.Тоффлер, в частности, пишет о том, что при любом общественном устройстве, будь оно демократическим или нет, необходимо определенное соответствие между способом создания людьми материальных благ и способом поддержания людьми их деятельности. Если политическая и экономическая системы не сходны между собой, они, в конечном счете, могут уничтожить друг друга. За время своего существования, говорит Тоффлер, человечество только дважды изобрело полностью новый

способ создания богатства (он имеет в виду распространение земледелия и индустриальную революцию) и вслед за этим появлялись новые формы управления. Это важное наблюдение, но его следовало бы дополнить: становление информационного общества по этой логике не может не породить новых форм управления. И, думаю, с этим надо согласиться. Возникает, видимо, новая ситуация, в которой противоречия пока сохраняющихся форм правления могут быть преодолены или отойдут в тень. Возможно, это относится и к дилемме «демократия-стабильность».

Гуревич П. Будучи президентом, В.Путин сказал, выступая на Всемирном конгрессе информационных агентств, что для России одинаково важны демократия и стабильность: «Уверен, нам удастся реализовать такую систему, при которой в России будет и демократия, и стабильность».

Буева Л. Когда знакомишься с рецептами выхода страны из кризисного состояния, то, оказывается, предлагаются разные решения. Чаще всего, разумеется, говорят о гражданском обществе и правосознании. Однако внимательное знакомство с концепциями, авторы которых призывают следовать закону, оставляет известное разочарование. Проблема власти и закона не так проста. Кто должен следовать закону, чью деятельность следует подчинить праву? Активность в сфере законотворчества может, к примеру, усилить власть государства. Но она же способна расширить права простых граждан. Так о чем речь? Возьмем, к примеру, инициативу нашего президента, представленные общественности стандарты по демократии. Когда речь идет о способности демократического государства защищать своих граждан со стороны преступных сообществ, то душа, как говорится, радуется. Особенно, если иметь в виду, что стандарты появились как раз незадолго до событий в Куцневской.

Луков В. Но эксперты уже обратили внимание на то, что защищать граждан от преступников — не способность, а обязанность государства (это по поводу предложенных президентом Медведевым пяти универсальных стандартов демократии). Потом, все ли наши законы соответствуют универсальным критериям государства нынешнего века? Защищать наш образ жизни и наши законы можно только в том случае, если мы убеждены в их целесообразности, оптимальности, выверенности временем.

Мне весь прошедший год приходилось наблюдать, как ведется продавливание проекта Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Такое впечатление, что закон этот нужен, прежде всего, для того, чтобы закрепить чиновничий произвол в этой сфере. Между тем — вспомним Платона — от того, как выстроены смыслы и способы воспитания (а это ведущее звено в образовательной системе), зависит и стабильность страны. Если не во всем, то во многом, и, таким образом, создание закона об образовании вовсе не только узкопрофессиональная задача юристов и управленцев в соответствующем министерстве. Из этого, впрочем, никак не следует, что обобщенная постановка президентом РФ вопроса о том, каким критериям должно соответствовать государство XXI века и какими могут быть универсальные стандарты демократии, непродуктивна. Напротив, конкретные законопроекты, особенно по жизненно важным для народа вопросам, не должны разрабатываться и приниматься без проверки их на соответствие небольшому числу основных требований, можно сказать, не только правового, но и мировоззренческо-

го порядка. Если же подойти к делу иначе, то поневоле будут в новых решениях консервироваться сложившаяся политическая система и устоявшаяся практика принятия управленческих решений. Это, вероятно, и есть застой, против которого справедливо выступает президент.

Гуревич П. Мы тоже уже обратили внимание на стремление под видом укрепления правосознания слегка потеснить другую неотъемлемую сферу социальной жизни — моральную. В стандартах отмечается, что ценности и идеалы, которые мы имеем, должны иметь правовую рамку. Понятное дело, что если я исповедую ценность свободы, то желательно, чтобы закон был на моей стороне. Нет ничего скандального в том, что право способно ограничивать мое свободолюбие, если оно имеет форму вольготного раздолья. Это, разумеется, сфера правосознания. Но при этом надо иметь в виду, что закон должен иметь директивную силу, а ценность — это личностно окрашенное отношение к миру. Есть еще одно отличие закона и идеала. Юридические правила надо соблюдать. Но это не означает, что за каждую правовую норму можно и жизнь отдать. А идеалы потому и считаются святынями, что они захватывают всю человеческую жизнь, определяют смысл пребывания на этой земле. Закон не предлагает человеку умереть за отчизну. Он может обязать индивида защищать свою страну. Но погибнуть в бою можно только ради святыни. Подвиги А.Матросова или Н.Гастелло свершились по зову сердца, а не по букве предписывающего закона.

Луков В. Мартин Хайдеггер писал о том, что ценность, по видимости, то есть по силе ее очевидности, предполагает, что люди, которые следуют этим идеалам, убеждены в неоспоримой значимости этих духовных абсолютов. Вероятно, про закон не всегда можно говорить в такой тональности. Право, дающее рабам стать свободными, обладает неоспоримой ценностью. Но в основе его лежит мощное устремление к свободе.

Гуревич П. Молодой Пушкин, говоря о вольности, непременно имел в виду и закон. Эти слова представляли у него в ореоле праведности: «где крепко с вольностью святой законов мощных сочетанье». Он же романтизирует цыганское племя, которое руководствуется святынями («мы не терзаем, не казим»). Дикость же своих персонажей (поэма «Цыганы») объясняет просто: «нет у нас закона». Эти люди не мстят Алеко. Они просто не хотят жить с убийцей. Но можно ли эту ценность заключить в «правовую рамку»? Для Пушкина свобода — это и самоограничение, и жертвенность, и благородство. «Как дай вам Бог, любимой быть другим» невозможно помыслить в сфере права. Это сугубо интимное переживание. Но частное проявление самоотверженной любви, не будучи директивным, способно облагородить нравы. Конечно, люди могут умереть и за власть. «Смело мы в бой пойдем за власть Советов» — пели в гражданскую войну. Но поставьте вместо «Советов» фамилию любого современного крупного политика, и возникнет, вероятно, комический эффект.

Буева Л. Наше общество пережило, возможно, еще не до конца, увлечение «белым движением». «Раздайте патроны, поручик Голицын». Но вряд ли «правовая рамка» может отвергать или приветствовать этот энтузиазм.

Луков В. В дворянском обществе честь ставилась выше жизни. Но была ли подведена под эту святыню правовая база? Артур Шопенгауэр считал, что дуэль — это глупость, предрассудок. Но дуэли ушли из социального обихода

не потому, что противоречили закону. Кончилось время данной ценностной установки, а значит, потерял смысл и социальный институт, неформальный, но для определенного круга совершенно принудительный, не меньше, чем писанный закон. Замечателен факт из истории США, когда Линкольн получил вызов на дуэль и, имея право выбрать оружие, сделал свое предложение: противники будут бросаться картошками с расстояния 20 метров. Так утеря ценностного ядра подрывает смысл социального института в целом. Принципы демократии и содержание прав человека не могут бесконечно оставаться вне зоны критики, они — будучи ценностным основанием институтов государства и права — подлежат осмыслению на новых этапах мировой истории, а сейчас именно в такой этап человечество входит, обозначая новый тип общества как «информационное». Так что желание молодого президента, юриста по образованию, поставить на обсуждение общества собственные размышления о принципах демократии, о законе, безусловно, заслуживает поддержки.

Гуревич П. Не исключено, что в нашем общественном сознании продолжают жить прежние стереотипы: катапультировать социум в новое социальное пространство можно, если правильно выбрать некое важное звено. Однако общество не может обнаружить устойчивость, если факторы ее возможной динамики торчат в разные стороны, точно прутья в арматуре. Порой мы бросаем все силы на развитие экономики и удивляемся при этом, что в духовной сфере что-то оказалось ущербным. Сейчас модно говорить о правосознании как некоей «палочке-выручалочке». С законом связываем и появление гражданского общества. Однажды за таким же «круглым столом» мы условились, что стабильность социума покоится на трех китах — интересах, морали и правосознании. Но многие исследователи сетуют на то, что в российском обществе всегда игнорировали правосознание, а отдавали первенство нравственности.

Буева Л. Часто цитируют Б.Кистяковского, который писал в известном сборнике «Веки»: «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, последнее стоит на крайне низком уровне развития».

Луков В. Сегодня можно даже расширить круг правонасмешников, так сказать, прибавив к интеллигенции, о которой говорил Кистяковский, множество других социальных групп, из которых самой невероятной в этом контексте будут те, чьей профессией стала правоохранительная деятельность. Наши исследования среди студентов юрфаков показали, что в своей массе они больше склонны к правонарушениям, чем студенты других специальностей. И проблему нравственного императива в этом случае не стоит перекладывать на студентов, в обществе к таким нравственным перекосам ведут соответствующие интересы. И давайте перестанем противопоставлять закон и мораль. Сопrotивление правовому беспределу не обязательно должно сводиться к утеснению нравственности. И наоборот — разумеется, укрепление правосознания не может осуществляться в ущерб морали. Допустим, молодые люди во Франции демонстрируют социальный инфантилизм. Они не признают обязательств, не считаются с реальными возможностями государства. Они требуют комфорта на основании провозглашенных прав. Но насколько оправдан морально такой подход к жизни? Не является ли такая социальная недо-

развитость результатом желания утвердить приоритетность закона при абсолютной нравственной слепоте?

Буева Л. Развитие современной демократии наша власть связывает с расширением сферы информативных технологий. С их помощью можно получить моментальное волеизъявление. Власть, предположим, неожиданно выясняет, что молодые люди не хотят служить в армии, протестуют против повышения оплаты за жилищные услуги. Конечно, с одной стороны, моментальное обнаружение массовых запросов может служить признаком демократии. Но ведь это формальная сторона дела. Недавно умерший американский фантаст Роберт Шекли, который талантливо показывал в своих книгах логическое следствие таких супермодных сторон общественной жизни. На одной из планет передовые технологии не только сигнализируют о новых мучительных проблемах социального бытия, но даже, сфокусировав до нужного предела массовое недовольство, разрывали в клочья политика. Но причем здесь мораль? Без нравственного критерия, связанного с развитием политических технологий, общество рискует дестабилизироваться и даже обрушиться.

Гуревич П. Последнее время в нашей стране то и дело обнаруживаются массовые умонастроения. Иногда они проявляют себя и в Интернете. Скажем, писатель Б.Акунин предлагает начать интернетное движение в защиту Ходорковского. Имел ли в виду наш президент, предлагающий стандарты демократии, такого рода эксцессы?

Буева Л. Пятый, по-моему, стандарт демократии, как он формулируется президентом, предполагает убежденность граждан в том, что они живут в демократическом государстве. Но причем здесь убежденность или уверенность? Эта формулировка предполагает все что угодно. С одной стороны, можно рассматривать это как приглашение, адресованное гражданам, к активному использованию демократических механизмов. Если я убежден, что я живу в демократической стране, я могу, как это сделала следователь в Кущевской, начать борьбу с бандитами. Но располагаю ли я при этом правовой обеспеченностью, гарантированностью, что получу неукоснительную поддержку? А может быть, речь идет просто о патриотической гордости. Демократии нет, но я убежден в том, что она есть. Юридический язык требует четкости.

Луков В. Читаю во многих исследованиях призывы к населению: «будьте гражданами». Легко некоторым нашим экспертам сетовать на русский народ: почему многие считают себя подданными государства, а не гражданами. Больше общественной смелости, теоретического азарта в разработке правосознания! Нет ли во всем этом философского высокомерия? Гражданственность и свобода высказываний — не одно и то же. Бесконечные ток-шоу по телевидению на политические темы и возможность задать президенту вопросы в режиме on-line легко обойдутся без гражданственности. Западные образцы нам мешают увидеть гражданственность в наших людях, и не удивительно: эти образцы сразу даны как высказывание, они с самого начала отделены от реальности, более сложной и противоречивой не только у нас. Кроме того, не стоит забывать историю нашей страны, где «народ безмолвствует» — самая сильная форма проявления критичности общественного сознания. К тому же — разве мы не знаем, что сегодня выражать гражданскую позицию становится опасным? И, наконец, неужели мы не понимаем, что нет смысла подстегивать общественное сознание искусственными средствами?

Гуревич П. Кинорежиссер Андрей Кончаловский пишет в газете «Аргументы и факты»: «В России нет граждан, а значит, нет государства». Да, автор пишет об этом много лет.

Луков В. Это, конечно, очень неисторичный взгляд, который у глубоко образованного и широко мыслящего деятеля нашей культуры, во-первых, полемически заострен и, во-вторых, отшлифован под либеральную идею многими годами жизни в построенном на этой идее государстве. В том-то и дело, что государство, как порождение общества, обеспечивает его связанность и поддерживает порядок в нем, применяя универсальные механизмы к наличным условиям человеческого бытия и мышления. Условия эти могут не только не совпадать, но и восприниматься, как абсолютно неприемлемые тем или иным наблюдателям. И что же? Мы усомнимся, что и там есть государство?

Буева Л. Конечно, наш кинорежиссер прав, когда тоскует о более очевидных обнаружениях массовой гражданственности. Но почитайте современную прессу, зайдите в Интернет. Какой мощный призыв к солидарности, социальному единодушию! Общество не поддерживает чиновников-взяточников, оскотинившихся олигархов, детей высокопоставленных лиц, пытающихся уйти от ответственности за совершенные убийства, наезды, преступления. Общество с тревогой следит за мстительными актами властителей, за смехотворной борьбой с оппозицией, за попытками припудрить реальность, за наивными акциями политтехнологов.

Гуревич П. Обсуждение показало, что проблема стабильности общества имеет множество смыслов и аспектов. Интересно, что она не была долгие годы объектом разностороннего обсуждения. Может быть, именно поэтому мы несколько лет жили под гипнотическим воздействием идеологической формулы стабильности. Право на спокойную, устойчивую жизнь российский народ выстрадал революцией, войной, многочисленными реформами. «Оранжевые революции» не манят его своей мнимой справедливостью. Однако народ, судя по всему, не хочет, чтобы под видом нерушимости жизни его исключили из политического пространства. Он не мирится с тем, что при его попустительстве растаскивается общественное достояние, формируются преступные кланы, усиливается социальное расслоение, утрачивается буквально на глазах могущество страны. Либеральное сознание разочаровано в народе. Почему люди не демонстрируют нужную гражданскую позицию? Но действительно ли беда России в том, что многострадальное государство не может опереться на своих граждан в решении каких-либо вопросов, касающихся строительства более совершенного общества? Мне, к примеру, не совсем понятно, где и когда наш народ не обнаружил гражданской зрелости? Во время Отечественной войны или в годы отстраивания развитого индустриального общества? А, может быть, в том, что люди не поддержали ГКЧП? Неужели в жизненной позиции населения, которое во всеоружии своей непонятливости обрушило демагогические посулы политиканов? Разве граждане России не выразили своего отношения к монетизации, ваучерной авантюре, беззастенчивой коррупции? Какие проекты государства, направленные на строительство более совершенного общества, провалились из-за гражданской незрелости населения?

Русские люди на своей судьбе знают ценность социальной справедливости. Они хорошо понимают никчемность идеологической риторики. Им известно, чем завершается мстительность в политике, ощущение вседозволенности,

кумиротворчество. В любых исторических условиях они способны осознавать свое единство. Вспомним, что происходило в общественном сознании, когда после терактов в метро властители играли лицевыми мускулами, а люди несли цветы, оказывали помощь пострадавшим, демонстрировали поразительное чувство локтя. Сколько героизма и общественной озабоченности обнаружили люди, когда в стране бушевала огненная стихия! Разве это не проявление гражданственности? Сколько сдержанного негодования обнаружили люди в ответ на неизменное пропагандистское клише: «Пожарный огонь их дома истребил, я выстроил им новые жилища».

Стабильность всегда иллюзорна. Она может быть только временной, относительной, неполной и урезанной. За ее призрачностью всегда обнаруживаются признаки дестабилизации. Зрелость власти проявляется не в том, что она, по слову поэта, «лишь бабачит и тычет». В условиях неслыханных социальных перемен возмужалость власти проверяется способностью откликаться на многочисленные запросы времени. Общественный организм — это целостность. Социальные мыслители давно подметили, что разлад в системе начинается с внесистемности. Исторический случай, нечаянный эпизод, даже отдельный поступок вызывают целый каскад перемен. Властители убеждают нас в том, что все социальные вопросы находятся под контролем. Это дорогостоящая иллюзия. Экстравагантные наезды на оппозицию, вмешательство в правосудие, исчезновение сбережений у населения, утрата веры в счастливую участь нового поколения, циничное отношение к пенсионерам, малоимущим слоям населения, — все это реальные угрозы стабильности.

Сегодня люди России понимают, что власть должна иметь моральное основание. Ей надлежит быть легитимной. Демократия, которая вовсе не заботится о благосостоянии большинства, обречена по определению. Политический монополизм чреват непроточностью. Без перестройки политической структуры невозможна сегодня никакая стабилизация. Люди в наши дни убеждены в значении честной политической конкуренции и прозрачных выборов. Угроза системе порождается самой системностью. Если власть перестанет вести трезвый учет надвигающихся опасностей, она обречена.

Борис ЧЕРНЫШЕВ

МИМО УРОКОВ ОПЫТА ИСТОРИИ ПО МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

«Умен не тот, кто не делает ошибок.
Умен тот, кто умеет легко и быстро
исправлять их».

В. Ленин

Триста лет мучительной погони России за логикой исторического развития стран Западной Европы в деле модернизации общества не принесли ей положительных результатов. К началу XXI века в России оказался разрушенным ее индустриальный потенциал как один из ключевых признаков современного открытого общества. Возникла реальная угроза превращения страны в сырьевой придаток развитых стран мира. В этой чрезвычайно сложной ситуации верховная власть России вынуждена настойчиво искать свой путь вхождения в новый, зарождающийся VI технологический уклад в развитии мировой экономики. Однако делать это ей приходится (в который раз!!!) без критического осмысления опыта истории по модернизации российского общества и усвоения его поучительных уроков.

Невскрытыми остаются, прежде всего, причины неудач российской модернизации. Официальная попытка власти в статье «Россия, вперед!» свести их к трем запущенным социальным недугам российского общества¹ не решает проблемы и фактически уводит от ответственности генеральных секретарей ЦК ВКП(б), КПСС, президентов РФ за ошибки в принятых решениях. Между тем, при всем различии индивидуальных качеств, руководители страны играли основную роль в подготовке и принятии важнейших решений внутренней и внешней политики, определяя в значительной степени их конечный результат. Именно они и их ближайшее окружение любыми способами препятствовали попыткам проникновения в эту святая святых власти. Длительное существование такой закрытой зоны в управлении государством обернулось господством субъективизма и волюнтаризма в принятии государственных решений, многократным повторением правителями страны одних и тех же ошибок прошлого. Вот почему твердой уверенности в том, что ошибок больше не повторится при постановке задач по переводу российской экономики с сырьевого на инновационный путь развития, к сожалению, нет.

¹ Медведев Д.А. Прямой адрес: kremlin@gov.ru // Российская газета. 2009. 11 сентября. С. 1.

Власть по-прежнему не видит никакой необходимости обращаться к опыту прошлого. Очевидная истина о том, что «настоящее — это суммарно взятое прошлое», не признается в практике государственного управления в России до настоящего времени. Политическая элита упорно не желает использовать историческое знание в осмыслении проблем современности. Так, в Послании Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 года президент РФ заявил: «Сегодня, когда мы идем вперед, важнее не вспоминать прошлое, а смотреть в будущее»². Это пренебрежение историческим знанием — повторение методологической ошибки И.Сталина, который в начале XX века в работе «Основы ленинизма» писал: «Чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад»³. Лично для И.Сталина оглядываться назад было равносильно признанию собственных ошибок и неудач, чего он не мог позволить ни себе, ни своему ближайшему окружению. Он исходил из понимания значения прошлого не как инструмента разработки научно обоснованных решений, а как орудия политической борьбы, обоснования уже принятых им самим решений.

В истории правящие элиты российского общества никогда не видели учительницу жизни. Она вполне устраивала их как «обширный музей, где без труда можно было отыскать орудие для борьбы с кем угодно и с чем угодно»⁴. Однако такое использование исторических знаний не позволяло им с научных позиций оперативно объяснять сущность событий «текущей» истории. Они вынуждены были лукавить, хитрить с фактами конкретной исторической обстановки, поскольку вскрытие причинно-следственных связей переживаемых событий с прошлым представляло потенциальную опасность для самой власти. Анализировать причины собственных неудач, признавать свои ошибки было равносильно для них самоубийству. Вот почему в поле зрения государей попадали, как правило, только «достойные» их внимания факты текущей истории, остальные просто игнорировались. Захваченная ими монополия на истину позволяла им видеть только то, что соответствовало их представлениям о действительности.

Так, Александр III в 1891, 1899 годах «не заметил» разразившийся в России голод. Ни в письмах, ни в дневнике императора не было никаких следов о тревоге за деревню⁵. И.Сталин в отношении факта начавшегося голода в 1932 году пошел значительно дальше. Он запретил упоминать слово «голод» даже в документах Политбюро ЦК ВКП(б) 1932–1933 годов. В январе 1932 года поставил на заседании Политбюро вопрос: «О сокращении расходования пшеницы на нужды населения». Собственноручно написал Указ от 7 августа 1932 года об охране соцсобственности, в соответствии с которым расхитители общественной собственности объявлялись «врагами народа». Задолжавшие по хлебозаготовкам станицы Кубани выселялись или окружались cordонами войск, которые не выпускали население, обрекая его на голодную смерть⁶. Для

² Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 года // Российская газета. 2000. 9 июля.

³ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. — М., 1925. С. 540.

⁴ Ткачев П. Собр. соч. в 2-х тт. — М., 1972. Т. 2. С. 147.

⁵ Чернышев Б.В. Разработка и принятие государственных решений в России: уроки истории XVIII–XX вв. — Саратов, 2003. С. 47.

⁶ Данилов В.П. Коллективизация: осмысливая уроки прошлого // Ставропольская правда. 1988. 4 июня.

И.Сталина увидеть в 1932–1933 годах факт голода в зерновых районах страны означало бы признаться в том, что именно он был главным виновником в его возникновении и гибели 3–4 млн. человек.

Потеря реализма в оценке экономических фактов всегда имела плачевные результаты. Например, в 1930 году И.Сталин не захотел считаться с простой истиной о том, что экономика может выдать ровно столько, сколько она способна дать, и принял единоличное решение увеличить целый ряд показателей первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Так, выплавку чугуна И.Сталин посчитал возможным поднять с 10 до 17 млн. т. Прибавка 7 млн. т за оставшиеся три года первой пятилетки была равноценна заданию начать и полностью завершить строительство и осуществить пуск 7 кузнечных или запорожских металлургических заводов с проектной мощностью в миллион тонн чугуна в год каждого или трех магнитогорских комбинатов с проектной мощностью 2,5 млн. т. Состояние и перспективы уже строящихся кузнечного, запорожского и магнитогорского заводов в начале 1930 года говорили со всей определенностью, что они не могут быть пущены в эксплуатацию ни в 1932, ни в 1933 годах⁷. В итоге такого «подхлестывания» в 1932 году было выплавлено всего 6,2 млн. т чугуна, однако признавать свои ошибки И.Сталин отказался, положив в 1933 году начало массовой кампании по борьбе с вредительством и дезинформацией партии и народа об итогах выполнения пятилетних планов.

Последующие руководители страны слепо следовали традиции лукавого отношения к фактам истории и действительности. Когда в январе 1954 года Н.Хрущеву понадобилось обосновать принятое им решение об увеличении посевных площадей под зерновыми культурами за счет освоения в 1954–1955 годах залежных и целинных земель в 6,5 раз больше, чем планировалось, он умело подтасовал факты. В представленных ему данных о соотношении структуры посевных площадей и производства зерна в СССР, США и Канады, в подготовленной им записке «Пути решения зерновой проблемы» для рассмотрения на Президиуме ЦК КПСС Н.Хрущев вычеркнул строчку по главной продовольственной зерновой культуре — пшенице⁸. Он не хотел придавать гласности сравнительные факты, опровергающие лично принятое им решение.

Дело в том, что в 1952 году в СССР на 8 млн. га было больше посевных площадей пшеницы, чем в США и Канаде вместе взятых, а урожай с гектара в СССР был в 1,3 раза меньше, чем в США, и в 1,8 раза меньше, чем в Канаде. Кроме того, неуклонное сокращение посевных площадей пшеницы в США не сопровождалось снижением ее фактических сборов. В СССР все было с точностью наоборот⁹.

Легко манипулировал в политических целях статистическими данными и М.Горбачев, не считаясь с мнением специалистов. В ряде своих выступлений он оценивал долю военных расходов в СССР от 30 до 40% (от ВВП). Секретарь

⁷ См.: Историки спорят. — М., 1988. С. 183.

⁸ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. — М., 1962. Т. 1. С. 99.

⁹ Посевные площади СССР. Статист. сб. — М., 1957. Т. 1. С. 11. Страна Советов за 50 лет. — М., 1967. С. 129.

Показатели	А.Кудрин (Лондон)	Г.Греф (Москва)
ВВП	+8% (к I кварталу 2003 года)	+0,8% (к февралю 2003 г.)
Инвестиции	+13%	-1,9%
Реальные доходы населения	+13%	-1,8% (февраль) -0,4% (март)

ЦК КПСС О.Бакланов и секретарь комиссии Политбюро ЦК КПСС В.Катаев называли другие цифры: от 8 до 12%. На предложение О.Бакланова М.Горбачеву взять реальные цифры, а не те, которые он озвучивает, поскольку они «не заложены в планы и наши финансы», он уходил от разговора под предлогом: «вот у меня есть цифры, и все!»¹⁰.

Представители политической элиты России конца XX — начала XXI века по-прежнему продолжают делить факты реальной действительности для внутреннего и внеш-него потребления, причины негативных явлений оценивать с позиции господствующей идеологии. Иначе, как можно объяснить диаметрально противоположные заявления 20 апреля 2004 года министра финансов А.Кудрина и министра экономического развития и торговли Г.Грефа, сделанные ими в Лондоне и в Москве. Оба министра приводили совершенно разные статистические данные об итогах экономического развития России за I квартал 2004 года¹¹ (табл. 1).

Из всех возможных причин инфляции в стране финансовые власти предпочитают вот уже семнадцать лет видеть только одну — это количество денег в обращении. По мнению ученых экономистов С.Глазьева, А.Щербакова, корни инфляции на самом деле связаны с ростом цен на сырье и тарифы естественных монополий. Так, за 2003–2008 годы розничные цены на топливо, металлопрокат выросли в 4,2 раза, в то время как общий рост цен на продукцию машиностроения за тот же период составил не более 40–60%. Рост цен в сырьевых отраслях происходил за счет снижения прибыли обрабатывающей промышленности¹².

Это нежелание смотреть на подлинную действительность, самоуверенность и спешка, с которой принимались решения, лауреат Нобелевской премии, русский физиолог, академик И.Павлов связывал с тремя особенностями русского политического ума: отсутствием привязки к фактам, сосредоточенности и стремления к истине¹³. На наш взгляд, именно они создавали в России предпосылки для превращения процесса подготовки и принятия государственных решений в импровизацию и порыв, где исторический склероз брал верх над научным познанием общественных явлений, а использование опыта истории подменялось догмами и стереотипами политического мышления руководящих лиц.

¹⁰ См.: *Скворцов О.И.* Экономическая политика Горбачева — фактор нарушения биполярного мира // *Конец холодной войны: Новые факты и аспекты*: сб. ст. — Саратов, 2004. С. 108–109.

¹¹ См.: *Фазуллина Г.* Что ни делается, все к худшему? // *Родная газета*. 2004. 23 апреля. С. 6.

¹² *Щербаков А.В.* Кризис: причины и сценарии развития // *Научный эксперт*. Научный электронный журнал. 2009. № 7–8. С. 26–28.

¹³ *Павлов И.* О русском уме // *Литературная газета*. 1961. 31 июля.

Ближайшее окружение генеральных секретарей ЦК КПСС всегда предпочитало при принятии решений руководствоваться оценками и взглядами своих вождей, а не результатами конкретно-исторического анализа переживаемых ими политических ситуаций. Политическая элита посткоммунистической России продолжает эту порочную традицию прошлого. В обращении к партактиву «Единой России» в 2006 году один из ответственных руководителей Администрации Президента РФ прямо заявил, что фундаментом в определении задач будущего должно быть «описание новейшей истории в оценках и под тем углом зрения, который соответствует курсу Президента»¹⁴.

Этот, по сути, призыв к продолжению лукавства с новейшей историей свидетельствует, что в практике государственного управления России ничего не изменилось в XXI веке. Необходимый конкретно-исторический анализ политической ситуации при подготовке важнейших решений превращается в фикцию, так как вскрытие ее причинно-следственных связей по-прежнему оказывается ненужным, остается невостребованным и историческое знание в осмыслении переживаемых проблем современности. Выбор властью очередных задач в управлении общественными процессами, приоритетности в их решении остается на почве чистого субъективизма и волюнтаризма. Не случайно российский мыслитель и публицист XIX века П. Чаадаев с горечью замечал, что русские государи «каждый день начинали свою историю и историю своей страны с чистого листа, обрекая себя на повторение ошибок прошлого»¹⁵.

История вынуждена была наказывать их за непонимание ее логики развития тем, что не позволяла этим руководителям вырваться из водоворота повторения и умножения ошибок прошлого.

В XX веке закреплению исторического склероза способствовало появление таких методик анализа, в которых факты, отражающие конкретный ход действительного развития (схема 1), исчезали совсем.

Понятие «конкретно-исторического анализа политической ситуации» стало подменяться либо понятием анализа «проблемной ситуации», либо отказом от любого анализа и принятием решения на основе интуиции. Обоснование того, почему именно данная проблема попадает в повестку дня публичной политики, отсутствует. Невскрытая сущность конкретной политической ситуации открывает широкий простор для субъективизма при выборе проблем для публичной политики, так как существует масса «псевдопроблем», обладающих кажущейся значимостью, и нет никаких гарантий, что избранная для анализа проблема не относится к этой категории.

Подмена одного анализа другим ведет на практике к тому, что главным «производителем» социальных проблем становятся государственные службы, их руководители и представители. У них, как правило, в ходу канцелярские модели реальности, в которых социальные факты описываются средствами нормативных или теоретических моделей. Предлагаемые ими решения проблем покоятся не на фактах объективно сложившейся ситуации, а исходят, прежде всего, из интересов их лобби. Более того, такие решения имеют тен-

¹⁴Сурков В. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // Сборник PRO суверенную демократию. — М.: Европа, 2007. С. 99.

¹⁵См.: Мигранян А. Год великого перелома // Российская газета. 2003. 12 августа. С. 7.

Конкретно-исторический анализ политической ситуации	Факты истории и действительности	Определение главных противоречий, тенденций исторического развития, извлечение уроков опыта истории	Выявление неотложных проблем общественного развития	Формулировка путей их разрешений, постановка задач
	<i>НАУЧНО-ОБОСНОВАННЫЙ ПОДХОД</i>			
Анализ проблемной ситуации	X		Анализ проблемной ситуации	Формулировка «неотложных задач»
			<i>СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА</i>	
Метод натаскивания на интуицию	X		X	

Схема 1. Отличия конкретно-исторического анализа политической ситуации от анализа проблемной ситуации и метода натаскивания на интуицию.

денцию к созданию или новых органов власти, или приданию существующим новым дополнительным функций, причем за счет средств государственного бюджета¹⁶.

Вот почему в начале XXI века полезно было бы усвоить один из поучительных уроков истории: **функцию научного обоснования принимаемых государственных решений исторический опыт может выполнять только тогда, когда целесообразно отобранное историческое знание используется в осмыслении проблем современности для установления закономерностей развития конкретной исторической обстановки и извлечения уроков опыта истории.**

Почти 100 лет назад яркие примеры конкретно-исторического анализа при подготовке важнейших решений оставил В.Ленин. Последовательно, пережив иллюзии периода «декретной горячки»¹⁷, строительства государства-коммуны, политики «военного коммунизма», он к концу 1920 года осознал, что его личные представления о путях строительства социализма никакой ценности не имеют, пока они не «посажены» на конкретную российскую действительность. Методом проб и ошибок ему удалось найти свой подход к оперативному вскрытию сущности конкретной политической ситуации, когда все внимание сосредотачивалось не на описании наблюдаемых явлений, а на вытекающих из опыта истории политических уроках (схема 2).

Пропуская в призме опыта истории факты и события «текущей» истории, В.Ленин в бурном потоке информации находил факты высокой репрезентативности, которые он называл узловыми пунктами прошлого и важнейшими событиями действительности. Они-то и становились основанием для дальнейшего теоретического анализа, в ходе которого с помощью категорий основного факта

¹⁶ Римский В. Социальная политика как метод решения социальных проблем // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 93–96; Зайцев Д.В., Зайцева О.В. Разгосударствление социальной сферы в России: социально-правовой аспект // Общественная наука и современность. 2007. № 3. С. 174–176.

¹⁷ Выражение Л.Троцкого.

Схема 2. Методологические категории историко-теоретического анализа политической ситуации, используемые В. Лениным.

и урока истории вскрывались главные противоречия, тенденции исторического развития событий, находились пути решения назревших проблем современности. Основное звено цепи исторических задач определялось на основе соотношения главных противоречий в экономической и политической сферах, путем нахождения равнодействующей наблюдаемых явлений (схема 2).

Формулировка основного звена несколько отличалась от постановки коренных задач переживаемого момента, но, взятые вместе, они отражали многосторонность связей основного звена и указывали направление, в русле которого можно было бы разрешить назревшие противоречия и вытащить всю цепь возникших проблем и трудностей. Наиболее наглядно такой подход к поиску основного звена В. Ленин продемонстрировал в обстановке экономического и политического кризиса советского общества в начале 1920-х годов (табл. 2).

К сожалению, практически используемая В. Лениным при подготовке государственных решений методология историко-теоретического анализа политической ситуации, найденный им способ определения основного звена цепи исторических задач оказались невостребованными. В середине 1920-х годов этому в немалой степени способствовали обстановка личного соперничества в руководстве ЦК; жесткая идейно-политическая борьба вокруг форм и методов социалистического строительства; настроения сверхреволюционности, левого радикализма с уклоном в сторону консервации военно-коммунистических взглядов в составе Политбюро ЦК; захваченная И. Сталиным как генеральным секретарем ЦК партии монополия на трактовку и защиту теоретического наследия В. Ленина, курс которого он определил четко: под знаменем Ленина, но в сторону от Ленина.

Определение В. Лениным главного звена политики партии весной 1921 и 1922 годов

Период	Основные противоречия переходного периода от капитализма к социализму	События	Главные противоречия исторического момента	Коренная задача	Основное звено цепи исторических событий
Весна 1921 г.	Несоответствие в экономических отношениях между пролетариатом и крестьянством	Экономические	Между стихией крестьянского рынка и попыткой пролетарско-государственной власти перейти прямо к социалистическим основам производства и распределения	Поиск новой экономической политики	Отступление в порядке
		Политические	Противоречия внутри партии, выразившиеся в полуанархистских и синдикалистских уклонах	Дисциплина, выдержка, сплоченность внутри партии	
Весна 1922 г.	Разрыв между величиной поставленных задач и нищетой не только материальной, но и культурной	Экономические	Между стихией крестьянского рынка и попыткой пролетарско-государственной власти перейти прямо к социалистическим основам производства и распределения	Торговля	Подбор людей и проверка исполнения

Обладая незаурядными организаторскими способностями и прекрасно владея инструментом аппаратной интриги, И. Сталин сумел навязать партии свою систему взглядов и представлений в области познания социальных процессов, насадив в ней схематизм и субъективизм и, в первую очередь, в своих отчетных докладах ЦК XIV–XVIII съездам ВКП (б).

Больше полагаясь на собственную интуицию, чем на факты, И. Сталин создал свой способ определения задач партии, в котором анализ явлений реальной жизни был подменен оценками состояния направлений партийного руководства основными сферами жизни общества. Живую историю, со всеми ее проблемами, противоречиями и крутыми поворотами, он стал укладывать в схему отчетного доклада, составленную из трех вопросов: внешняя политика, внутренняя политика, партия и госаппарат. В ней не было места конкретно-историческому анализу. Теоретическое осмысление изучаемого круга исторических событий застывало на уровне их простого описания, перечисления назревших проблем. Найти связующие нити исторических времен, главные противоречия, закономерности развития событий становилось невозможным.

Со временем эта сталинская схема стала непререкаемой догмой для всех последующих руководителей ЦК партии, слепо дублирующей партаппара-

Сравнительный анализ структур построения отчетных докладов ЦК партии большевиков и посланий Президента РФ Федеральному Собранию

В.Ленин. Отчетный доклад X съезду партии 1921 года	И.Сталин. Отчетный доклад XVIII съезду партии 1939 года	М.Горбачев. Отчетный доклад XXVII съезду партии 1986 года	В.Путин. Послание Федеральному Собранию 2002 года
<ol style="list-style-type: none"> 1. Переход от войны к миру. 2. Неправильность нашей тактики и ошибки «несоответствия». 3. Неурожай и отношение к крестьянству. 4. Дискуссия о профсоюзах. 5. Отношение к капиталистическому миру (торговые договоры и концессии). 6. «Кронштадские события»: их значение — политическое и экономическое. 7. Натуральный налог, его значение. 8. Государственный капитализм вверху (концессии) и соглашение с мелким землевладельцем внизу... 9. Борьба с бюрократизмом и развитие «рабочей демократии». 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Международное положение Советского Союза. 2. Внутреннее положение Советского Союза. 3. Дальнейшее укрепление ВКП(б). 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Современный мир: основные тенденции и противоречия. 2. Ускорение социально-экономического развития — стратегический курс. 3. Дальнейшая демократизация общества, углубление социалистического самоуправления народа. 4. Основные направления внешнеполитической стратегии партии. 5. Партия. 6. Об итогах обсуждения новой редакции программы и изменений в Уставе партии. 	<p>Внутренняя политика:</p> <ul style="list-style-type: none"> — экономические и социальные проблемы; — работа государственных институтов; — модернизация судебно-правовой системы; — проблемы федеральных округов; — ситуация в Чечне; — проблемы местного самоуправления; — малый бизнес; — реформа естественных монополий; — реформа ЖКХ; — достижения НТП; — о здравоохранении; — о комплектовании армии; — о переписи населения. <p>Внешняя политика</p>

том всех уровней. Менялся лишь порядок расположения традиционных разделов с добавлением новых, но, по своей сути, они оставались с неугасимым стремлением охватить все и вся, упомянуть обо всем, ничего не упустить.

С распадом СССР заложенная И. Сталиным описательность как явление не исчезла и в Посланиях президентов РФ Федеральному Собранию РФ, определяющих важнейшие задачи развития общества. Если сравнить структуры докладов В.Ленина, И.Сталина, М.Горбачева и В.Путина, то можно сразу отметить принципиальное отличие доклада В.Ленина (табл. 3).

Опираясь в своем конкретно-историческом анализе на узловые пункты прошлого и важнейшие события действительности, В.Ленин пытался проникнуть в закономерности развития конкретной исторической ситуации, извлечь уроки пережитого за год и только на этой основе определять пути решения назревших проблем социалистического строительства.

Структуры докладов И.Сталина, М.Горбачева, В.Путина объединяет один шаблон — направления внутренней и внешней политики, раскрываемые по

Сравнительный анализ способа постановки задач в докладах И.Сталина и В.Путина

	Недостаток	Задача
И.Сталин. Отчетный доклад ЦК XVII съезду ВКП(б), январь-февраль 1934 года	«а) Продолжающееся отставание черной металлургии; б) Неупорядоченность дела цветной металлургии; в) Недооценка серьезнейшего значения развития добычи местных углей в общем топливном балансе страны...»	«2) Ликвидировать отставание черной металлургии; 3) Упорядочить дело цветной металлургии; 4) Развернуть вовсю добычу местных углей во всех известных уже районах, организовать новые районы угледобычи...»
В.Путин. Послание Президента России Федеральному Собранию РФ 10 мая 2006 года	«К сожалению, большая часть технологического оборудования, используемого сейчас российской промышленностью, отстает от передового уровня даже не на годы, на десятилетия. А эффективность использования энергии... у нас в разы ниже, чем у прямых конкурентов России на мировых рынках...»	«Необходимо принять конкретные меры для того, чтобы ситуацию изменить... нам надо сделать серьезный шаг к стимулированию роста инвестиций в производственную инфраструктуру и в развитие инноваций... в полной мере реализовать себя в таких высокотехнологических сферах, как современная энергетика, коммуникации, космос, авиастроение...»

заранее готовым смысловым «коридорам». У И.Сталина — показать торжество идей социализма в СССР под его мудрым руководством. У М.Горбачева — неизбежность перестройки всех сторон жизни советского общества ради построения демократического социализма в СССР, у В.Путина — строительство в России демократического правового государства с рыночной экономикой. При этом видение авторами своих реформ, направлений внутренней политики становилось важнее понимания ими самой действительности, к которой еще предстояло приспособить их реформаторские идеи.

Унаследованный со времен И.Сталина приоритет описательности в политическом мышлении над объективной оценкой фактов истории и действительности, анализом их причинно-следственных связей продолжает тормозить выявление закономерных исторических связей, необходимых для научного обоснования принимаемых государственных решений, ведет к хроническому опаздыванию в осмыслении и решении накопившихся проблем в жизни общества.

Мало изменился и сам способ постановки задач, заложенных И.Сталиным, который прямо формулировал очередные задачи партии из выявленных им недостатков. Тот же способ прослеживается, к примеру, и в Посланиях президентов РФ (табл. 4). Причем ни в Отчетных докладах ЦК XIV–XVIII съездам партии, ни в Посланиях президента РФ 2000–2005 годов практически нет объяснения причин, отмеченных негативных явлений в различных сферах жизни общества.

М.Горбачев нашел другой способ определения главных задач перестройки. Он стал связывать их с формулировкой вопросов, стоящих в центре повесток дня очередных Пленумов ЦК КПСС. Количество главных задач оказывалось столько, сколько граней перестройки генеральный секретарь успевал поднять в своих выступлениях.

Метод ускорения в государственной деятельности руководителей России

Руководитель государства	Сфера применения «ускорения»	Время достижения цели	Метод достижения
В.Ленин	Строительство государства-коммуны	Период «декретной горячки»	Административный
И.Сталин	Коллективизация мелкого крестьянского хозяйства, индустриализация страны	10 лет	Административный
Н.Хрущев	Строительство коммунистического общества в СССР	20 лет	Административный
М.Горбачев	Социально-экономическое развитие СССР	5 лет	Административный
Б.Ельцин	Переход к рынку (бросок к «народному капитализму»)	2 года	Монетаристский
В.Путин	Удвоение ВВП	7 лет	Монетаристский
Д.Медведев	Создано непартийное общественное движение за ускоренную модернизацию «Россия, вперед!»		

Не отличались большим разнообразием и способы решения задач, используемые правителями России. В качестве универсального средства решения накопившихся в обществе проблем широкое распространение получило ускорение. Несмотря на то, что этот способ не оправдал себя в начале XX века, а социальные издержки его реализации оказались слишком велики, руководители страны с завидной настойчивостью продолжали наступать на одни и те же «грабли» (табл. 5).

Не менее популярным оказался и второй способ, предложенный И.В.Сталиным. Это путь одновременного решения всех задач сразу или «наступления социализма по всему фронту», что автоматически исключало определение главного звена цепи задач строительства социализма в конкретной политической ситуации. Одновременное осуществление ускоренной коллективизации и форсированной индустриализации, культурной революции и массового уничтожения «врагов народа» породили целый ряд новых острых проблем и серьезных последствий социалистического строительства, которые были «списаны» на начавшуюся Великую Отечественную войну. Во что вылилась в ходе войны данная теоретическая установка Сталина, хорошо видно на одном из примеров его деятельности в качестве полководца в первые годы войны.

Так, в марте 1942 года на одном из своих совещаний Сталин отверг разумный и взвешенный план Генерального штаба, предполагавшего, ввиду превосходства противника и отсутствия «второго фронта», ограничиться на ближайшее время активной обороной, не вводить в дело основные стратегические резервы, а сосредоточить их на центральном направлении и, частично, в районе Воронежа, где могли разыграться главные военные события весной-летом 1942 года. В соответствии с указаниями Сталина на обширном фронте, простиравшемся от Баренцева моря до Крымского полуострова, организуется множество одновременных частных разрозненных наступательных операций. Этот ошибочный подход Сталина «нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте» стал главной причиной провала летней кампании 1942 года. На харьковском направ-

влении и в Крыму эти операции завершились для нас катастрофически, что положило начало новым поражениям наших войск. Противник захватил стратегическую инициативу и повел стремительное наступление к Волге и на Кавказ¹⁷. Огромные потери, которые понесла страна в результате этой ошибки Сталина, заставили его к осени 1942 года внести некоторые изменения в свой стиль и методы стратегического руководства. По крайней мере, в тот период Сталин стал более внимательно прислушиваться к мнениям военных специалистов.

Однако сам стереотип подхода Сталина к способу решения основных задач остался незабываемым. Он прочно вошел в теорию и практику партийного руководства, что особенно наглядно проявилось в деятельности Н.Хрущева, Л.Брежнева, М.Горбачева. В отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС Л.Брежнев рискнул даже теоретически обосновать положение о том, что, в отличие от первых этапов социалистического строительства, «мы можем и должны решать одновременно более широкий круг задач»¹⁸.

М.Горбачев, не задумываясь, предлагал настойчиво «двигать перестройку через решение практических вопросов по всем направлениям и вместе с тем учиться демократии, политической культуре, учиться хозрасчету и новым методам хозяйствования». Между тем, не только наука, но и опыт истории свидетельствовали о бесперспективности такого подхода к решению вопроса о соотношении задач перестройки. Следование М.Горбачева в фарватере сталинских стереотипов политического мышления, в конечном итоге, обернулось развалом СССР.

Не стала утруждать себя глубоким анализом и команда первого президента РФ Б.Ельцина. Начиная с 1992 года, количество важнейших задач в государственном управлении ежегодно возрастало в арифметической прогрессии. Тут и проблема невыплаты заработной платы рабочим и служащим, проблема развала армии, разрушения военно-промышленного комплекса — развала всей промышленности, рост коррупции, преступности, сепаратизма, безработицы, задолженность государства, приватизация, катастрофическая утечка капиталов за границу и пр. Авторы ежегодных посланий Б.Ельцина Федеральному Собранию произвольно указывали от 7 до 12 главных задач.

Мало что изменилось и в посланиях В.Путина: количество задач определялось количеством поднятых в тексте либерально-демократических реформ. Поспешность, с которой одни реформы сменяли другие, во многом напоминала реформаторскую лихорадку Н.Хрущева, а одновременное решение всех задач сразу свидетельствовало о повторении (в который раз!) методологической ошибки генеральных секретарей ЦК партии большевиков.

Если воспользоваться структурно-логической моделью общественной системы «восьми колес» профессора В.Тихомирова¹⁹ и составить траекторию движения реформ с 2000 по 2003 год, то она могла бы выглядеть примерно так. Из схемы 3 видно, что из реформаторских шагов второго президента РФ выпадали блоки проблем, связанные с обеспечением необходимого экономического роста страны, повышением материального благосостояния людей, гармоничным развитием каждого гражданина России.

¹⁷ Павленко Н. На первом этапе войны // Коммунист. 1988. № 9. С. 92.

¹⁸ Материалы XXIV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1971. С. 38–39.

¹⁹ Диалог. 1990. № 3. С. 36–37.

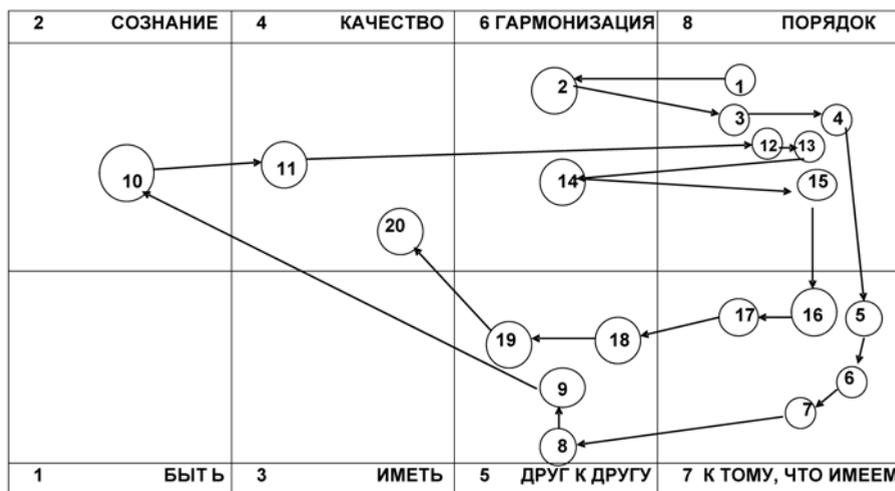

Схема 3. «Траектория» реформ В.Путина: как идет? куда идет? (по методике профессора В.Тихомирова).

Поворот В.Путина в сторону решения этих проблем начался в 2005 году, однако предложенные в качестве приоритетных задач национальные проекты развития – здравоохранения, образования, рынка жилья, сельского хозяйства – по-прежнему не были научно обоснованными. Совершенно очевидным, кричащим проблемам социальной жизни общества искусственно придали приоритетность, без предварительного вскрытия их причинно-следственных связей с другими, не менее важными проблемами, в первую очередь, в сфере экономики. Такой анализ показал бы, что в сложившейся исторической ситуации на роль ключевой, первоочередной задачи выступает диверсификация и модернизация производства в стране. Взявшись за ее решение, можно было бы вытащить всю цепь других назревших социально-экономических проблем жизни общества, в т.ч. приоритетных национальных проектов.

Однако финансовая власть в соответствии с теорией неолитерализма полагала, что если добиться снижения инфляции до 3–4%, то необходимая диверсификация производства произойдет сама собой. Зачем же ее выделять в качестве самостоятельной задачи? По мнению директора Института экономики РАН Р.Гринберга, «даже при нулевой инфляции и идеальном инвестиционном климате диверсификация и модернизация производства сами собой не состоятся. Для этого, как говорит теория и показывает мировой опыт, в том числе практика самых «либеральных» государств, нужны скоординированные действия государства в кредитно-денежной, финансовой, инвестиционной, внешнеэкономической и социальной сферах, а осознанного плана таких действий у правительства нет»²⁰.

Прошло четыре года, однако в способе определения приоритетных задач мало что изменилось. Указанные в Послании президента РФ Д.Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 года пять направлений модер-

²⁰ Назаров О. Куда деваться от успехов? // Родная газета. 2006. № 48. С. 15.

низации экономики и технологического развития²¹ никак не были связаны с анализом современного состояния российской экономики. Между тем, за годы реформ с конца XX века в экономике страны произошел ряд принципиальных изменений: осуществлена деиндустриализация, разрушены системы самообеспечения и подготовки кадров для индустриальной экономики, созданных в СССР; произошла техническая деградация; потеряны сотни и тысячи технологий²²; не осталось незанятых мощностей. Кроме предприятий ВПК, почти никто не производит современную продукцию (кроме сырья), востребованную мировым рынком²³; нового машинного оборудования, как важнейшего фактора обеспечения модернизации экономики. В России производится в 82 раза меньше, чем в Японии, в 30 раз меньше, чем в Германии, в 31 раз меньше, чем в Китае²⁴. В этой связи президент РСПП А.Шохин справедливо ставит под сомнение поставленную задачу о точечных инновациях в экономике. Он считает, что в настоящий момент важнее сосредоточиться «на модернизации технологической базы... Посмотрим правде в глаза: состояние промышленной базы в России таково, что думать об инновациях — все равно что греть о полетах в космос, сидя в пещере»²⁵.

Академик Р.Гринберг вновь в интервью «Российской газете» 17 февраля 2010 года предложил до определения приоритетности в решении стоящих перед страной задач модернизации провести вначале честную инвентаризацию того, что осталось в экономике, что нужно создать заново; обосновать необходимость и возможность технически и экономически; определить параметры и источники финансирования; разработать меры контроля за выполнением или для корректировки планов²⁶. К сожалению, подобный предварительный анализ не был, видимо, проведен теми, кто готовил материал для Послания президента РФ Федеральному Собранию РФ в ноябре 2009 года.

Сохраняющаяся традиция лукавства с фактами истории не позволяет представителям политической элиты общества воспользоваться таким важным средством усвоения опыта истории, формирования исторического сознания и мышления руководителей страны, политического воспитания масс, как урок истории. Являясь выводом из причинно-следственных связей событий прошлого и настоящего, урок истории как методологическая категория отражает определенную закономерность переживаемой политической ситуации, без учета которой «трамвай власти» теряет нить управления происходящими в обществе процессами. Это хорошо видно на примере урока истории, полученного верховной властью России в начале XX века и неусвоенного ею в конце XX века: **государство должно выполнять имманентно присущие ему функции независимо от выбранной политиками модели экономического развития общества.**

²¹ См.: Российская газета. 2009. 13 ноября.

²² См.: *Хазин М.* Начинаются процессы, на которые ни одно правительство повлиять не способно // Политический класс. 2009. № 10. С. 22–23; *Бабич А.* 2000-е годы — потерянное десятилетие // Политический класс. 2009. № 10. С. 28–29.

²³ См.: *Гринберг Р.* Ловля попутного ветра. Примитивизация экономики — естественное следствие нашей истории и носит системный характер // Российская газета. 2010. 17 февраля.

²⁴ См.: *Примаков Е.* Россия перед выбором // Российская газета. 2010. 14 января.

²⁵ См.: *Шохин А.* Еще раз о новациях и модернизации... // Известия. 2010. 23 марта.

²⁶ См.: *Гринберг Р.* Ловля попутного ветра. Примитивизация экономики — естественное следствие нашей истории и носит системный характер // Российская газета. 2010. 17 февраля.

Сохранение регулирующей роли государства на пути создания рыночной экономики позволило министру финансов царской России С.Витте за десять лет решить задачу создания в стране независимой индустрии; председателю Совета народных комиссаров СССР В.Ленину на основе новой экономической политики — за пять лет восстановить уровень промышленного развития России 1913 года.

Именно государственное вмешательство в рыночные отношения вывело капиталистические страны из мирового экономического кризиса начала 30-х годов XX века; помогло сохранить управляемость экономическими процессами и смягчить социальные последствия для населения стран Центральной и Восточной Европы при переходе к рыночным отношениям в период «бархатных» революций 90-х годов XX века.

Руководителям этих стран понадобилось 1,5 года, чтобы понять ошибочность тезиса саморегулируемой экономики без участия государства.

Сторонники теории неолиберализма, оказавшись в конце XX века у власти в России, откровенно проигнорировали этот урок отечественной и мировой истории, взяли курс на демонтаж любого государственного вмешательства в экономику под лозунгом: «Чем меньше государства, тем лучше рыночные реформы». По замыслу реформаторов, государство должно было отказаться от выполнения имманентно присущих ему функций, от разработки своей политики в важнейших сферах жизни общества. При президенте РФ Б.Ельцине фактически была упразднена внешняя политика государства²⁷; во внутренней — исчезло само понятие промышленной политики, которое привело к утрате государственного контроля над ее основными отраслями. Президент РФ в 2003 году предлагал выработать промышленную политику Российскому союзу промышленников и предпринимателей, а не государству²⁸. Из всех официальных документов тогда исчез термин «планирование» (в лучшем случае он заменялся понятием «прогнозирование»), перестало осуществляться стратегическое и индикативное планирование. Огромной бедой стало отсутствие в стране механизма для координации разных направлений хозяйственной политики²⁹.

В таких условиях у высших органов государственной власти отпадала необходимость в научном обосновании решений по осуществлению радикально-либеральных реформ в России, тем более, в каком-либо конкретно-историческом анализе политической ситуации в стране: разбухшая стихия рыночных отношений должна была все сама отрегулировать в экономике.

Основу государственных решений стали определять интересы и нужды крупного бизнеса, который до 2005 года оказался главной движущей силой всех преобразований в России с 90-х годов XX века. «Подгонкой» под конкретные интересы и нужды крупного бизнеса особенно отличались указы президента РФ Б.Ельцина³⁰. По оценке президента РФ В. Путина, в стране сложилась «порочная практика принятия государственных решений под давлением

²⁷ См.: Дегоев В. По ком звонить Косово? // Политический класс. 2008. № 3. С. 15.

²⁸ См.: Захарова В. Опальный съезд опальных олигархов // Городские ведомости г. Тольяти. № 53. 20 декабря 2003 г. С. 5.

²⁹ Кушлин В.И. Государственное управление экономикой на современном этапе // Научный эксперт. Научный электронный журнал. 2008. № 5. С. 121.

³⁰ См.: Степашин С. Сколько стоит Россия // Российская газета. 2005. 24 июня. С. 5–6.

сырьевых и финансовых монополий, медиамагнатов, зарубежных политических кругов и оголтелых популистов, когда не только национальные интересы, но и элементарные потребности миллионов цинично игнорировались»³¹.

Последствия превращения государства в «ночного сторожа» в экономике оказались драматичными для России: «страна впала в унижительную зависимость от международных финансовых организаций и разного рода международных финансовых спекулянтов. ...внешний долг России к ВВП на конец 1999 года составлял почти 90%... За чертой бедности оказалась фактически треть населения страны... Конституция страны и федеральные законы утратили во многих регионах качество актов высшей юридической силы»³².

Отсутствие критического осмысления и усвоения уроков опыта реформ 1990-х годов XX века мешает власти отказаться от устаревших стереотипов прошлого. В 2009–2010 годах перевод экономики на инновационные рельсы происходил по-прежнему под влиянием идеи саморегулируемой экономики в рамках господствующей политики неолиберализма на безальтернативной основе. Решение первого российского экономического конгресса, состоявшегося в декабре 2009 года, о необходимости создания экспертного совета экономистов при правительстве РФ для развенчания «экономического колдовства», т.е. антинаучных подходов к решению проблемы модернизации, так и осталось на бумаге³³. Ключевые факторы прежней экономической модели: монетаризм и принципы его экономической политики; низкое социальное качество бизнеса и бизнес-элиты (слабая ориентированность на задачи национального развития, слабая ответственность его перед государством и обществом) продолжало перекрывать переход к инновационной экономике.

Государство сознательно уходило от предложений по созданию механизма по координации различных направлений хозяйственной деятельности, от выработки промышленной политики, от идеи создания общенационального фонда модернизации и технологического развития страны (по образцу ГКНТ в СССР)³⁴.

Усилия государства по созданию благоприятной среды для развития инновационного производства свелись в этот период к открытию научно-исследовательских федеральных университетов, инновационных предприятий при вузах, инновационного центра «Сколково», специализированных корпораций «Внешэкономбанк», «Роснано». Как крупнейший потребитель инновационных продуктов государство самоустранилось и от роли компетентного заказчика новых технологий, от формирования нового механизма внедрения инноваций и рынка их потребления. Оно заняло позицию по стимулированию научной инициативы «снизу», с ожиданием «всплытия» научных проектов, эффективность и масштабы которых могут оказать и мизерное влияние на развитие экономики страны. По мнению проректора Томского университета систем управления и радиоэлектроники А.Уварова, Россия тотально не гото-

³¹ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 г. // Российская газета. 2008.

³² Из выступления Владимира Путина перед доверенными лицами 12 февраля 2004 года в МГУ им. М.В.Ломоносова // Известия. 2004. 13 февраля.

³³ Зыкова Т. Кто проспал кризис // Российская газета. 2009. 28 декабря.

³⁴ См.: Примаков Е. Россия перед выбором // Российская газета. 2010. 14 января; Гринберг Р. Ловля попутного ветра // Российская газета. 2010. 17 февраля.

ва работать на принципах тройной инновационной спирали: вуз — бизнес — государство. Из 17 критериев готовности перехода к такой спирали Россия отвечает всего семи показателям³⁵.

Между тем, в условиях существования сырьевой экономики именно постановка государством перед отечественной наукой крупных, рыночно выгодных технологических проектов может сократить исторические сроки решения проблемы модернизации технологической базы российской экономики, перевода ее на инновационные рельсы, создание механизма преобразования интеллектуального потенциала в капитал, формирования инновационной элиты страны³⁶.

Несостоятельной выглядит и ставка российских властей в развитии инновационного проекта «Сколково» только на ученых эмигрантов. Как справедливо заметил лауреат Нобелевской премии Андрей Гейм: «России нужны свои сытые, довольные ученые. На них надо тратить миллиарды, а не на тех, кто из-за границы уже десять лет обещает золотые горы. Эти ученые эмигранты, они называют себя патриотами России, хотя сами уже выстроились в очередь, готовые хапнуть и убежать»³⁷.

За последние 18 лет в рамках научной эмиграции Россию покинуло более 3 млн. человек. Из них 26 % по причинам отсутствия нового оборудования в НИИ (не превышало 20%) и низкой зарплаты (не более 15 тыс. рублей)³⁸. Государство, финансируя РАН на уровне среднего университета США, желало получать отдачу, как от всей американской науки. В 2007 году из 370 млрд. рублей, выделенных государством на поддержку отечественной науки, лишь 12% предназначалось РАН, а 57% было направлено на науку в предпринимательском секторе³⁹.

Ученые РАН, участвуя в наногонке, из 152 стран занимают 12-е место по количеству публикаций в престижных журналах мира. Однако при пересчете отдачи ученых к количеству вложенных в них средств российские ученые вырываются в лидеры. Они занимают первое место в мире по цитируемости в области физики, химии, наук о Земле, второе место — по материаловедению и математике⁴⁰.

Начавшийся в 2009–2010 годах поиск верховной властью путей перевода экономики на инновационный путь развития проводится, как и прежде, без критического осмысления исторического опыта по модернизации российского общества XX — начала XXI века, в рамках стереотипов политического мышления прошлого, принципов и методов господствующей доктрины неолиберализма.

Используемый властью метод проб и ошибок мешает усвоить ей один из главных уроков пережитого: **не закрепленные законом процедуры процесса подготовки и реализации государственных решений неизбежно ведут к повторению одних и тех же ошибок прошлого.**

³⁵ Медведев Ю. Какая инновационная модель подходит России? // Российская газета. 2010. 22 декабря.

³⁶ См.: Картунов С. Войдет ли Россия в пятерку мировых лидеров? // Вестник аналитики. № 1. 2010. С. 17.

³⁷ Российская газета. 2010. 13 октября.

³⁸ Российская газета. 2010. 23 ноября.

³⁹ Российская газета. 2010. 20 октября.

⁴⁰ Деменко С. Замкнули первую джужину // Российская газета. 2010. 8 декабря. С. 14.

Елена КОМЛЕВА

ФЕНОМЕН ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ: ДУХОВНО-ГУМАНИТАРНО-ПРАГМАТИЧНЫЙ ВЗГЛЯД

Вот мое предназначенье —
Сесть спокойно у воды
И свести в одно сечение
Жизнь песчинки и звезды.

Привести к одной системе
Сердце солнца и свое.
И услышать, как в весенней
Роще иволга поет.

И увидеть, как бездонно небо, —
Не вмещает грудь!
Посолить краюшку хлеба,
Съесть ее и... снова в путь.

*Т.Полежаева.
«Эхо полевых сезонов».
Архангельск*

В ходе более чем десятилетних исследований на базе десяти российских и зарубежных университетов и институтов сформирована научно-прагматическая позиция, определены задачи и получены некоторые результаты.

Феномен ядерной энергии в прошлом, настоящем и будущем был, есть и будет чрезвычайно важным для людей. Ядерная энергия крепкими узами связана с человечеством. И человечество ощутило себя единым и хрупким сущим впервые перед ядерной опасностью. Техногенное ядерное благо или ядерная опасность для человечества — большей частью все же от человека и социума. И то, и другое — «плоть от плоти» разума, души и рук человеческих. Это формирует обратную связь — влияние человека, такого, как есть и каким будет в антропосоциальном смысле, на возможные последствия ядерных явлений. Суперглобальному значению, негативным вызовам и позитивным возможностям ядерной энергии должны соответствовать адекватные по усилиям, комплексности и полноте, активности и постоянству подходы и действия при осмыслении, сдерживании или адаптации к реальным условиям человечества этих свойств феномена. А также серьезные вопросы о готовности людей к принятому разумом и сердцем сосуществованию с ядерным феноменом сейчас и в будущем.

Ядерный феномен по праву стал предметом внимательнейшего изучения философии, политологии, экономики и экологии. Попал в поле зрения других наук, религии, духовного творчества и общечеловеческой культуры. И это

пристальное внимание имеет перспективу существовать века. Двух немецких философов в контексте генеральной методологии можно считать ключевыми фигурами при обращении к теме. Это К.Ясперс и Э.Кассирер. Первый задал мотивацию и путь к поиску антропосоциоядерных ракурсов, а также к определению масштаба научной проблемы. Второй «подсказывает» социокультурный характер и инструментарий познания на этом пути.

Существует тенденция, в контексте духовно-гуманитарного понимания глобальных проблем, к восприятию феномена амбивалентной ядерной энергии во всей доступной на сегодня его полноте. Целесообразно усиление интегральной в содержательных смыслах общего познавательного опыта, поли- и междисциплинарной относительно наук о человеке и обществе и внеаучных знаний о человеке, системной и деятельностно-ориентированной совместной рефлексии человеческой цивилизации и ядерной энергии. Рефлексии в двуедином контексте как их сосуществования и взаимодействия в виде относительно внешних друг для друга объектов, так и того обстоятельства, что ядерное есть неотъемлемая часть феномена человечества.

Можно обозначить основные связи ядерной энергии с другими важными в судьбе человечества явлениями — бытийные контуры антропосоциальной компоненты ядерного феномена.

На основе «логических цепочек», в контексте известной общечеловеческой идеи всеединства и единения в многообразии, различные грани которой интерпретированы многими философами, естествоиспытателями, писателями и политиками, предложен образ-схема связного множества антропосоциоядерных комбинаций, современных «окрестностей» ядерной энергии. Пространства ассоциативных связей, явных, случайных и смысловых совпадений или как бы совпадений, взаимоотношений, соотношений, сопряжений ее и других глобальных явлений. Как правило, в социальных аспектах взаимодействие в каждой «цепочке» — двояко направленное. Образ «континуума» проявлений ядерной энергии и антропосоциальных, совокупного феномена «окрестностей» и ядерной энергии, способствует обобщению и объединению узкоспециализированных «ведомственных» подходов к рефлексии, переходу количества в качество, скачку мысли к пониманию необходимости широкого и глубокого антропосоциоядерного «смотрения» и комплексно интегрированных действий.

Некоторые примеры логических «цепочек», характеризующих прямые или опосредованные связи, зависимости, взаимодействия, соотношения, сопряжения между ядерной энергией (ЯЭ) и другими важными для человека и человечества явлениями:

ЯЭ — материя, энергия, пространство, время — вселенная — мировоззрение в целом;

ЯЭ — Солнце — естественные процессы в гео- и биосферах — жизнь на Земле;

ЯЭ — эсхатологический потенциал — концепция Бога и человека;

ЯЭ — эсхатологический потенциал — реальное «качество» человека и общества;

ЯЭ — энергетическая стратегия — глобальная социальная стратегия;

ЯЭ — ядерное оружие — человечество как хрупкий единый организм;

ЯЭ — ядерное оружие — тоталитаризм;

ЯЭ — научные доминанты и тайны XX и XXI веков — биология;

- ЯЭ — общество риска — теория общества;
- ЯЭ — ядерная физика и радиохимия — естественные науки;
- ЯЭ — совместное исследование (ЦЕРН, Дубна) — интеграция человечества;
- ЯЭ — Солнце и звезды — стратегические энергетические задачи;
- ЯЭ — наука и техника — прогресс и общепланетарный кризис;
- ЯЭ — демография — экономические, политические и военные кризисы;
- ЯЭ — смена энергоносителей — экономические, политические и военные кризисы;
- ЯЭ — энергетика — структура и уровень сельского хозяйства и промышленности;
- ЯЭ — ядерное оружие — оружие массового поражения в целом и терроризм;
- ЯЭ — ядерное оружие — так называемое «геофизическое» оружие;
- ЯЭ — история мировых войн — модель стабильного сосуществования;
- ЯЭ — ядерная дискриминация — социально-экономическое неравенство;
- ЯЭ — Иран — право нации на владение ЯЭ;
- ЯЭ — Северная Корея — стратегическое жизнеобеспечение как эквивалент ЯЭ;
- ЯЭ — ООН, МАГАТЭ — институты глобального управления;
- ЯЭ — управление устойчивым развитием — гражданское общество;
- ЯЭ — глобальные возможности и риски — этика и философия техники;
- ЯЭ — изменение климата — энергетическая философия и политика;
- ЯЭ — Чернобыль — глобальный экологический кризис;
- ЯЭ — радиоактивные отходы — отходы жизнедеятельности в целом;
- ЯЭ — амбивалентность — информационные, био- и другие технологии — человек;
- ЯЭ — маргинальные полигоны — аборигены, биоразнообразие;
- ЯЭ — длительные выгоды и опасности — футурология;
- ЯЭ — управление ядерной сферой — структура и качество информации;
- ЯЭ — энергия, экология, социальная сфера, устойчивость — Agenda 21;
- ЯЭ — ядерные сообщества (NEA, FNCA) — международные экономические союзы;
- ЯЭ — ядерная деятельность — нефть и газ — экономические и политические приоритеты;
- ЯЭ — гелиевая энергетика — исследование Луны;
- ЯЭ — базовая мотивация познания и применения — философия и аксиология;
- ЯЭ — неоднозначность микромира — методология естественных и социальных наук;
- ЯЭ — терминология — категориальный аппарат философии;
- ЯЭ — апологеты и оппоненты — образование и просвещение;
- ЯЭ — ядерная ментальность — общественное сознание в целом;
- ЯЭ — ядерная этика — культурные и религиозные традиции;
- ЯЭ — морально-нравственные нормы и секретность — открытость ядерной информации;
- ЯЭ — ядерные образы — художественное творчество;
- ЯЭ — нечувственное восприятие «квантов» реальности — мистическое мировоззрение;
- ЯЭ — социальная мистика ядерных и других явлений — иррациональная рефлексия;

ЯЭ — энергетический фактор — история технологического развития человечества;

ЯЭ — история ядерной науки и техносферы — памятники истории и культуры;

ЯЭ — ядерная история — история духовно-гуманитарной рефлексии ядерного социума.

Данный список таких «цепочек» крупных мировоззренческих и приоритетных интеллектуально-прагматических проблем, тем, задач, действий и тому подобных граней социума, конечно же, лишь как частная выборка ограничено отражает фактическое антропосоциоядерное пространство и открыт для продолжения. Здесь это, прежде всего, иллюстрация идеи о необходимости комплексного подхода к изучению феномена ядерной энергии, в увязке с широким спектром научных тем, практических задач и рефлексивных, с помощью разнообразных символов и образов, возможностей человечества.

Намечены подходы к усилению Human Dimension, гуманистических и гуманитарных начал и мотиваций в антропосоциальной компоненте феномена ядерной энергии, позиций своеобразного антропного социоядерного или антропосоциоядерного принципа. Плодотворно обращение к аналогу широко известного классического антропного принципа, значимого и непротиворечивого одновременно для важнейших социокультурных парадигм — естественнонаучной, философской и религиозной. Социоядерный антропный принцип усиливает перспективы синтеза единой светско-религиозной социоментальной (дополнительно к технологической) и совокупной прагматической платформы относительно ядерного феномена.

Полезно, несомненно, оконтурить также понятийное пространство применительно к антропным и социальным аспектам ядерной энергии, предложить рабочие версии главных понятий.

Феномен ядерной энергии. Облик феномена ядерной энергии многообразен. Материально и принципиально он формируется как природными (известными и неизвестными человеку), так и антропогенными сущностями. В простом перечислении «первого приближения» — это звезды, космические излучения, часть тепла недр и естественная радиоактивность Земли. А также — ядерное оружие, ядерное сдерживание и нераспространение, гражданская ядерная энергетика, атомные военные и гражданские, подводные и надводные суда, источники энергии длительного пользования для освоения космоса, научные приборы и средства технологического контроля и воздействия в медицине, сельском хозяйстве и промышленности, радиоактивные отходы со сроком хранения в сотни тысяч лет. Известные (и неизвестные как отдельная часть) природные и антропогенные ядерные сущности представляют, хотя и в разной степени, сферу интеллектуальных и практических интересов и действий людей, связаны «эфиром» людского внимания.

Антропосоциальная компонента феномена ядерной энергии. Это все положительные и негативные, естественного и искусственного происхождения проявления и эффекты ядерной энергии в жизни людей, которыми ядерная энергия посредством различных систем символов, так или иначе, уже идентифицируется социумом в своем ментальном пространстве. Все наши задачи и проблемы, надежды и заботы, удачные или неудачные мысли и практические действия, с которыми она напрямую или косвенно связана. Все явления челове-

ства, которые зависят от ядерной энергии. Все явления человечества, от которых зависит «бытие» ядерной энергии в контакте с человечеством. Все явления человечества, которые развиваются во взаимосвязи с феноменом ядерной энергии. Связи, зависимости и взаимодействия, в космологическом смысле бывшие большей частью, по крайней мере — по отношению к периоду существования живой материи, практически всегда, но особенно отныне, с возникновением ядерной техносферы, — вечные и важные составные части среды существования людей. И наша естественнонаучная и техническая, философская и религиозная, духовно-гуманитарная на основе других и разных видов социального знания рефлексия их, а также наше изменение их. Другими словами, антропосоциальная компонента ядерного феномена — это, соответственно материально-духовной дихотомии человека, комплексное материально-духовное бытие человека в условиях ядерной вселенной и ядерного социума.

Социоядерный антропный принцип — это требование таких рефлексии и действий, чтобы в будущем антропосоциальная компонента феномена ядерной энергии формировалась в совокупном светско-религиозном «поле» лучшего духовно-гуманитарного и рукотворного наследия человечества, была адекватной ему и позитивно участвовала в генерировании новых пластов материальной и духовной культуры, чтобы «ядерный человек» был гуманным и позитивно «культурогенным». Другими словами, это требование оптимизации «параметров антропосоциоядерной вселенной» с позиций блага человека, посредством гуманизации и гуманитаризации интеллектуальной и практической деятельности в ядерной сфере.

Подробно показаны примеры некоторых фрагментов рассматриваемой компоненты, их светские и религиозные, философские, экономические и историко-политологические аспекты. А также информационные, коммуникационные, ментальные и экологические модусы современного ядерного социума. И методологические пути, инструментарий их совместного осмысления, известные из истории и околнотуренные для будущего. В ракурсе антропосоциоядерных вызовов и надежд, негатива и позитива обозначен рефлексивный потенциал мировоззренческих систем (философия, религия), наук о человеке и обществе, духовного творчества (искусство, литература, миф) и морально-нравственных традиций. В частности, при осмыслении международными усилиями в рамках гипотезы SAMPO: в контексте смыслов региональных Scandinavian (or Slavic, Saida, Severodvinsk, Spitsbergen, Saamen, Siberian, Salekhard, Sakha, Sakhalin, Simushir, Semipalatinsk, Sarov, Seversk, Slavutich) Atomic Mission — the Proliferation's Oikumene и общечеловеческого Special Anthropic Mission — the Power (Prometheus) Obedience. Обозначен также потенциал в процессе информационно-аналитической социально-ядерной деятельности.

Методология SAMPO соответствует инициативе Президента Российской Федерации (2006 г.) по Глобальной ядерной инфраструктуре. И разрабатываемой РАН и Росатомом (А.Саркисов) для Севера России идеологии интеграционного подхода к проблемам ядерных отходов. Гипотезу SAMPO начинают серьезно обсуждать. Одна из моих статей отражена в официальном библиографическом списке материалов к рассмотрению законопроекта республики Беларусь «Об использовании атомной энергии». Другая опубликована в материалах ярмарки инновационных проектов АТОМЭКО-2008. Думаю, продолжение обсуждений последует, так как, например, специалисты Кольского научного

центра РАН предложили построить «вечное» подземное ядерное хранилище в горле Кольского залива (Сайда Губа — «подбрюшье» Североморска и Мурманска). Второй вариант такого объекта (Дальние Зеленцы) предлагается учеными «под боком» у будущей инфраструктуры Газпрома и полигона, где погиб «Курск». Ситуацию «подогревает» решение Б.Обамы, вопреки действующему «Акту о политике в отношении ядерных отходов», через 22 года с начала строительства и после затрат в 9 миллиардов долларов, прекратить реализацию проекта «путеводной звезды», прототипа для многих подобного родастроек — национального хранилища Yucca Mountain. А также — идея и проекты интернационализации последней стадии обращения с ядерными отходами, их надежной изоляции от биосферы. Возникают вопросы «как?» и «где?».

Отмечены доминирование принципа нераспространения ядерных материалов, преемственность и взаимосвязь не только российских ядерно-религиозных центров, но и международных энергетических проектов.

Следует сказать, что в породах Печенги, где возможна материализация одного из вариантов гипотезы SAMPO, российскими и норвежскими геологами найдены окаменелые образцы древнейших, возрастом более 2 млрд. лет, микроорганизмов (*Pechengia melezhiki*), сформировавших на Земле важнейшие условия для будущей биологической эволюции (развития на кислородной основе) вплоть до высших форм. Эти сохранившиеся до нас окаменелости возможно, видимо, считать признаком региональной геологической долговременной стабильности, столь необходимой ядерным объектам. Своеобразным талисманом-оберегом. А сочетание открытия *Pechengia melezhiki* с SAMPO — символом трансформации и преемственности энергетики жизни.

Применительно к антропосоциоядерной сфере изучено состояние дел в политических и научных институтах ООН. Выполнен анализ методологии исследований The United Nations University and The Hiroshima Peace Institute. Целесообразно рассматривать далее социальные и антропные аспекты ядерной энергии по сетевому принципу — в UNU (лидер-координатор) и других университетах единой «сети сетей». На духовно-гуманитарной, рационально-иррациональной методологической базе, отвечающей максимально полной реализации концепта и ракурсов суммарного знания о человеке и обществе, с позиций принципов гражданского общества. Для выработки адекватных задачам развития человечества научных и политических рекомендаций по мониторингу ядерной и сопряженных с ней сфер цивилизации и ядерного общественного сознания, влиянию на их эволюцию с целью сделать ядерный мир безопасным, долговечным и комфортным. Для успешного интеллектуального поиска и практического укоренения генерирующих оптимальное будущее антропосоциоядерных начал.

Благодарю за поддержку отдельных этапов исследований EU Program «Gateway Education», Research Council of Norway, Canon Foundation in Europe, Deutscher Akademischer Austauschdienst u World Nuclear University, профессоров B.Falkenburg, N.Witoszek, D.Macer, R.Thakur, A.Zakri, P.Masterson, M.Taeb, T.Kawabe, P.Lakkala, L.Kurppa, V.Ryabev, V.Masloboev, T.Meyer, Z.Fadeeva и многих-многих других, а также научных сотрудников Института философии и политологии Дортмундского технического университета.

Мария КОРТУНОВА

КАК «ДАЮТ СТРАНЕ УГЛЯ». НОВЫЕ РЕАЛИИ

Репортаж с места событий

На протяжении нескольких лет в числе прочих заданий в Институте стратегических оценок и анализа я занималась аналитическими обзорами о социально-экономическом положении Ростовской области. И, естественно, знала, что одной из самых острых проблем этого региона является проблема шахтерских территорий Восточного Донбасса, где за время реструктуризации угольной отрасли было ликвидировано 49 из 64 шахт.

Знала и то, что это проблема не только Восточного Донбасса.

Бесстрастная статистика свидетельствовала, что закрытие угольных предприятий, недостаточное финансирование привели к высокому уровню безработицы, значительному снижению уровня заработной платы, увеличению числа людей, живущих за чертой бедности, и росту преступности.

Фиксируя в обзорах эти безрадостные процессы, вялую реакцию на них местной власти и населения, анализируя документы и публикации в печати, я все чаще вспоминала то, что происходило в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

Тогда, на волне перестроечных процессов в СССР, шахтеры продемонстрировали политическую активность, и забастовки, прокатившиеся по всем угольным регионам СССР, сыграли немалую роль в процессе распада советской системы. Объяснений этого феномена было немало, но одно было несомненным — способность шахтеров организовываться для защиты своих интересов достаточно высока, и забывать об этом, и не учитывать этого в нынешних реалиях вряд ли разумно.

Прошли те времена, когда к шахтерской гвардии относились с почетом и уважением: у шахтеров была достойная зарплата, они носили звания героев труда, орденосцев. Теперь в шахтерских регионах проблем, что называется, выше крыши, жить в некоторых поселках, мягко говоря, некомфортно: централизованных газа, канализации и отопления в бараках, построенных 20 лет

назад, нет до сих пор. Те, кто может, уезжают в большие города, а те, кто остался, стараются выжить, еле-еле сводя концы с концами...

Я представляла, что происходит в регионе, и сказала себе, что, отложив на время бумаги, должна поехать туда и увидеть все своими глазами. И поскольку моя вторая профессия — социально-документальная фотография, возникла идея сделать социальный фотопроjekt о шахтерах, запечатлеть увиденное в фоторепортаже, а для этого необходимо как можно более широкое общение с людьми в местах, так сказать, их каждодневного обитания. Несомненно, требовалась помощь тех, на кого можно будет опереться в этой работе.

Я обратилась к Р.Бадалову, заместителю председателя Росуглепрофа, и 24 ноября 2010 года на ежегодном Всероссийском совещании председателей первичных профсоюзных организаций Росуглепрофа он свел меня с делегацией из Ростовской области, возглавляемой Александром Лозыченко, председателем Гуковского теркома угольщиков. Надо сказать, что без его поддержки вряд ли удалось бы осуществить все, что намечала. Да и вряд ли хозяева «Русского угля», которым в Ростовской области принадлежит 6 шахт, будут рады фотокорреспонденту из Москвы.

29 ноября я вылетела в Ростов-на-Дону и уже на следующий день приехала в Гуково. Оставила вещи в гостинице и сразу же пошла в терком на встречу с Лозыченко. Александр Васильевич возглавляет профсоюз всего год, но и за это время ему удалось добиться очень многого. Он, безусловно, искренне болеет за свое дело и старается всеми возможными средствами изменить ситуацию, сложившуюся на шахтах «Русского угля», и улучшить положение шахтеров. Он познакомил меня с Людмилой Липановой, главным редактором газеты «Звезда шахтера», с которой я практически и не расставалась все время пребывания в Гуково. Договорились, что съездим на две шахты — «Алмазная» и «Обуховская» и обязательно спустимся под землю. Я планировала попасть в дом шахтерской семьи, а также снять репортаж о том, как живут пенсионеры — ветераны шахтерского труда.

Основная отрасль экономики Гуково — угледобывающая промышленность (ОАО «Гуковуголь»). Сам город — это однотипные трех-пятиэтажные дома типа «хрущев». Как и полагается, на главной площади — памятник Ленину и здание Дома культуры с колоннами в стиле «сталинского ампира». Несмотря на однотипность застройки, город производит впечатление довольно-таки чистого, уютного поселения с обширными зелеными насаждениями.

В Москве меня предупреждали, что ехать одной с фототехникой небезопасно, особенно учитывая сводки о криминогенной обстановке в этих районах. Но ничего опасного здесь я не увидела — обычный российский город: днем на улицах в основном женщины, дети и люди пенсионного возраста, мужчины — на шахтах. Но людям здесь живется трудно.

По словам А.Лозыченко, средняя зарплата на угольных предприятиях на основных профессиях от 12 до 25 тыс. руб. И сейчас это считается большими деньгами, хотя 2–3 года назад шахтеры получали по 40 тысяч. А все остальные работники шахты — это 800 человек из 1000 — получают и того меньше. Тарифы здесь — самые низкие в стране (средняя зарплата по угольной России составляет 26 тыс. руб., на предприятиях Гуковуголь — 12 тыс. руб.!) Более того, средняя зарплата в других отраслях Ростовской области больше, чем

зарабатывает шахтер под землей. Даже в сельском хозяйстве средняя зарплата выше, чем на шахте. Сложно представить, как можно прожить на эти деньги — цены в здешних магазинах почти московские, а коммунальные платежи — не меньше столичных.

Такая ситуация сложилась именно на шахтах, принадлежащих компании «Русский уголь». Эта угледобывающая компания была образова-

на в 2002 году. В августе 2009 года ее генеральным директором был назначен Т. Матиев, который одновременно занимает должность генерального директора ОАО «Петровский пассаж» и является членом Наблюдательного Совета ЗАО «МОССТРОЙЭКОНОМБАНК». По всему видно — человек очень занятый другими делами, а здесь у него пока мало что получается: добыча угля постоянно падает, число работников сокращается, количество очистных забоев снижается.

Кадры — это вообще самая острая проблема для всех угольных предприятий. Отток специалистов с шахт ныне ликвидированного «Гуковугля» начался еще до кризиса, в 2009 году тенденция усилилась и продолжается до сих пор. Угольные предприятия испытывают острый дефицит рабочих рук. На некоторых шахтах за 2 года поменялось по 9 директоров. То есть ни один директор не проработал на шахте больше года. При этом, говорят, руководителями назначаются люди, весьма далекие от горного дела.

Предприятие в результате таких кадровых катаклизмов становится практически неуправляемым. В результате бездумной оптимизации численности, считает председатель Гуковского теркома профсоюза, было потеряно много ценных кадров, вернуть которые теперь невозможно. И на сегодняшний день все до единого предприятия страдают от нехватки специалистов. Те, кто работает — люди предпенсионного и пенсионного возраста. Зароботная плата, особенно на поверхности, не превышает 5 тыс. рублей. Есть смешные оклады в 3 тысячи плюс крохотные доплаты. Но человек, получая на руки 3–4 тыс. руб., работать за такие деньги хорошо уже не будет.

Это общая беда для всех угольных предприятий Восточного Донбасса. Молодежи, желающей трудиться на шахте, сейчас не найти днем с огнем. А для того чтобы привлечь молодых специалистов на производство, собственники долгие годы ничего не предпринимали.

Как рассказал А. Лозыченко, компания «Русский уголь» закупила технику за рубежом по лизинговым схемам. Причем закупали, понимая (!), что на шахтах эта техника вряд

найдет применение. Получается, что это чистой воды отмыв денег. До сегодняшнего дня компания расплачивается по долгам за оборудование, которое здесь не работает.

А ведь единственная возможность для шахтеров увеличить заработки — это добиться стабильного выполнения плана добычи. Однако после кризисного 2009 года сохранить произ-

водство на прежнем уровне очень сложно, тем более, работая на постоянно выходящей из строя технике. Шахтеры ремонтируют ее, используя старые запчасти, но проку от этого немного. Выходит, что в выполнении плана добычи заинтересованы только шахтеры, но не собственники и руководители шахт.

В общем, надо было очень постараться, чтобы довести ситуацию до такого состояния.

ЗАО «УК «Алмазная» — первая шахта, на которой я побывала. От Гукова до «Алмазной» на машине минут 20. Шахтеров обычно возит автобус по расписанию, кто-то ездит на своем транспорте. Территория «Алмазной» большая. Громадное здание администрации, где находятся технические помещения, моечные, раздевалки, прачечная и проч., было построено еще в советское время.

Знакомство с шахтой началось с процедуры выписки наряда-поручения, через которую проходит каждая смена шахтеров перед началом рабочего дня. Затем, переодевшись, шахтеры заливают на кухне в пластиковые полуторалитровые бутылки воду или чай и идут в ламповую, где получают снаряжение. После этого — спуск в шахту. Снимать их оказалось не так уж и просто — они отворачивались, убегали, кто-то довольно-таки жестко просил не фотографировать. Говорили тоже неохотно. Люди боятся потерять ту работу, которая у них есть, не доверяют никому и не верят, что что-то в их жизни может измениться к лучшему.

На шахте работает много женщин. Главный геолог на «Алмазной» — женщина пенсионного возраста. Почти каждый день спускается в шахту. Женщины — в прачечной, в лифтовой, в моечной, на складе, в ламповой, — наряду с мужчинами обеспечивают бесперебойность и безопасность работы под землей. На улице, на погрузке бруса, который спускают к лаве для укрепления породы, трудится 70-летняя Роза Ивановна. Невероятно тяжелый труд у выборщиц на участке выборки породы: 8 часов махать лопатой в грязи и завесе угольной пыли с зарплатой 3400 руб. в месяц — нелегкая женская доля, но альтернативы у них нет.

Другой шахтерский город, Зверевево, значительно меньше Гуково. Причем в основном он состоит из жилых домов частного сектора. Среднемесячная заработная плата здесь по полному кругу предприятий составляет 11 тыс. руб.

Ежегодная текучесть кадров на шахтах примерно 30%. В Зверево почти половина трудоспособного населения живет и работает за пределами города.

Строительство жилья в городе ведется только индивидуальным способом. Много-этажные жилые дома не строятся из-за отсутствия очистных сооружений с пропускной способностью, обеспечивающей развитие города.

Самая крупная шахта, расположенная рядом с городом, — ОАО «Обуховская», где мне удалось спуститься под землю. Шахта начала свою историю с 1959 года и закладывалась, как самая крупная шахта в Восточной Европе. Название свое получила по фамилии русского геолога дореволюционной России Обухова. Он первый в этих местах обнаружил выходы угольного пласта.

Перед спуском пошли в раздевалку, где мне выдали комплект спецодежды — резиновые сапоги, портянки, каску, хлопчатобумажные штаны и рубашку, шахтерские брюки и куртку. В ламповой получили необходимые под землей предметы — аккумулятор на ремень и лампу на каску. Обязателен под землей железный ящичек, весом около 10 кг — «Спасатель», — кислород, маска. При подземных работах «Спасатель» должен находиться на расстоянии вытянутой руки шахтера, чтобы в случае необходимости — при задымлении или выбросе газа — можно было вскрыть ящик и достать все необходимое для спасения.

Свою камеру я в шахту не брала. Для «зеркалки» скопление пыли и большая влажность — это смерть, а подводного бокса, который мог бы выручить, у меня не было. Не советовали даже заматывать фотоаппарат пленкой: местами угольная пыль висела такая, что не видно было пальцев вытянутой руки. Поэтому специально из Москвы везла фотоаппарат-мыльницу, иначе снимков из-под земли не было бы.

Спускались мы вчетвером — я, Людмила Липанова из «Звезды шахтера», председатель профкома «Обуховской» и главный инженер шахты.

Клеть лифта большая — вмещает 27 человек. Спуск довольно-таки быстрый, даже закладывает уши. При спуске пласты земли мелькают, как ленты, темно, только свет лампы лифта и наших фонарей на касках и железный

скрежет спускающейся кабины. Мысль о том, что от поверхности отделяют сотни метров земли, не пугала, было даже любопытно — как там, внизу?

Из лифта попали в длинный светлый коридор, напоминающий туннель метро. Через боковую дверь вышли в параллельный туннель с проложенной рельсовой дорогой для небольшого поезда с маленькими железными вагончиками для перевозки смены шахтеров к лаве — пластам залегания угля. Здоровые мужчины сгибаются пополам, чтобы пролезть через маленькие проемы в вагончики, которые затем наглухо закрываются при транспортировке людей — скорость поезда довольно-таки большая, вагоны швыряет на поворотах из стороны в сторону, и есть опасность выпасть по дороге.

Надо сказать, что соблюдение техники безопасности — обязательное условие нахождения в шахте и при проведении работ. И множество случаев ее несоблюдения приводят к травмам и к нередкой гибели шахтеров. Хотя сами они жалуются, что некоторые правила совершенно не продуманы, и следовать им порой не то что неудобно, бывает, что и просто невозможно. Как, например, держать всегда под рукой тяжеленный ящик «Спасателя».

Идти нужно аккуратно, внимательно смотря под ноги, особенно на спуске. В коридоре сплошная темень, только свет от ламп на касках. Под ногами попадают куски торчащей арматуры, держащей породу, ямы, которые надо обходить.

Чем дальше вниз, тем больше угольной пыли. Вдыхаешь и чувствуешь, как она проникает в легкие. Заболевания легких — профессиональная болезнь шахтеров, а срок их жизни обычно не превышает 60 лет. Прибывший к нам на обратном пути совсем молодой мальчишка, возвращавшийся со смены, так надрывно кашлял, что сердце сжималось.

По дороге несколько раз попадались висящие над головой на железных крюках целлофановые мешочки. Это так называемые «тормозки» — еда в пакетах, которые шахтеры вешают под потолок для сохранности от крыс, так и шмыгающих то тут, то там под ногами.

Температура воздуха в шахте, чем глубже, тем выше. «Обуховская» считается «комфортной» шахтой — здесь у лавы температура +31–32 градуса. «Алмазная», на которой мы были, но куда не спускались, — жаркая. Там температура местами доходит до +40 и больше, плюс нехватка кислорода, плюс угольная пыль, плюс физические нагрузки — условия работы тяжелейшие, некоторые проходчики, бывает, теряют сознание.

Обратный подъем по коридорам шахт, надо сказать, был тяжелый. Одежда промокла почти насквозь. Два раза здорово стукнулась головой — оценила по достоинству наличие каски на голове. Ведь каждые три минуты ребята кричали «Смотри под ноги!», смотришь под ноги, а в пыли почти не видно, что под ногами, там только свет от лампы фонаря. Смотришь под ноги, а стучаешься головой. Поэтому приходится стрелять глазами вверх-вниз, да еще успеть по сторонам, чтобы что-то сфотографировать.

Проходили над угольной ямой по качающемуся мостику. Глубина ямы более 30 м. Прямо натуральный Индиана Джонс. Ребята опять кричали хором каждую минуту — «Держись за поручни!». Яма закрыта листами, и в щели между ними было видно, что, действительно, глубоко — дна совсем не видно. Сказали, что в прошлом году туда упал человек. Не спасли.

Пролезали в узких переходах между коридорами. Умудрилась зацепиться шнуром лампы и ремнем сумки и застряла. Отцепили!

До самого забоя не дошли. Смену возит поезд по часам. Если идти к забою, то надо быть со сменой весь рабочий день. А столько времени у нас не было.

Когда подошли к лифтам, чтобы подняться наверх, как раз спускалась очередная смена. Плечистые мужчины с хорошими открытыми лицами. Кто хмурый, кто веселый, ведь жизнь идет своим чередом, и человек может приспособиться ко многому. И они стараются выжить и вытянуть свои семьи. Надо сказать, что люди мне там понравились. Нет той агрессивности, разобщенности, сгустка отрицательных эмоций, которые ощущаешь в таком количестве в сытой Москве.

Угольную пыль смывала потом два дня. Смотришь, вроде чистое лицо, а полотенцем вытрешь — оно серое. Вот так дают стране угля.

Получается, что до людей, занятых в угольном производстве, нет никому дела, кроме профсоюза.

Собственники шахт мотивируют свою позицию тем, что несут большие убытки из-за кризиса и поэтому не в состоянии проводить индексацию заработной платы, тарифных ставок, обновлять оборудование и проч. С большим трудом профсоюзу удалось доказать работодателям, что если они не готовы в сложившихся экономических условиях обеспечить постепенное повышение тарифной ставки, то необходимо хотя бы сохранить ее индексацию. Ведь без угледобычи невозможно «вытянуть» экономику предприятий и обеспечить необходимый уровень соцзащиты. Ссылка на кризис — это удобное прикрытие несостоятельности управленцев, которые не хотят и не могут создать условия для эффективной работы.

Невольно наполняешься праведным гневом при одной мысли об этом. Вот ведь вроде бы работодатель обязан обеспечивать людей спецодеждой и обувью, а не обеспечивает. Шахтеры часто вынуждены на свои скудные деньги покупать на рынке мыло и те же сапоги.

Как рассказал А.Лозыченко, Гуковский терком через ЦК профсоюза вышел на Министерство энергетики. В результате судебными приставами были остановлены угольные предприятия, и только после того, как были завезены сапоги, шахты снова включились в работу.

Ну, не дурдом ли? В голову никак не укладывалась логика этого рукотворного ЧП — огромные производства останавливаются из-за того, что работодатели оставили шахтеров без сапог! Сколько стоят сапоги и сколько — недобытые сотни тонн угля? Они что, считать не умеют или им важнее ткнуть носом пониже тот же профсоюзный терком, а заодно и слишком, на их взгляд, привередливых шахтеров?

Да и чего им, собственно, опасаться? Российское законодательство построено таким образом, что для того, чтобы привлечь работодателя за нарушения, нужно пройти семь кругов ада — трудинспекция, прокуратура и проч., а потом этого руководителя оштрафуют на тысячу рублей. И даже если остановят производство, штраф будет наложен на юридическое лицо, т.е. на карманы тех же рабочих. Иначе говоря, остановив предприятие, профсоюз лезет в карман рабочих.

А ведь есть опыт западноевропейских стран, где успешно работают законы, позволяющие людям жить спокойно и не тревожиться о будущем, даже если предприятие готовится к закрытию. И если уж не хватает своего ума, почему бы не позаимствовать его у соседей?

Так что надо, прежде всего, разбираться с законами, чтобы за многократные нарушения трудового законодательства собственника можно было при-

влечь к административной ответственности и наказать ощутимым штрафом. Единственное, что он боится потерять, — это деньги, а все остальное, судя по всему, его давно уже не волнует. И отстреливается лениво и равнодушно от теркома профсоюза, настаивающего на реализации льготы по обеспечению неработающих ветеранов шахтерского труда и инвалидов пайковым бесплатным углем.

Шахтерская пенсия — это 4 тыс. руб. Тонна угля стоит 7 тыс. руб. Для обогрева небольшого домика в холодный осенне-зимний период требуется, по крайней мере, три тонны. Арифметика понятная. И потому эти люди, заслужившие, казалось бы, почетную старость, здесь сегодня не живут, а выживают.

Обидно и стыдно и за них, и за государство, отвернувшееся от своих стариков...

И Гуково, и Зверево вошли в список моногородов, сформированный Минрегион-развития России.

Есть надежда, что будут построены новые предприятия, и в городе появится альтернатива угольной отрасли, что вовсе не означает полную замену ее. Она тоже должна развиваться, и предпосылки для этого есть. Но остаются и серьезные сомнения в том, что это будет сделано в срок и на пользу живущим

здесь людям. Мы ведь так и въехали в XXI век с постыдными бараками и нужниками во дворах...

Многое здесь должно измениться, и прежде всего — должны появиться новые люди, способные разгрести накопившиеся проблемы и предложить альтернативу иной, более достойной жизни.

...И вот снова я сижу за письменным столом, листаю и читаю бумаги, в которых много чего о достигнутых

успехах и о планах дальнейшего процветания региона и почти ничего о том, что я видела своими глазами неделю назад.

Рассматриваю снятые там фотографии — какие замечательные, выразительные лица шахтеров, этих, может, самых земных на земле людей!

Вспоминаю, размышляю, спорю сама с собой. И очень жалею, что не сумела запечатлеть на пленке и тех других, у которых много денег для закупки ненужного импортного оборудования, но нет денег на приобретение сапог для шахтеров....

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

«И БЕЗДНЫ МРАЧНОЙ НА КРАЮ...»

Эдгар Морен. К пропасти? СПб., 2011

Мировой кризис, с трудом покидающий свои реду-ты, заставляет европейских мыслителей трезво оценивать грозящую нам катастрофу. На книжном рынке — апокалипсический бум. Слова — «бездна», «крушение», «перелом», «пучина» — не сходят с обложек книг. Уныние сменяется надеждой, упование — пессимизмом. С этой точки зрения интересна последняя книга Эдгара Морена «К пропасти?».

Эдгар Морен (р. в 1921 году) — французский социолог и культуролог. В своих работах он развивает мысли о конфликте между естественной и технической средой и пытается дать рекомендации по адаптации человека к миру современной техники. Он убежден в том, что техника сама по себе не является злом, стоит осудить лишь ее засилье. Вместе с тем Э.Морен критикует технократическую схему образа жизни и пытается противопоставить ее эмблематику другой цивилизации. В том, что мир стоит на грани катастрофы, социолог не сомневается. Он отмечает, что число локальных войн на планете продолжает расти, войны обретают этническую и религиозную окраску. Повсюду разрушается гражданский порядок. Мафиозная криминальность стала планетарной. Закон мести заменяет правосудие. Процессы регресса захватывают постиндустриальную цивилизацию в целом.

Однако, доказывая неизбежность катастрофы, французский социолог усматривает шанс на спасение. Правда, отметим сразу: особых аргументов у Э.Морена нет. Он скорее уповает, нежели убеждает. Именно поэтому он пишет о том, что хаос, в котором человечество рискует погибнуть, является своего рода выходом в положительную обратную связь *feeg-back positif* возрождения и преобразования. Гусеница умирает в коконе, чтобы стать прекрасной бабочкой, отмечает он, разрушение может быть предварительным актом преобразования. Метафора завораживает. Однако кокон отнюдь не является символом хаоса или разрушения. Если кокон поврежден, не быть прекрасной бабочки на свете.

Наиболее убедителен Морен при оценке реальных событий, происходящих в мире. Он отмечает, что глобализация экономического рынка без внешнего контроля и подлинной саморегуляции создала новые островки богатства и, в

то же время, растущие зоны бедности, как, например, в Латинской Америке и в Китае. Она способствовала целому ряду кризисов и будет содействовать их обострению в будущем, вплоть до угрозы тотального хаоса. Процесс развития науки, техники, индустрии, экономики, движущий сегодня планетарный корабль Земли, не регулируется ни политикой, ни этикой, ни мышлением.

Автор считает, что волны антисемитизма и антиисламизма будут усиливаться, так что «война цивилизаций», по всей видимости, неизбежна. *«Существующая концепция мешает миру найти форму другого вида цивилизаций, чем то развитие, которое рассчитано на озападнивание. Существующая концепция мешает выработать симбиоз цивилизаций, который смог бы интегрировать все лучшее из достижений Запада (например, права человека и права женщин, идеи демократии), исключая из этого худшее. Старая концепция «развития» ведет общества к катастрофе»* (с. 8).

Здесь все очаровательно, особенно права человека и права женщин. Паранойя западного либерального мышления уже не замечает свои абсурды. Э.Морен полагает, что маловероятное остается возможным. Близость опасности может сплотить человечество. В новой метасистеме удастся, судя по всему, регулировать отмеченные противоречия и проблемы. *«Наш организм несет в себе недифференцированные клетки-штаммы, способные, как эмбриональные клетки, создавать различные органы нашего тела. Также и человечество несет в себе врожденные качества и ценности, которые позволяют осуществить создание нового организма»* (с.10).

Подробный анализ в книге получает эпоха так называемого модерна. В чем ее признаки? Экономика развивается посредством конкуренции, а национальные государства — посредством непрерывных конфликтов. Европейская цивилизация распространяет свое влияние на весь мир. Индивидуализм как ценность постепенно становится манкой для миллионов людей. «Инструментальный разум» стремится к эффективности средств, но ставит перед собой заведомо неразумные цели. Развертывается «кризис основ», предугаданный Ф.Ницше. Будущее становится непредсказуемым.

Э.Морен не прочь порассуждать о кризисе европейского духа. Однако ничего принципиально нового в оценке этой темы в книге нет. Снова привычная риторика о том, что мы бьемся в агонии, в борьбе между силами жизни и силами смерти. Особенно огорчительно, что доводы в пользу жизни носят отвлеченный характер. Предположим, рассуждает Э.Морен, что инопланетный наблюдатель пришел пять миллионов лет назад на планету Земля, которая находилась в стадии хаоса. Он бы, разумеется, полагает социолог, вернулся на Омегу в созвездии Кентавра, сказав, что никогда ничего интересного не произойдет на Земле, и это в тот момент, когда макромолекулы уже находились на пути к созданию живых существ. Позже вокруг рек образовались исторические общества, цивилизации.

Согласимся, что метаморфоза невидима в начале. Признаем, что стволовые клетки могут вдруг проснуться и восстановить наш организм и наши нейроны. Однако хотелось бы не только скрестить безнадежные руки на груди и ждать чудесного спасения. Куда направить теоретические усилия мыслителей? Уверенность в прогрессе, подмечает автор, это смерть. Никакой прогресс не может быть абсолютно застрахован на постоянное поступательное разви-

тие. Французский социолог ставит вопрос о преодолении Просвещения. Тема, скажем откровенно, не блещет новизной. Нужно преодолеть болезнь рационализации всего и вся, преодолеть «инструментальный разум». Важно также, по мнению автора, отказаться от идеи чистого разума. Нам нужно отвергнуть слепую рассудочность.

Однако как все это возможно, если человечество все глубже уходит в бездны рациональности, находя в ней оправдание для компьютерных технологий, постчеловека и создания технотронного рая? И, наконец, связать отвержение рациональности с призывом Э. Морена опереться на человеческое сознание? Он призывает к реформе социальной организации, реформе воспитания, жизни в целом, этики. Но человечество устало от реформ. Оно все чаще апеллирует к консервативному сознанию, к восстановлению идущих из глубины веков ценностей не конца реализованных социальных проектов, исчезнувших в неудержимости прогресса.

Э. Морен справедливо критикует экономические теории и их приоритетность в общественном сознании. Он оценивает ее как наиболее продвинутой социальной науку, которая в более строгом измерении оказывается абстрагированной от исторических, психологических, экологических условий, являющихся неотъемлемыми элементами экономической деятельности. *«Партикулярный, разделенный на отдельные области, механистичный, разорванный и редуцирующий разум разрушает комплексность мира и представляет мир в раздробленных фрагментах, рассматривая проблемы фракционно, отдельно друг от друга; разделяя то, что объединено, превращая многогранное в одномерное»* (с. 35).

Много раз в истории философии любомудры пытались создать модель обновленной рациональности. Не избежал этого соблазна и Э. Морен. *«Антропологическая идентичность, — пишет он, — как планетарная идентичность человека Земли, в принципе невозможна без мышления, способного объединить разобщенные понятия и разделенные по дисциплинам знания»* (с. 37–38).

Наиболее значимые разделы книги посвящены рождению планетарного общества. По мнению автора, глобализация, которая началась в 1990-е годы, представляет собой современный этап планетарной эры, начатой в XVI веке, завоеванием Америки, расширением могущественного влияния Западной Европы на мир. Капитализм оказался энергетически заряженной информационной экспансией. Рыночная экономика захватывает все секторы жизни человека, мировой рынок, благодаря этому приобретает свою динамику. Техно-экономическую глобализацию Э. Морен рассматривает как последнюю стадию планетаризации. Общество неотделимо от цивилизации. Уже сложилась мировая цивилизация, выросшая из западного образа жизни, как основа интерактивной игры обмена между наукой, техникой, индустрией, капитализмом, базовыми ценностями. Формируются большие межкультурные волны, благоприятствующие выражению национальных отличий внутри них. Однако абсолютный суверенитет наций является препятствием для появления мирового общества.

Социально-критический пафос книги Э. Морена ослабевает по мере развития его собственной концепции. Он постепенно склоняется к мысли, что планета уже образует территорию, располагающую системой коммуникаций,

экономикой, цивилизацией, культурой, авангардом гражданского общества. Но ей все еще недостает некоторого количества важных постановлений, представляющих собой организационные и правовые институты, инстанции власти и регулирования экономики, политики, полиции, биосферы, гражданства.

Э.Морен полагает, что планетарная политика конфедерации разных стран должна противостоять имперской политике. *«Чтобы сегодня дать диагноз реальной действительности, — пишет автор, — нам необходимо отбросить тривиальный реализм, который говорит, что надо приспособиться к непосредственному будущему, к существующему порядку, к fait accompli, признать победу победителей»* (с. 88).

Креативное создание метасистемы всегда, как подчеркивает Э.Морен, — кажется непостижимым. Это один из случаев невероятного. Но в истории человечества невероятное множество раз становилось вероятным. *«В океане неизвестности навигатор ведет нас мимо хорошо известных нам островов и архипелагов. Существует большое количество достоверных фактов — локальных, частичных, фрагментарных, которые помогают нам в навигации. Но при этом, как было сказано выше, никогда нельзя забывать о том, чего мы не знаем, неизвестное»* (с. 90–91). К сожалению, этого неизвестного в книге больше, чем известного.

Эльвира Спирина

SUMMARY

PRESSING TOPICS

Vasily Koltashov. THE RIGID ECONOMY'S POLITICAL RISKS

1. The animosity of the society might well be called the main emotional outcome of the year of 2010. Those who are dissatisfied the most are not the poorest, but the middle strata — those who gained a lot of benefits from economic growth of the 2000s. It is they who are to face the problem of paying back the bank debts. Have reduced the opportunities to spend vacation abroad or to go to domestic resorts. The years of 2011–2012 are preparing even more unpleasant financial surprises: it would have to be spent more to educate the children and to undergo self-payment of the «guaranteed» medical services. Russia's home market narrowing results in the accelerated growth of consumer inflation. Its rate will remain high level in 2011. The price rise might be especially fast before the Fall.

2. In Russia, following the 1998–1999 crisis, some social contract between the majority of citizens and the government has been made up. The latter could do everything it thinks needed with no resistance from beneath until it obviously tried to worsen the former's position. The government's attempt, in early 2005, to break such a rule by the sharp unequal monetization of social benefits has led to outburst of protests by the pensioners. The government had to maneuver and make concessions. The new tariffs and prices, including transportation charges, that met the Russians behind the threshold of 2011, in fact, are new infringement of the old social contract. But it also signifies that the government has no resources to observe it, thus following a former economic course. There is no other way to solve this contradiction but a political one.

3. The situation developed by early 2011, might be considered as financial crisis of the upper strata. It is being linked with the crisis of lower strata — working classes and a part of proprietors — patience. At the most improper moment, they were advised by the government to wait longer and to pay more. Under such conditions, the influx of broad public into politics is guaranteed, even if the citizens do not understand what those actually are. The important element of the arising radical renaissance of the politics in Russia is the disapproval of all the official political parties.

4. The Russian government's strategic mistake was incomprehension, that the end of global crisis would bring in the overall change of the world economy model. Economy's openness is the factor strengthening crisis in it and aggravating of socio-political situation. To put more material burden on the population is to create the prerequisites for the populace indignation. Russia needs the independent strategy of overcoming of crisis. If one government failed to solve this problem, then another government would take the job. The power shift might be done in various forms. The bureaucratic 'palace coup' by no means can be excluded, it is rather logical in the situation when the upper strata split.

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukraine). THE GEOPOLITICS OF THE WORLD CYBERWAR

1. The cyberspace — the virtual space of the World Information Network — that has no customs, tax nor other restrictions to transport the intellectual product is becoming the global battlefield. In becoming the strategic killing field the cyberspace is similar to the land, sea or air space. But, unlikely to them, the cyberwar make the factors of space and time meanin-

gless. At this war, the targets might be geographically localized and the cyberarmy made eccentric.

2. The world had witnessed the collapse of the US Eurasian geopolitics in the geographical space from the Atlantic to Pacific ocean. The last fighting against Eurasia begins — the West-East cyberwar within the multidimensional communication space of the Earth. The tried-and-trusted methods of information wars are being shifted into the World Wide Web. According to Russian professor Igor Panarin, the WikiLeaks website publications have distinctly outlined the main goal of the information and psychological Anglo-Saxon (the US and Great Britain's) influence — to disintegrate the Eurasian space.

3. The newest geopolitics' technologies make it possible to mass the already existing negative information in the World Wide Web for cyberattack against a corrupted state, to strike a deathblow on the ruling power's legitimacy. The cyberattack's cumulative effect increases manifold, if instead of information carpet «bombing» the decisive attack is aimed against the local «elite in-law». The nearest future is to show whether «the Russian democracy's last strongholds», including «outstanding» functionaries of the party in power and the Russian Federation's «half-dead» State Duma, are aware of this threat.

4. The world is entering the epoch of the world cyberwar which fronts are to become the platforms for setting up the ideology of the global network society based on the new Reformation and Enlightenment — the battle for conscience and inclination for honor against imitation of the true belief and reality. The corrupted states are the first to fall in this battle. Whether the world development will follow the constructive scenario, the author is not in his right to assert.

Tyberio Graciani (Italy). THE USA, TURKEY AND CRISIS OF THE WESTERN SYSTEM

1. After the unipolar world sank into the History archives, the Western system led by the United States seemed to enter the stage of irreversible crisis. Financial and economic collapse and the loss of such an important link in the Western geopolitical system as Turkey testify that the US motive power has exhausted itself. Presently, the USA is on the verge of the epoch-making decision — either to get rid of plans for the world dominance, that is to share with other major world players the load of settling matters of the world politics and economy, or to insist on its hegemonistic projects, putting thus into risk its own survival as the nation.

2. The Western system led by the USA risks to fall into pieces. The Western system's expansion in the East has already been breaking by Russia's newly acquired desire to be in the lead internationally, but, primarily, that was caused by the disastrous military operations in Afghanistan and Iran, the countries that the Pentagon and Washington had failed to put under the control. In Africa, the rivalry with China puts all the West in a critical position, because neither Washington, nor Wall Street, nor the Pentagon, nor the NATO, despite setting up the AFRICOM (the Joint US Armed Forces Command in the Africa Zone) still able to effectively oppose China's expansion at the Black Continent.

3. In the European countries, after the recent breakdown of corresponding systems of social guarantees, for which the oligarchies pursuing the US interests and the IMF ultimatums are to be blamed, the European countries have for ever lost their stability that prompted their economic growth in the past. The European countries' having lost their «unit weight» in the global economy causes weakening the periphery of the Western system in favor of its centre, the USA. This is the reason of the collapse of the US geopolitical system that came into being after 1945. In the near future, with no certain corrective amendments made «to hold» Europe within the Western system, probably, some European states will probably make their choice in favor of the multi-polar world.

Eugenie Vertlib (France). RUSSIA, AS SEEN THROUGH FRANCE'S GEOPOLITICS

1. General Charles de Gaulle saw the strategic cooperation with Russia as a lever to protect «France and its empire» against submission to the US interests and to neutralize the thre-

at of Germany's remilitarization. The French-Russian alliances before 1917 and in the 1940s were the geopolitical necessities for both countries. De Gaulle wanted to see «Europe without the USA». So the Americans helped him to be retired and (it cannot be excluded) facilitated proknock of the subsequent disorders. In May 1968, the student revolts burst and massive strikes — the «Orange Revolution» prototype: the potpourri of the «Prague Spring» and «Cultural Revolution» in China.

2. France has flogged itself with its efforts to create rather artificial states of Yugoslavia and Czechoslovakia, whereas in the long run unifying the southern Slavs was strategically disadvantageous to it. And why had it tried to weaken Russia before fight with Hitler by assisting Finland in the 1939 war and breaking the Soviet troops supply with Azerbaijan fuel with diversions from Syria? The Entente Frenchmen were wiser, for, during the Intervention, they supported the Ukrainian Directory — a kind of the Soviet power, as a matter of fact; they yielded Odessa to the ataman Grigoriev's gangs, that is to the followers of Makhno, the ally of Bolsheviks... The proneness to ethnic conflicts has served as the empire fee. France, that at the dawn of its statehood successfully opposed the invasion of the Asians at Chalon, changes into an Arab-centric caliphate.

3. General de Gaulle has managed to transform such protest energy into positive consolidating the state and building the Empire. Will Nicolas Sarkozy manage to repeat Charles de Gaulle's triumph and rescue the country from total shocks? And the foreign policy background is by no means favorable for France to focus on its home chronic problems. The USA is going to expand «the European democratic bridgehead». China is turning into a superpower, and the USA has no strategy in Eurasia adequate to a new developing situation. Nor there is any political consensus between China and the USA. «In the centre of Eurasia, in the area between expanding Europe and raising its regional status China, a kind of political black hole is to gape until Russia resolutely declares itself a post-imperial power. Meanwhile, south to Russia, the Central Asia might turn into hotbed of ethnic conflicts and disputes between the great powers.» Does France's geostrategy consider these shifts?

FOREIGN AFFEARS

Vagif Guseynov. THE START-3: AN OPENING WINDOW OF POSSIBILITIES OR ANOTHER PANDORA'S BOX?

1. To assess the Treaty between the United States of America and the Russian Federation on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (START-3) and the way it influences Russia's security it is needed to be compare its drawbacks with those useful things that the Treaty provides for our country's security, improvement of bilateral relations and the international climate as a whole. Well, one more thing is also needed — just to honestly answer the question, Would our weakening economy, wracked military-industrial complex, the Armed Forces, being reformed non-stop by already the seventh Defense Minister in succession, be able to withstand those growing threats of the US Strategic Offensive Arms growth unconstrained by any obligations and uncontrolled by us? Or is it yet more advantageous to come to agreement to somewhat restrict the strategic offensive arms growth and to make this class of armaments more transparent?

2. The START-3 is important for strengthening the regime of non-proliferation. In the recent years, the world has faced serious non-proliferation problems. The May 2010 Non-Proliferation Treaty Review Conference was thought to be rather a success by the most politicians and experts; it has demonstrated a certain approximation of the majority of the states on the non-proliferation issues. And this, though a relative, success has become possible thanks to signing the SALT by the RF and US Presidents.

3. Are the START-3 and reducing the US and Russia's nuclear arsenals in general to noticeably contribute to achievement of the mankind's major dream of the universal and complete nuclear disarmament, of the Nuclear Zero? That was what the Soviet leaders called for

in the past and what President Obama calls for, today. Unfortunately, the prospects are very vague. Producing the nuclear weaponry becomes increasingly easier for a wider range of countries and even the organizations. At the same time, the number of nuclear weapon owners and those striving to obtain it is increasing. Today, twenty to thirty countries might be listed as capable to develop the nuclear weapon. The threshold of using nuclear facilities is being lowered.

4. In general, the START-3 has potentials that are advantageous for both Russia and the USA. But much will depend on whether the parties can use them reasonably. No good will come out of this important Treaty, if the USA tries, exploiting its strong provisions of the Treaty (and the loopholes available, unfortunately), to gain the decisive advantage in the strategic offensive arms. The USA is unlikely to win a lot by following such a way. But that that is the case when not only Russia (it still will be having some facilities for deterrence) has to loose, but, primarily, the rest of the world which might well say goodbye to hopes of eliminating at least one of the present grave threats present — the threat of nuclear catastrophe — and of redistributing the world resources to struggle against the truly vital global threats.

*Nickolay Savkin. «THE GREAT ARABIAN DEMOCRATIC REVOLUTION»
Whether it will inflate the «world fire»?*

1. On the agenda today two questions - who following and then all it will end? What will change of the become numb authoritative modes even if it will be the next change of scenery bring to the world? And what lessons other world, including our country should take?

2. In view of growth of activity of the Arabian street, the majority of experts don't doubt that the revolutionary wave will sweep further on the storming world of Islam. Among candidates on «changes» even more often name Syria, Algeria, Jordan, and even rich Saudi Arabia.

3. In the countries captured by excitements specificity of their development has affected. On change to colonial modes here leaders of national-liberation movement whom, having affirmed in power on a revolutionary wave have come to 50-60th years of the XX-th century and being guided by slogans about necessity of maintenance of stability and the public world, have quickly enough created authoritative modes.

*Eldar Kasayev. THE RUSSIAN POLITICS' ARABIAN VECTOR
IN THE RECENT YEARS*

1. Russia's approach to the Arab countries seems to be as following — while keeping in mind the importance of the Arab region as a whole, it would develop and strengthen the relations and solve the arising problems both on bilateral basis with each particular Arab state separately, and on the platforms of the international organizations of various kind. The priority seems to be given to intensifying and increasing the efficiency of economic relations, military-technical, scientific and technological cooperation that are to result in strengthening the real political influence and restoring Russia's authority in this extensive region.

2. According to the Russian Federation Foreign Policy Concept, Russia is to try to achieve stability in the Middle East, including the Persian Gulf zone and the North Africa, keeping in mind the way the situation in the region influences that in the whole world. With its co-sponsor status, Russia is going to pursue the policy of active participation in putting the region into normal after the crisis.

3. In this context, Russia's priority task shall be to restore and strengthen its positions, especially economic ones, in this rich and important for our interests world area. Russia, considering the Greater Mediterranean as the binding knot of such regions as the Middle East, the Black Sea area, Caucasus, the Caspian Sea basin, is going to purposefully pursue the policy of

its transformation into the zone of peace, stability and good neighborhood to promote advancement of the Russian economic interests, including in choosing the routes of important energy carriers lines.

Inna Shumilina. THE US AND OBAMA'S IMAGES IN THE NEAR EAST:
BETWEEN A WORD AND A DEED

1. High degree of Anti-Americanism and 'anti-Bushism' practically all over the world, in 2008, was caused by the military operation in Iraq. It was then when the following notion became byword and popular, «The Americans do not understand the actual situation in the Middle East region, and all the Muslim and Arabian world hates the US policy,» — and not just in the Islamic countries, but in Europe and Russia as well. That position reflected most typical conceptions of the USA in the world at that period, shaping thereby an aggregated negative image of the Unites States.

2. Acceleration of the US economic growth, reduction of the unemployment throughout the country and the federal budget deficiency would become Barack Obama's main priorities for the second half of his presidency. That was stated over the CNN and NBC by the American president's top political consultant, David Axelrod, and the White House press-secretary, Robert Gibbs. All mass-media immediately pointed out the lack of any foreign policy item in the short list of both members of Administration. Though it seems to be quite logical and understandable, if one takes into account Obama's rating going down in the country and the Democrats setback at the last November elections. Obama, according to Axelrod, has come to the White House as the president of «changes to the best». And the president's image should remain as such.

3. It ought to be stressed that the US positive image making in the Middle East did become much more proactive in the final years of Bush presidency — especially against the background of the events in Iraq. All the Washington leading state bodies had their share in it. With Obama, the problem perception has not conceptually changed. But while the core of Bush rhetoric was common enemy for all — the international terrorism — fighting which made up unity of interests of all countries in the world, Obama's team weakened this accent and put forward the unity of human values.

4. It is important to note, that Obama Administration has maintained all the key points of their predecessors' PR-strategy, that were worked out after September 11th, 2001; notably, 1) that the Americans have no hostile feelings towards Islam; 2) that terrorists and extremists cannot be allowed to «make the civilization conflict a real occurrence»; 3) that the USA will support its partners and allies in the Middle East. No changes underwent also the implementation channels this image triad aimed to influence the wide spectrum of the Islamic population — through the telecommunication networks, special information resources intended for the Arab audiences, plus cinema and special PR-actions.

ECONOMICS

Nickolay Zakharov. MODERNISATION
AND THE NEW QUALITY OF THE GOVERNANCE
(political and economic aspect)

1. The fundamentals of Russia's present social and economic reforming are being researched in a much smaller degree than the problems of the day-to-day practice. But it is difficult, even hardly possible, to work out the holistic concept of society's strategic development, reforming and modernizing, to set up a trajectory and means of its effective implementation.

2. Formally, it is general belief that the government and business are to be delimited and to co-operate carrying out their own specific functions. However, in recent years, in Russia, it has become increasingly obvious not just government-business interacting, but their conver-

ging, that is the deep interpenetration at all levels of governance, at that not always the most constructive one. The domestic practice reveals a weighty share of the state power's vigorous activity that carried out not for the sake of the state or society, but to appease some personal and group interests, which leads to substantial, at times — critical, losses in managing the country's reforms and modernization.

3. To modernize today's Russia is objectively necessary and it demands deeper scientific-theoretical comprehension to minimize costs and wastes at achieving socially and economically meaningful results. The fundamental basis of such comprehension might well become the model of steady socially focused development with its key link of the man thinking, creating and operating in the consent with the nature. Therefore, to invest into nature preservation and development of personality is the priority that should be reflected and proportionally realized in public reproduction. At that, pleas of the insufficiency of needed resources are far from being justified always, for Russia has such resources, the matter is to purposefully and effectively dispose them.

CULTURE & EDUCATION

ABOUT COMPETITION OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Correspondence «round table» (conclusion)

We finish discussion of the questions published in the last issue:

1. How you estimate a present condition of the Russian higher education?
2. What, in your opinion, merits and demerits of structural transformations spent now in the higher school and expert estimations of their influence on competitive sphere, perspective position of formation and society development?
3. What legislative, administrative, public and other measures are necessary for accepting, that at the expense of competition development really and significantly to raise a priority and quality of higher education, social and economic efficiency of work of high schools? What conditions and tendencies become defining dynamics of an education sphere — state regulation or competitive development of higher educational institutions?
4. What can affect prospects and position in the world of our higher school most effectively? What does high competitiveness of domestic high schools mean for Russia?
5. Conservatism or the innovations traditional or new educational technology, the affirmed forms or essentially new kinds of the educational organizations should define in the long term shape of an education system which will be capable to form a society and the economy based on knowledge?
6. In your opinion, a present condition of the Russian economy and society development, on the one hand, and accruing requirements of a future information society demand from the support higher school on theoretical preparation or on the practical skills of the expert fundamental or applied knowledge, a wide profile or narrow specialization of high school graduates?
7. How you think to be competitive, the Russian higher education should become elite or accessible various strata of society what prevents the organizations of effective system «formation through all life»? What is it is necessary to keep in our formation and what to involve from world experience for creation of really competitive education system adequate to new calls and problems, facing to our country?

Ewgeny Minnibaev. THE CLOSING SPEECH OF THE DISCUSSION'S ANCHORMAN

1. To sum up our «round table» discussion, it ought to be note, fist of all, the topicality of the issue the Bulletin had called to discuss and its practical significance for choosing the ways of development, revealing the factors of efficiency and quality, determining the Russian educational system's place and role in the global world. Competitiveness and efficiency seem to be the words mostly used in declarations from high rostra on intentions, tempting prospects and expectable outcomes.

2. But, as the expert community note, neither uniform stimuli, nor necessary conditions to enhance the competitiveness of all Russian educational still have not been developed in real practice, and nothing is envisaged to work them out in the legislative and administrative acts. Moreover, up till now, both the public and the government do not comprehend the necessity and the importance, as well as the principles, forms, and mechanisms of forming up the workable competitive environment in education.

3. At the same time, it is hard to imagine, how the efficiency of market mechanisms for our country's development can be increased without introducing and developing in educational system such principles, as urge towards the best results, higher efficiency, towards the most qualitative meeting the social mission of the higher school. For the education is meant to be the most powerful and effective catalyst of processes of public transformations and effective social and economic dynamics.

4. Discussing the best domestic and foreign achievements in education that need to be protected, used and developed further, the «round table» participants unanimously supported the perseverance of the fundamentality as the major heritage of the Russian education. The heritage recognized all over the world and still capable to bring victories to the scholars, who we are unable to call «fully ours», though.

DEBUT

Pavel Komarov. THE HOLD-UP PROBLEM IN POLITICS

1. Conscious of possible consequences of the reforms that are pregnant with the threat of coup d'état and changing the political regime, authoritative regimes mostly prefer to preserve the existing inefficient economic system, thus putting the rise of the national economy's competitiveness and public welfare to the detriment of their powers prolonged for the greatest term possible. Avidit Acharya claims, that this is the obvious case of forming up political hold-up problem in the society; the power elite refuse to carry out reforms that are to make the economic system more efficient because they would also give more political power to the citizens. This phenomenon, he emphasizes, is absolutely identical to the hold-up problem in the institutional theory, when one party refuses the actions that are to rise the general utility if they, at the same time, would strengthen their opponent's position in the deal.

2. The more citizens take part in contention with the government, the higher a probability of changing political regime. At that, a revolution creates serious side effects for both confronting parties, and both parties would try to avoid them through bargaining procedure for possible concessions. In other words, there will always be certain surplus equal to the costs of confrontation which may be redistributed in such a way, as to more or less meet the interests of all. Even in the case when an authoritative regime has opportunity to appropriate the whole surplus created due to increase of the economic system efficiency, a ruler might reject the idea of reforming, for it anyhow would raise society's ability to consolidate. Hence, to avoid revolutionary revolt the regime should grant even bigger concessions to the citizens, and the costs increasing the political power of citizens would be sufficient argument to cancel the course to reforming.

3. It is a sad realization, that Russia, while having been in similar historical and, more important, much more favorable social and economic conditions, failed to take its chance. In full evidence it may be asserted, that the hold-up problem in the Russian politics is rather acute and the country's future will much depend on particular ways to solve it.

«ROUND TABLE»

WHAT IS THE STABLE SOCIETY?

The participants in the discussion were Professor Val. A. Loukov, Dr.Sc. (Philosophy), the Deputy Rector on Researching and Publishing — Director of the Institute of Fundamental and

Applied Studies at the Moscow Humanitarian University; Chief Researcher at the RAS Institute of Philosophy, Academician of the Russian Academy of Education, Professor Lyudmila P. Buyeva, Dr.Sc. (Philosophy).

The Round Table was hosted by Professor Pavel S. Gurevich, Dr.Sc. (Philosophy).

The following questions were under the discussion —

1. What kind of society is to be considered stable?
2. What is society clamped with to ensure its stability — economic prosperity, spirituality, national idea, high moral?
3. Are the current state power's efforts to consolidate stability justified as being the main task for Russia, or are they to result in stagnation? What are the ways to ensure the country's modernization breakthrough and, at the same time, bring in no dissonance in the society?

PUBLICATIONS

History lessons

Boris Chernyshev. PASSING-BY THE HISTORY'S EXPERIENCE LESSONS ON MODERNIZING THE RUSSIAN SOCIETY

1. Three ages of Russia's painful chasing the logics of West European countries' historical development in modernizing society have brought no positive results to it. By the beginning of the 21st century, Russia had had its industrial potential — that is seen as one of the key signs of the modern open society — destroyed. The real had become the threat of the country's transformation into a raw-material appendage of the world developed countries. In this extremely difficult situation, Russia's supreme ruling power has to persistently search for its own way to enter the new of occurrence to the world economy's new incipient VI technological setup. But, while doing so, it (yet again!!!) uses no critical assessment of the history's experience in modernizing the Russian society and learns no its instructive lessons.

2. The ruling elites in the Russian society have never seen the History as the teacher of life. But that kind of historical knowledge application made them unable to promptly explain, from the scientific positions, the meaning of the «current» history's events. They had to cheat, be sly with the facts of the particular historical situation, for the revelation of cause-effect relationship between the current events and those in the past was potentially dangerous to the rulers themselves. To analyze the sources of their own failures, to recognize their errors was equal to suicide for them. That was why the sovereigns viewed, as a rule, just those current history's facts which were «worthy» of their attention, the others were simply ignored.

3. The notion of «concrete historical analysis of the political situation» began to be substituted either with the notion of the analysis of «a problem situation», or with rejecting any analysis whatsoever and decision-making based on intuition. The substantiation of why it is this and not that problem that gets into the agenda of public politics, is unavailable. The unrevealed essence of a particular political situation paves broad way to subjectivity in choosing public policy problems, because there are the mass of seemingly weighty and important «pseudo-problems», and no one can guarantee, that the problem selected for analysis does not belong to the latter category.

4. Substituting one analysis for the other results in the practice when the state civil services, their administrators and representatives become the chief «producer» of the social problems. The decisions they suggest are based not upon the facts of objectively developed situation, but proceed, first of all, from their lobby interests. Moreover, such decisions tend either to set up new bodies of governance or to give the existing ones some new additional functions, all budgetary funded. That is why, in the early 21st century, it would be useful to learn one of the history's lessons — the historical experience can fulfill the function of scientific substantiation of approving state decisions only and just when the expediently selected historical knowledge is used in assessing modern problems to determine the patterns of development of the particular historical situation and the lessons from the history's are learnt.

Yelena Komleva. NUCLEAR ENERGY PHENOMENON:
SPIRITUAL-and-HUMANITARIAN-and-PRAGMATIC VIEW

1. The nuclear energy phenomenon in the past, present and future was, is and will be extremely important for people. The nuclear energy and the mankind are connected with strong bonds. And the mankind has for the first time perceived itself a single fragile body against the nuclear danger. The anthropogenic either nuclear benefit or nuclear danger to mankind are mostly still emanated from the man and the socium. They both are 'flesh of flesh' of the man's mind, soul and hands. This forms up feedback — influencing possible consequences of the nuclear phenomena by the man the way he is and the way he will be in anthroposocial sense. The nuclear energy's super-global value, negative challenges and positive facilities must be in keeping with approaches and activities that are adequate in efforts, complexity and completeness, diligence and constancy to comprehend, deter or adapt these properties of the phenomenon to the real conditions of the mankind.

2. There is a tendency, in the context of spiritual and humanitarian understanding of global problems, to percept the phenomenon of ambivalent nuclear energy in all its fullness accessible for today. It is appropriate to strengthen the integral (in the substantial senses of the common cognitional experience), poly- or interdisciplinary (as referred to sciences of the human-being and society and beyond-science-knowledge of the human), systemic and activity-focused human civilization's nuclear energy's joint reflection. That is, the reflection in the twofold context of their coexistence and interaction as the objects relatively external to each other, as well as seeing the nuclear an integral part of the phenomenon of mankind.

3. As refer to the anthro-socio-nuclear sphere, it has been studied the state of affairs at the UN political and research institutions. The analysis of methodology of researches has been done at the United Nations University and the Hiroshima Peace Institute. It is appropriate to study further social and anthropic aspects of the nuclear energy using network principle — at the UNU (leader-coordinator) and other universities within the single 'networks of networks'. Upon the spiritual and humanitarian, rational and irrational methodological base meeting the requirements of maximum complete concept realization and full employment of the aggregated knowledge of the man and society, from the positions of principles of civil society. For working out scientific and political recommendations, adequate to the tasks of the mankind progressing, to monitor the nuclear and conjugating it spheres of the civilization and the nuclear public consciousness, to influence their evolution to make the nuclear world safe, durable and comfortable. For successful intellectual search and practical rootage generating the optimum future of the anthro-socio-nuclear fundamentals.

Eye witness

Maria Kortunova. THE WAY THE COUNTRY HAS ITS COAL BROUGHT TO GRASS.
NEW REALITIES

«I am a photographer, by my second vocation, and have already found my niche in photography — social documentary and reportage. The miners' life was not a stray subject. At the Institute of Strategic Studies and Analysis, for several years, I was engaged in analytical reviewing the socio-economic situation in the Rostov-on-Don Oblast. One of the most acute and quite a prolonged problems in that region is the situation in the East Donbass mining territories, where 49 out of 64 mines were closed during the coal branch re-struction.»

«Closing coal-mining production units, insufficient funding have resulted in high rate unemployment, considerable wages decline, increasing number of people living below the poverty line, and crime rise. In some miners' settlements in the region, the living, to put it mildly, is far from being comfortable: quite often the electric light and running water are the only utilities the dwellers supplied. Up till now there is no centralized gas supply, nor sewerage, nor heating in the miners' barracks built 20 years ago in some settlements. Those who get a chance are leaving for big cities, those who stay do their utmost to survive».

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. «AND ON A GLOOMY ABYSS' VERY BRINK...»
Edgar Morin. *Vers Labime?* /in Russian/ St.-Petersburg, 2011

1. Morin is mostly convincing at assessments of the real events occurring in the world. Globalization of the economic market with no outside control and true self-regulation, he notes, has created new islets of wealth and, at the same time, expanding zones of poverty, as, for instance, in the Latin America and China. It caused a number of crises and will serve to aggravate them in future, up to the threat of the total chaos. The process of developing sciences, technologies, industry, economy that gives today a drive to the planetary ship of Earth is regulated neither by the politics, nor ethics, nor thinking.

2. E. Morin is ready to discuss the crisis of the European spirit. But the books gives nothing essentially new to assess the subject. Again, there is a habitual rhetoric of our experiencing agony in the struggle between the forces of life and forces of death. It is especially distressing, that the arguments for life are of an abstract character. Suppose, E. Morin argues, five millions years ago some extraterrestrial observer came to the planet of Earth which was in chaos then. He would have certainly, believes the sociologist, returned to γ -star in the Centaur constellation to report that nothing interesting is ever going to happen on Earth, that being in the very moment when the macromolecules already were on a way to create living beings. Later, there would form historic societies, civilizations around rivers.

3. E. Morin is right to criticize economic theories and their priority in the public consciousness. He perceives the economics as the most advanced social science which, more strictly measured, proves to be abstracted from the historic, psychological, ecological conditions that are the integral elements of economic activities. «The particular, divided into separate areas, mechanistic, the broken and reduced mind destroys the complexity of the world and sees the world in the shattered fragments, addresses the problems fractionally, separately from each other; dividing what has to be united, transforming many-sided into one-dimensional» (p. 35)

4. Creative construction of a meta-system, stresses E. Morin, always seems incomprehensible. This is a case of improbable. But, in the history of mankind, the improbable many a time became the possible. «At the ocean of uncertainty the navigator leads us along the islands and archipelagoes well-known to us. There exists a large number of established facts — local, partial, fragmentary — which help us in navigating. But at that, as said above, it can never be forgotten of what we do not know, the unknown» (p. 90-91). Unfortunately, the book contains more of this unknown, than what is known.

ОБ АВТОРАХ

Вертлиб Евгений Александрович (*Франция*) — академик РАЕН, а также ряда зарубежных академий, профессор Европейского Центра по изучению проблем безопасности (Германия), вне-штатный советник председателя Комитета по международным делам и международным связям Парламента Кыргызской Республики.

В 1975 году получил статус политического беженца (США).

На протяжении ряда лет занимался научно-исследовательской и преподавательской деятельностью в различных институтах и организациях США и Италии.

Сфера научных интересов: аналитическая политология внешней политики, принятие политических решений, управление конфликтами и стабильностью общества, стратегии национальной безопасности.

Член Консультативного Совета неправительственных организаций при Комитете Государственной Думы по международным делам. Член редакционной коллегии журналов «Геополитика» (Украина), «Дон», «Центральная Азия: политика и экономика» (Казахстан).

Опубликовал более 200 статей, интервью, рецензий и др. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кавалер ордена Петра Великого I степени.

Грациани Тиберио (*Италия*) — главный редактор итальянского журнала «Евразия. Обзорение геополитических исследований» (*Eurasia. Rivista di studi geopolitici*) и библиотеки «Геополитические тетради» (*Quaderni di Geopolitica*), директор Института изучения геополитики и смежных дисциплин (*Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie*), соучредитель Института изучения Среднего и Дальнего Востока имени Энрико Маттея (*Istituto Enrico Mattei di Alti Studi per il Vicino e Medio Oriente*), в котором в 2007–2008 годах занимал должность замдиректора. Тиберио Грациани часто выступает с докладами на саммитах Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (*World Public Forum «Dialogue of Civilizations»*). В течение многих лет преподавал в университетах Перуджи и Л'Аквилы (Италия). Преподавал в представительствах Института внешней торговли Италии в разных странах — Узбекистане, Китае, Индии, Ливии, Аргентине.

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008). Соредактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия-Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая

эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутр-решней политики и экономики России.

Дергачев Владимир Александрович (*Украина*) — русский геополитик, профессор, доктор географических наук. На основе разрабатываемой профессором Дергачевым геополитической теории Больших многомерных пространств создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор 40 книг, в том числе Геополитика (2000, 2004); Геоэкономика (2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (2004); Регионоведение (2004, 2010, в соавторстве с Л.Б.Вардомским); Международные экономические отношения (2005); Глобалистика (2005), Геополитический словарь-справочник (2009), Геополитика. Геофилософия. Геоэкономика, в 27 томах (Электронное издание на CD, 2009), Геополитическая энциклопедия (2010, www.dergachev.ru)

Захаров Николай Игоревич — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Специалист в области управления социально-экономическими процессами и системами, автор более 50 научных трудов.

Участвовал в разработке федеральных, региональных и корпоративных программ, в том числе таких, как «Реформирование государственной службы Российской Федерации» (на 2003–2005 годы), «Перспективы социально-экономического развития малого города», «Пути повышения эффективности управления персоналом предприятий ВПК».

Член экспертного совета ИНИОН РАН. Академик Международной академии наук (русская секция). Действительный член Академии местного самоуправления и социальных технологий.

Зернов Владимир Алексеевич — доктор технических наук, профессор, ректор Российского нового университета, председатель совета Ассоциации негосударственных вузов России.

Касаев Эльдар Османович — юрист-международник. Окончил Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России (2008). Автор более 50 научно-аналитических и публицистических работ по проблемам стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Сфера научных интересов: исследование правовых аспектов пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российских компаний в ТЭК государств БВСА. Готовит к защите диссертацию (по кафедре международного права МГИМО) на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Колташов Василий Георгиевич — руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО).

Комаров Павел Александрович — студент 5-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ.

Комлева Елена Владимировна — научный сотрудник Университета Дортмунда, Германия, аспирант Мурманского государственного технического университета, переводчик международного отдела Института проблем промышленной экологии Севера (ИППЭС) Кольского научного центра Российской академии наук (КНЦ РАН). Обладатель международных грантов нескольких исследовательских центров. Автор ряда научных трудов по проблемам экологии и ядерной безопасности.

Кортунова Мария Васильевна — сотрудник Института стратегических оценок и анализа. Окончила МГИМО МИД РФ по специальности экономист-международник; фотограф,

участник программ Фонда развития визуальной коммуникации «Объективная реальность».

Миннибаев Евгений Кадырович — доктор исторических наук, профессор, ректор Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, член Аккредитационной коллегии Рособнадзора, эксперт комитета по образованию и науке Государственной Думы РФ.

Савкин Николай Павлович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа, полковник в отставке, член Лиги военных дипломатов.

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Чернышев Борис Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан специального факультета Саратовского юридического института МВД России.

В 1972 году после окончания исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского работал комиссаром областного штаба студенческих строительных отрядов, зав. отделом студенческой молодежи обкома ВЛКСМ, инструктором отдела науки и учебных заведений горкома КПСС. Лауреат Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам 1977 года. С 1985 года — на преподавательской работе. В 1988–1990 годах — старший научный сотрудник Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1991 года — на службе в органах внутренних дел: начальник кафедры Саратовского юридического института МВД России.

Автор монографий: «Осмысление исторического опыта в трудах В.И. Ленина. О методологических категориях политического анализа», «Проблемы методологии исторического анализа при разработке политических решений. 1924–1990 гг.», «Разработка и принятие государственных решений в России: уроки истории XVIII–XX вв.», «Исторический анализ политической ситуации в решениях правителей России XVIII — начала XXI вв.», а также ряда статей по истории государственного управления России. Лауреат конкурса на лучшую научную книгу 2004 года среди преподавателей вузов России.

Область научных интересов: модернизация российского общества; история и теория подготовки, принятия и реализации государственных решений в России XVIII — начала XXI века, правители и политическая элита общества в механизме подготовки государственных решений.

Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации.

Шумилина Инна Викторовна — кандидат политических наук, заместитель главного редактора Интернет-портала Mideast.ru, вице-президент НП «СМИ против терроризма и экстремизма».

OUR AUTHORS

Boris V. CHERNYSHEV — Dr.Sc. (History), Professor, Dean of the Special Department at the RF Ministry of Internal Affairs Saratov State Law Institute.

In 1972 was graduated from the N.G.Chernyshevky Saratov State University (Department of History). Later, was appointed the Commissar of the Oblast HQ of the Student Construction Teams, then headed the Department of Student Youth at the Young Communist League (*Komsomol*) Oblast Committee, then employed as the Instructor of the Science and Educational Establishments Department at the Communist Party (the CPSU) City Committee. The prize-winner of the 1977 All-Union Contest for Young Researchers in the Social Sciences. Since 1985, engaged in high school lecturing. In 1988–1990 — Senior Researcher at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences. In 1991, entered the law-enforcement service as the Chair Head at the RF Ministry of Internal Affairs Saratov State Law Institute.

Authored the monographs on *The Interpretation of the Historical Experience in V. I. Lenin's works. Methodological Categories of Political Analysis; The Problems of Methodology of Historical Analysis In Political Decision-Making. 1924–1990; the State Decision-Making in Russia: History's lessons of the 18th to 20th Centuries; the Historical Analysis of Political Situation in Russia's Rulers Decisions of the 18th to early 21st Centuries*; and a number of articles on history of Russia's state governance. The prize-winner of the 2004 Best Scientific Book contest among Russia's high school lecturers.

The sphere of research interests includes the Russian society's modernizing; the history and theory of Russia's state decisions being worked out, passed and implemented in the 18th to early 21st centuries; the society's rulers and political elite in the mechanism of the state decision-making.

Holds the title of the Honored Educationalist of the Russian Federation Higher School.

Vladimir A. DERGACHEV (*Ukraine*) — Dr.Sc. (Geography), Professor, the Russian expert in Geopolitics. Based on Professor Dergachev's geopolitical theory of the Greater Multi-Dimensional Spaces, a series of interdisciplinary works and textbooks on the Geopolitics aimed at developing the analytical thinking have been created. Authored 40 books, including *The Geopolitics* (2000, 2004); *Geoeconomics* (2002); *Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (2004); *Studying Regions* (2004, 2010, co-authored by L. B. Vardomsky); *the International Economic Relations* (2005); *The Globalistics (2005)*, *the Geopolitical Dictionary-Directory* (2009), Geopolitics. *Geophilosophy. Geoeconomics*, in 27 volumes (the Electronic edition on CD, 2009), the Geopolitical Encyclopaedia (2010, <www.dergachev.ru>)

Tiberio GRAZIANI (*Italy*) — Director of «Eurasia — magazine of geopolitical studies» and the series «Quaderni di Geopolitica (Edizioni all'insegna del Veltro, Parma), is the President of the ISAG (Institute of Advance Studies in Geopolitics and Auxiliary Sciences). He is the co-founder of the IEMASVO (Institute of Advanced Studies for the Near and Middle East) and vice President for the years 2007–2008. He is usually invited as a speaker in the international conference World Public Forum — Dialogue of Civilizations. He taught for years at the University of Perugia and L'Aquila. He has taught courses for the ICE (Institute for Foreign Trade) in many countries, such as Uzbekistan, China, India, Libya and Argentina.

Vagif A. GUSEYNOV — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the Vestnik Analytiki bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and

Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including *Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold* (2008). Co-edited and published the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004); *The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006). Co-authored, co-edited and published books on *Russia-Great Britain: Another Cooling* (2007); *The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization* (2007); *The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008)* (2008); *Russia in Changing World* (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002); *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006); *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007); *Russia and the World: New Epoch* (2008); *The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics* (2010), «*Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000–2010)*» (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

Eldar O.KASAYEV — international jurist. Graduated from the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs *MGIMO* University (2008). Authored over 50 scientific and analytical works and articles on the problems of the Middle East and North Africa (MENA) countries. Area of research interests: legal aspects of subsurface use; investment climate analysis; perspective assessment of the Russian companies activities in the fuel and energy complex of the MENA countries. Writes his Cand.Sc. (Law) thesis at the International Law Chair of the *MGIMO* University.

Vasily G. KOLTASHOV — Head of the Economic Research Center at the Institute for Global Research and Social Movements (IGSM).

Pavel A.KOMAROV — is the 5-year student of the Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU HSE).

Yelena V.KOMLEVA — the researcher at the University of Dortmund, Germany, the post-graduate student at the Murmansk State Technical University, the translator employed by the International Department of the Institute of Industrial Ecology of the North Studies at the Russian Academy of Sciences Kola Scientific Center the (the RAS KSC). The holder of international grants from several research institutions. Authored some scientific works on ecology and nuclear security.

Maria V. KORTUNOVA — the employee at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Graduated from the Russian Federation Ministry for Foreign Affairs *MGIMO* University with the diploma in international economics; photographer, participating in programs run by the *Objective Reality* Foundation for Development of Visual Communications.

Evgeny K. MINNIBAEV — Dr.Sc. (History), professor, Rector of the Eastern Academy of the Economic and Legal Liberal Sciences (Ufa, Bashkiria), member of Accreditation Board of the Rosobrnadzor (the Service to supervise educational organizations), expert at the State Duma Committee on education and science.

Nickolay P. SAVKIN — the Researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis; holds military rank of Colonel (retired), and membership in the League of Military Diplomats.

Inna V.SHUMILINA — Cand. Sc. (Politology), Deputy Editor-in-Chief of the Mideast.ru Internet3portal; Vice-President of the *Mass Media Against Terrorism and extremism organization*.

Elvira M. SPIROVA — Ph.D, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Evgenie A. VERTLIB (*France*) — Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, as well as some of the foreign Academies; the Professor at the European Center of Security Studies (Germany), the non staff Adviser to the Chairman of Committee on the foreignaffairs and international cooperation of the Parliament of the Kyrghyz Republic.

In 1975, was granted the status of political refugee (USA). For some years, was engaged in research and lecturing at various institutes and organizations in the USA and Italy. Scientific interests include foreign policy analytical politology, political decision making, conflict and society's stability management, strategies of national security.

Member of the NGO Advisory Council at the State Duma Foreign Affairs Committee. Member of the Editorial Boards of the Geopolitics (Ukraine), Don (RF), The Central Asia: Politics and Economy (Kazakhstan) magazines.

Published more than 200 articles, interviews, reviews, etc.

Member of the Russia's Union of Writers and the Union of Journalists.

Awarded the Order of Peter the Great, 1st class.

Nikolay I. ZAKHAROV — D.Sc. (Economics), Professor at the Management Chair, the RF President's Russian Academy of State Service (RAGS). Has scholar experience in management of socio-economic processes and systems, authored more than 50 works.

Participated in working out federal, regional, and corporate programs, such as «Reforming of Civil Service of the Russian Federation» (for 2003–2005), «The Perspectives of Socio-Economic Development of A Small Town», «The Ways To Increase Efficiency of Managing the Personnel at the Military-Industrial Complex Enterprises».

Member, the Advisory Council of the Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information for Social Sciences (ISISS). Academician, the International Academy of Sciences (-the Russian Section). Academician (full-fledge Member), Academy of Local Government and Social Technologies.

Vladimir A. ZERNOV — Dr.Sc. (Technology), Professor, Rector of the Russian New University; Board Chairman of the Association of Russia's Non-Governmental Institutions of Higher Education.

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 1(43)

*Перевод с английского — Владимира Мисюченко.
Фотографии — Марии КОРТУНОВОЙ.*

Корректурa А.Панюгиной
Верстка Л.Листвина

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 1.03.2011 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Заказ № 346.

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение

Форма № ПД-4

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 3010181080000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 3010181080000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир